

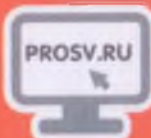

В. Я. Коровина В. П. Журавлев В. И. Коровин

Часть 2

7

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. К. Саврасов. «Радуга»

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

А. С. Пушкин

В.Я. Коровина В.П. Журавлев В.И. Коровин

ЛИТЕРАТУРА

7 КЛАСС

Учебник

для общеобразовательных организаций

В двух частях

Часть 2

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

5-е издание

Москва «Просвещение» 2016

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83я72
К68

На переплёте — фрагменты репродукций картин
Б. М. Кустодиева

На учебник получены положительные экспертные заключения по результатам научной (заключение РАН № 10106-5215/649 от 14.10.2011 г.), педагогической (заключения РАО № 162 от 29.01.2014 г., № 168 от 05.02.2015 г.) и общественной (заключения РКС № 181 от 07.02.2014 г., № 838 от 01.04.2015 г.) экспертиз.

Коровина В. Я.

К68 Литература. 7 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 2 / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Корвин. — 5-е изд. — М. : Просвещение, 2016. — 319 с. : ил. — ISBN 978-5-09-037553-5.

Учебник соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования, «Примерным программам по учебным предметам. Литература. 5—9 классы» и «Рабочим программам. Литература. Предметная линия учебников под редакцией В. Я. Коровиной. 5—9 классы».

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83я72

ISBN 978-5-09-037553-5(2)
ISBN 978-5-09-037555-9(общ.)

© Издательство «Просвещение», 2013
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2013
Все права защищены

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Иван Алексеевич БУНИН

1870—1953

И проза ваша и стихи с одинаковой красотой и силой раздвигали перед русским человеком границу однообразного бытия, щедро одаряя его сокровищами мировой литературы, прекрасными картинами иных стран, связывая воедино русскую литературу с общечеловеческим на земле.

М. Горький

В майские дни 1887 года из почтового отделения в Озерках, Елецкого уезда Орловской губернии, шёл семнадцатилетний юноша, рвал в лесу росистые ландыши и перечитывал стихотворение, напечатанное в журнале «Родина».

Стихотворение кончалось так:

Грустно видеть, как много страданья,
И тоски, и нужды на Руси!

Это было первое опубликованное стихотворение Ивана Бунина, связанное с впечатлениями его детства и юности.

Иван Алексеевич Бунин родился в Воронеже в 1870 году; детство и юность провёл в деревне. Он так писал о себе: «Я происхожу из старого дворянского рода, давшего России немало видных деятелей... где особенно известны два поэта начала прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский, один из корифеев¹ русской литературы, сын Афанасия Бунина и пленной турчанки Сальхи».

¹ *Корифей* — выдающийся деятель на каком-либо поприще, например: корифей русской науки.

Отец Бунина, Алексей Николаевич, в молодости был офицером, участвовал в обороне Севастополя в 1854—1855 годах, потом жил беззаботно, широко... Это был вспыльчивый, беспечный, но в общем добродушный человек. Разорившись, он поселился на хуторе Озерки...

Жизнь на хуторе, общение с крестьянами, с народом отразились в лучших произведениях Бунина. «Тут, — писал он, — в глубочайшей полевой тишине, среди богатейшей по чернозёму и беднейшей по виду природы, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов, и прошло всё моё детство, полное поэзии печальной и своеобразной...» На развитие литературного дара юноши влияла не только окружающая его природа, но и среда, близкие люди. Бунин говорит о влиянии, которое имел на него его воспитатель, обедневший дворянин, скитавшийся по деревням и усадьбам, начитанный, образованный, много видевший на своём веку человек. От него Бунин слышал о Гоголе. Мальчик запомнил этот рассказ после того, как прочитал «Страшную месть» Гоголя...

С особенной теплотой и сердечностью Бунин вспоминал своего старшего брата, Юлия Алексеевича. Именно Юлий Бунин пробудил в младшем брате любовь к книгам...

С 1888 года имя Бунина начинает появляться в книжках «Недели», где часто печатались произведения Льва Толстого и Щедрина.

Литературная судьба Бунина складывалась счастливо. Критика в общем хвалила его произведения, его именовали «певцом осени, грусти и дворянских гнёзд», отдавали должное его прекрасному языку. От бывших крепостных крестьян Бунин услышал рассказы о печальном прошлом, о крепостном праве, услышал народные поэтические сказания.

В рассказах Бунина о деревне поражает точность, подлинность крестьянской речи, в других рассказах восхищает язык разных слоёв общества, переход к повествованию от автора, высокие достоинства его переводов с английского, французского...

В начале 1905 года Бунин поселяется в Москве, сближается с А. М. Горьким, А. П. Чеховым и другими видными писателями. Он много странствует по Европе и Азии.

Признанный мастер прозы, Бунин был верен и поэзии.

Долгие годы большой русский писатель Иван Бунин прожил вдали от родины, с которой был связан лучшими своими произведениями, и умер в Париже 8 ноября 1953 года. До конца

жизни он тосковал о родине. В стихотворении 1922 года с горечью писал:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

Это был даровитейший художник слова, замечательный русский писатель, создавший правдивые картины ушедшей в прошлое русской жизни.

По Л. В. Никулину

В творческой лаборатории писателя

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ И. А. БУНИНА

Я всю жизнь испытываю муки Тантала¹. Всю жизнь страдаю оттого, что не могу выразить того, что хочется... как сказать обо всей этой красоте, как передать эти краски, за этим жёлтым лесом дубы, их цвет, от которого изменяется окраска неба...

Какая мука наше писательское ремесло... А какая мука найти звук, мелодию рассказа — звук, который определяет всё последующее!

И. Бунин

* * *

«...Бунина надо читать, читать самому и навсегда отказаться от жалких попыток рассказывать обыденными, не бунинскими словами о том, что написано им с классической силой и чёткостью...

Срединная наша Россия предстаёт у Бунина в прелести серых деньков, покое полей, дождях и туманах, а порой — в бледной лучезарности, в тлеющих широких закатах, — писал К. Г. Паустовский. — Здесь уместно будет сказать, что у Бунина было редкое и безошибочное ощущение красок и освещения.

¹ *Тантал* — по древнегреческому мифу, фригийский царь, осуждённый Зевсом на вечные муки голода и жажды.

Мир состоит из великого множества соединения красок и света. И тот, кто легко и точно улавливает эти соединения, — счастливейший человек, особенно если он художник или писатель.

В этом смысле Бунин был очень счастливым писателем. С одинаковой зоркостью он видел всё — и среднерусское лето, и пасмурную зиму, и „скудные, свинцовые, покойные дни поздней осени“, и море, „которое из-за диких лесистых холмов вдруг глянуло на меня всей своей тёмной громадной пустыней“...

В записках Бунина есть одна короткая фраза. Она относится к началу лета 1906 года. „Начинается пора прелестных облаков“, — записал Бунин и этим как бы открыл нам одну из „тайн“ своей писательской жизни. Эти слова — о приближении неизбежного и милого труда, связанного у Бунина с летней порой, „порой облаков“, „порой дождей“, „порой цветения“.

Этими четырьмя словами Бунин отмечает начало своей работы по наблюдению за небом, по изучению облаков, всегда таинственных и притягательных.

...Бунин одинаково остро и тонко видел всё, что привелось ему увидеть в жизни. А видел он очень много, с юных лет заболев скитальчеством, непокоем, жаждой непременно увидеть всё, до той поры невиданное.

Он признавался, что никогда не чувствовал себя так прекрасно, как в те минуты, когда ему предстояла большая дорога.

Глядя из окна вагона на тень от паровозного дыма, таявшую в прозрачном воздухе, Бунин сказал: „Какая радость — существовать! Только видеть, хотя бы видеть лишь один этот дым и этот свет. Если бы у меня не было рук и ног и я бы только мог сидеть на лавочке и смотреть на заходящее солнце, то я был бы счастлив этим. Одно нужно — только видеть и дышать. Ничто не даёт такого наслаждения, как краски. Я привык смотреть. Художники научили меня этому искусству... Поэты не умеют описывать осень, потому что они не описывают красок и неба“.

Бунин говорил, что, начиная писать о чём бы то ни было, прежде всего он должен „найти звук“: „Как скоро я его нашёл, всё остальное даётса само собой...“

Что это значит — „найти звук“? Очевидно, в эти слова Бунин вкладывал гораздо большее значение, чем кажется на первый взгляд.

„Найти звук“ — это найти ритм прозы и найти основное её звучание. Ибо проза обладает такой же внутренней мелодией, как стихи и как музыка...

Это чувство ритма прозы и её музыкального звучания, очевидно, органично и коренится также в прекрасном знании и тонком чувстве родного языка. Даже в детстве Бунин остро чувствовал этот ритм. Ещё мальчиком он заметил в прологе к пушкинскому „Руслану“ кругообразное лёгкое движение стихов („ворожбу из кругообразных непрерывных движений“):

И днём — и ночью — кот — учёный — всё ходит — по цепи — кругом...

В области русского языка Бунин был мастером непревзойдённым... Из необъятного числа русских слов он безошибочно выбирал для каждого своего рассказа слова наиболее живописные, наиболее сильные, связанные какой-то незримой и почти таинственной связью с повествованием и единственно для этого повествования необходимые.

Каждый рассказ и каждое стихотворение Бунина подобны магниту, который притягивает из самых разных мест все драгоценные частицы, нужные для этого рассказа. Язык Бунина прост, почти скуп, чист и живописен. Но вместе с тем он необыкновенно богат в образном и звуковом отношениях...»

?! Проверьте себя

1. Как на развитие литературного дара будущего писателя повлияла окружающая его природа, среда?
2. Подготовьте небольшое сообщение об И. А. Бунине и особенностях его творчества на основании высказываний К. Г. Паустовского и материалов биографических и библиографических словарей «Русские писатели XX века», «Русские писатели. XX век».

Цифры

I

Мой дорогой, когда ты вырастешь, вспомнишь ли ты, как однажды зимним вечером ты вышел из детской в столовую, остановился на пороге, — это было после одной из наших ссор с тобой, — и, опустив глаза, сделал такое грустное личико?

Должен сказать тебе: ты большой шалун. Когда что-нибудь увлечёт тебя, ты не знаешь удержу. Ты часто с раннего утра до поздней ночи не даёшь покоя всему дому своим криком и беготнёй. Зато я и не знаю ничего трогательнее тебя, когда ты, насладившись своим буйством, притихнешь, побродишь по комнатам и наконец подойдёшь и сиротливо прижмёшься к моему плечу! Если же дело происходит после ссоры и если я в эту минуту скажу тебе хоть одно ласковое слово, то нельзя выразить, что ты тогда делаешь с моим сердцем! Как порывисто кидаешься ты целовать меня, как крепко обвиваешь руками мою шею, в избытке той беззаветной нежности, той страстной нежности, на которую способно только детство!

Но это была слишком крупная ссора.

Помнишь ли, что в этот вечер ты даже не решился близко подойти ко мне?

— Покойной ночи, дядечка, — тихо сказал ты мне и, поклонившись, шаркнул ножкой.

Конечно, ты хотел после всех своих преступлений показаться особенно деликатным¹, особенно приличным и кротким мальчиком. Нянька, передавая тебе единственный, известный ей признак благовоспитанности, когда-то учила тебя: «Шаркни ножкой!» И вот ты, чтобы задобрить меня, вспомнил, что у тебя есть в запасе хорошие манеры. И я понял это — и поспешил ответить так, как будто между нами ничего не произошло, но всё-таки очень сдержанно:

— Покойной ночи.

Но мог ли ты удовлетвориться таким миром? Да и лукавить ты не горазд ещё. Перестрадав своё горе, твоё сердце с новой страстью вернулось к той заветной мечте, которая так пленяла тебя весь этот день. И вечером, как только эта мечта опять овладела тобою, ты забыл и свою обиду, и своё самолюбие, и своё твёрдое решение всю жизнь ненавидеть меня. Ты помолчал, собрал силы и вдруг, торопясь и волнуясь, сказал мне:

— Дядечка, прости меня... Я больше не буду... И, пожалуйста, всё-таки покажи мне цифры! Пожалуйста!

¹ Деликатный — вежливый, мягкий в обращении.

Можно ли было после этого медлить с ответом? А я всё-таки помедлил. Я, видишь ли, очень, очень умный дядя...

II

Ты в этот день проснулся с новой мыслью, с новой мечтой, которая захватила всю твою душу.

Только что открылись для тебя ещё не изведанные радости: иметь свои собственные книжки с картинками, пенал, цветные карандаши — непременно цветные! — и выучиться читать, рисовать и писать цифры. И всё это сразу, в один день, как можно скорее. Открыв утром глаза, ты тотчас же позвал меня в детскую и засыпал горячими просьбами: как можно скорее выписать тебе детский журнал, купить книг, карандашей, бумаги и немедленно приняться за цифры.

— Но сегодня царский день, всё заперто, — соврал я, чтобы оттянуть дело до завтра или хоть до вечера: уж очень не хотелось мне идти в город.

Но ты замотал голову.

— Нет, нет, не царский! — закричал ты тонким голоском, поднимая брови. — Вовсе не царский, — я знаю.

— Да уверяю тебя, царский! — сказал я.

— А я знаю, что не царский! Ну, пожа-алуйста!

— Если ты будешь приставать, — сказал я строго и твёрдо то, что говорят в таких случаях все дяди, — если ты будешь приставать, так и совсем не куплю ничего.

Ты задумался.

— Ну, что ж делать! — сказал ты со вздохом. — Ну, царский так царский. Ну, а цифры? Ведь можно же, — сказал ты, опять поднимая брови, но уже басом, рассудительно, — ведь можно же в царский день показывать цифры?

— Нет, нельзя, — поспешно сказала бабушка. — Придёт полицейский и арестует... И не приставай к дяде.

— Ну, это-то уж лишнее, — ответил я бабушке. — А просто мне не хочется сейчас. Вот завтра или вечером — покажу.

— Нет, ты сейчас покажи!

— Сейчас не хочу. Сказал — завтра.

— Ну, во-от, — протянул ты. — Теперь говоришь — завтра, а потом скажешь — ещё завтра. Нет, покажи сейчас!

Сердце тихо говорило мне, что я совершаю в эту минуту великий грех — лишаю тебя счастья, радости... Но тут пришло в голову мудрое правило: вредно, не полагается баловать детей.

И я твёрдо отрезал:

— Завтра. Раз сказано — завтра, значит, так и надо сделать.

— Ну, хорошо же, дядька! — пригрозил ты дерзко и весело. — Помни ты это себе!

И стал поспешно одеваться.

И как только оделся, как только пробормотал вслед за бабушкой: «Отче наш, иже еси на небеси...» и проглотил чашку молока, — вихрем понёсся в зал. А через минуту оттуда уже слышались грохот опрокидываемых стульев и удалые крики...

И весь день нельзя было унять тебя. И обедал ты наспех, рассеянно, болтая ногами, и всё смотрел на меня блестящими странными глазами.

— Покажешь? — спрашивал ты иногда. — Непременно покажешь?

— Завтра непременно покажу, — отвечал я.

— Ах, как хорошо! — вскрикивал ты. — Дай Бог поскорее, поскорее завтра!

Но радость, смешанная с нетерпением, волновала тебя всё больше и больше. И вот, когда мы — бабушка, мама и я — сидели перед вечером за чаем, ты нашёл ещё один исход своему волнению.

III

Ты придумал отличную игру: подпрыгивать, бить изо всей силы ногами в пол и при этом так звонко вскрикивать, что у нас чуть не лопались барабанные перепонки.

— Перестань, Женя, — сказала мама.

В ответ на это ты — трах ногами в пол!

— Перестань же, деточка, когда мама просит, — сказала бабушка.

Но бабушки-то ты уж и совсем не боишься.

Трах ногами в пол!

— Да перестань, — сказал я, досадливо морщась и пытаясь продолжать разговор.

— Сам перестань! — звонко крикнул ты мне в ответ, с дерзким блеском в глазах, и, подпрыгнув, ещё сильнее ударил в пол и ещё пронзительнее крикнул в такт.

Я пожал плечом и сделал вид, что больше не замечаю тебя.

Но вот тут-то и начинается история.

Я, говорю, сделал вид, что не замечаю тебя. Но сказать ли правду? Я не только не забыл о тебе после твоего дерзкого крика, но весь похолодел от внезапной ненависти к тебе. И уже должен был употреблять усилия, чтобы делать вид, что не замечаю тебя, и продолжать разыгрывать роль спокойного и рассудительного.

Но и этим дело не кончилось.

Ты крикнул снова. Крикнул, совершенно позабыв о нас и весь отдавшись тому, что происходило в твоей переполненной жизнью душе, — крикнул таким звонким криком беспричинной, божественной радости, что сам Господь Бог улыбнулся бы при этом крике. Я же в бешенстве вскочил со стула.

— Перестань! — рявкнул я вдруг, неожиданно для самого себя, во всё горло.

Какой чёрт окатил меня в эту минуту целым ушатом злобы? У меня помутилось сознание. И надо было видеть, как дрогнуло, как исказилось на мгновение твоё лицо молнией ужаса!

— А! — звонко и растерянно крикнул ты ещё раз.

И уже без всякой радости, а только для того, чтобы показать, что ты не испугался, криво и жалко ударил в пол каблуками.

А я — я кинулся к тебе, дёрнул тебя за руку, да так, что ты волчком перевернулся передо мною, крепко и с наслаждением шлёпнул тебя и, вытолкнув из комнаты, захлопнул дверь.

Вот тебе и цифры!

IV

От боли, от острого и внезапного оскорбления, так грубо ударившего тебя в сердце в один из самых радостных моментов твоего детства, ты, вылетевши за дверь, закатился таким страшным, таким пронзительным альтином, на какой не способен ни один певец в мире. И надолго,

надолго замер... Затем набрал в лёгкие воздуху ещё больше и поднял альт уже до невероятной высоты...

Затем паузы между верхней и нижней нотами стали сокращаться, — вопли потекли без умолку. К воплям прибавились рыдания, к рыданиям — крики о помощи. Сознание твоё стало проясняться, и ты начал играть, с мучительным наслаждением играть роль умирающего.

— О-ой, больно! Ой, мамочка, умираю!

— Небось, не умрёшь, — холодно сказал я. — Покричишь, покричишь, да и смолкнешь.

Но ты не смолкал.

Разговор, конечно, оборвался. Мне было уже стыдно, и я зажигал папиросу, не поднимая глаз на бабушку. А у бабушки вдруг задрожали губы, брови, и, отвернувшись к окну, она стала быстро, быстро колотить чайной ложкой по столу.

— Ужасно испорченный ребёнок! — сказала, нахмуриваясь и стараясь быть беспристрастной, мама и снова взялась за своё вязанье. — Ужасно избалован!

— Ой, бабушка! Ой, милая моя бабушка! — вопил ты диким голосом, взывая теперь к последнему прибежищу — к бабушке.

И бабушка едва сидела на месте.

Её сердце рвалось в детскую, но, в угоду мне и маме, она крепилась, смотрела из-под дрожащих бровей на темневшую улицу и быстро стучала ложечкой по столу.

Понял тогда и ты, что мы решили не сдаваться, что никто не утолит твоей боли и обиды поцелуями, мольбами о прощении. Да и слёз уже не хватало. Ты до изнеможения упился своими рыданиями, своим детским горем, с которым не сравнится, может быть, ни одно человеческое горе, но прекратить вопли сразу было невозможно, хотя бы из-за одного самолюбия.

Ясно было слышно: кричать тебе уже не хочется, голос охрип и срывается, слёз нет. Но ты всё кричал и кричал!

Было невозможно и мне. Хотелось встать с места, распахнуть дверь в детскую и сразу, каким-нибудь одним горячим словом, пресечь твои страдания. Но разве это согласуется с правилами разумного воспитания и с достоинством справедливого, хотя и строгого дяди.

Наконец ты затих...

— И мы тотчас помирились? — спрашиваешь ты.

Нет, я всё-таки выдержал характер. Я, по крайней мере, через полчаса после того, как ты затих, заглянул в детскую. И то как? Подошёл к дверям, сделал серьёзное лицо и растворил их с таким видом, точно у меня было какое-то дело. А ты в это время уже возвращался мало-помалу к обыденной жизни.

Ты сидел на полу, изредка подёргивался от глубоких прерывистых вздохов, обычных у детей после долгого плача, и с потемневшим от размазанных слёз личиком забавлялся своими незатейливыми игрушками — пустыми коробочками от спичек, — расставляя их по полу, между раздвинутых ног, в каком-то, только тебе одному известном порядке.

Как сжалось моё сердце при виде этих коробочек!

Но, делая вид, что отношения наши прерваны, что я оскорблён тобою, я едва взглянул на тебя. Я внимательно и строго осмотрел подоконники, столы... Где это мой портсигар?.. И уже хотел выйти, как вдруг ты поднял голову и, глядя на меня злыми, полными презрения глазами, хрипло сказал:

— Теперь я никогда больше не буду любить тебя.

Потом подумал, хотел сказать ещё что-то очень обидное, но запнулся, не нашёлся и сказал первое, что пришло в голову:

— И никогда ничего не куплю тебе.

— Пожалуйста! — небрежно ответил я, пожимая плечом. — Пожалуйста! Я от такого дурного мальчика и не взял бы ничего.

— Даже и японскую копеечку, какую тогда подарил, назад возьму! — крикнул ты тонким, дрогнувшим голосом, делая последнюю попытку уязвить меня.

— А вот это уж и совсем нехорошо! — ответил я. — Дарить и потом отнимать! Впрочем, это твоё дело.

Потом заходили к тебе мама и бабушка. И так же, как я, делали сначала вид, что вошли случайно... по делу... Затем качали головами и, стараясь не придавать своим словам значения, заводили речь о том, как это нехорошо, когда дети растут непослушными, дерзкими и

добиваются того, что их никто не любит. А кончали тем, что советовали тебе пойти ко мне и попросить у меня прощения.

— А то дядя рассердится и уедет в Москву, — говорила бабушка грустным тоном. — И никогда больше не приедет к нам.

— И пускай не приедет! — отвечал ты едва слышно, всё ниже опуская голову.

— Ну, я умру, — говорила бабушка ещё печальнее, совсем не думая о том, к какому жестокому средству прибегает она, чтобы заставить тебя переломить свою гордость.

— И умирай, — отвечал ты сумрачным шёпотом.

— Хорош! — сказал я, снова чувствуя приступ раздражения. — Хорош! — повторил я, дымя папиросой и поглядывая в окно на тёмную пустую улицу.

И, переждав, пока пожилая худая горничная, всегда молчаливая и печальная от сознания, что она — вдова машиниста, зажгла в столовой лампу, прибавил:

— Вот так мальчик!

— Да не обращай на него внимания, — сказала мама, заглядывая под матовый колпак лампы, не коптит ли. — Охота тебе разговаривать с такой злючкой!

И мы сделали вид, что совсем забыли о тебе.

VI

В детской огня ещё не зажигали, и стёкла её окон казались теперь синими-синими. Зимний вечер стоял за ними, и в детской было сумрачно и грустно. Ты сидел на полу и передвигал коробочки. И эти коробочки мучили меня. Я встал и решил побродить по городу.

Но тут послышался шёпот бабушки.

— Бесстыдник, бесстыдник! — зашептала она укоризненно. — Дядя тебя любит, возит тебе игрушки, гостинцы...

Я громко прервал:

— Бабушка, этого говорить не следует. Это лишнее. Тут дело не в гостинцах.

Но бабушка знала, что делает.

— Как же не в гостинцах? — ответила она. — Не дорог гостинец, а дорога память.

«Цифры». Художник И. Пчелко

И, помолчав, ударила по самой чувствительной струне твоего сердца:

— А кто же купит ему теперь пенал, бумаги, книжку с картинками? Да что пенал! Пенал — туда-сюда. А цифры? Ведь уж этого не купишь ни за какие деньги. Впрочем, — прибавила она, — делай, как знаешь. Сиди тут один в темноте.

И вышла из детской.

Конечно, — самолюбие твоё было сломлено! Ты был побеждён!

Чем неосуществимее мечта, тем пленительнее, чем пленительнее, тем неосуществимее. Я уже знаю это.

С самых ранних дней моих я у неё во власти. Но я знаю и то, что, чем дороже мне моя мечта, тем менее надежд на достижение её. И я уже давно в борьбе с нею. Я лукавлю: делаю вид, что я равнодушен. Но что мог сделать ты?

Счастье, счастье!

Ты открыл утром глаза, переполненный жаждою счастья. И с детской доверчивостью, с открытым сердцем кинулся к жизни: скорее, скорее!

Но жизнь ответила:

— Потерпи.

— Ну пожалуйста! — воскликнул ты страстно.

— Замолчи, иначе ничего не получишь!

— Ну погоди же! — крикнул ты злобно.

И на время смолк.

Но сердце твоё буйствовало. Ты бесновался, с грохотом валял стулья, бил ногами в пол, звонко вскрикивал от переполнявшей твоё сердце радостной жажды... Тогда жизнь со всего размаха ударила тебя в сердце тупым ножом обиды. И ты закатился бешеным криком боли, призывом на помощь.

Но и тут не дрогнул ни один мускул на лице жизни... Смирись, смирись!

И ты смирился.

VII

Помнишь ли, как робко вышел ты из детской и что ты сказал мне?

— Дядечка! — сказал ты мне, обессиленный борьбой за счастье и всё ещё алкая¹ его. — Дядечка, прости меня. И дай мне хоть каплю того счастья, жажда которого так сладко мучит меня.

Но жизнь обидчива.

Она сделала притворно-печальное лицо.

— Цифры! Я понимаю, что это счастье... Но ты не любишь дядю, огорчаешь его...

— Да нет, неправда, — люблю, очень люблю! — горячо воскликнул ты.

¹ *Алкать* — сильно желать чего-нибудь.

И жизнь наконец смилостивилась.

— Ну уж Бог с тобою! Неси сюда к столу стул, давай карандаши, бумагу...

И какой радостью засияли твои глаза!

Как хлопотал ты! Как боялся рассердить меня, каким покорным, деликатным, осторожным в каждом своём движении старался ты быть! И как жадно ловил ты каждое моё слово!

Глубоко дыша от волнения, поминутно слюнявя огрызок карандаша, с каким старанием налегал ты на стол грудью и крутил головой, выводя таинственные, полные какого-то божественного значения чёрточки!

Теперь уже и я наслаждался твоей радостью, с нежностью обоняя запах твоих волос: детские волосы хорошо пахнут, — совсем как маленькие птички.

— Один... Два... Пять... — говорил ты, с трудом водя по бумаге.

— Да нет, не так. Один, два, три, четыре.

— Сейчас, сейчас, — говорил ты поспешно. — Я сначала: один, два...

И смущённо глядел на меня.

— Ну, три...

— Да, да, три! — подхватывал ты радостно. — Я знаю. И выводил три, как большую прописную букву Е.

Проверьте себя

1. Кто виноват в ссоре мальчика и дяди? Как оценивает дядя поступки мальчика и собственное решение? Почему бабушка и мама поддерживали дядю? На чьей стороне автор? А вы?
2. Какие чувства возникли у вас при чтении этого рассказа? Над чем он заставляет задуматься? Подготовьте чтение по ролям или комментированное чтение (т. е. с пояснением прочитанных эпизодов).

Читаем самостоятельно

- ★¹ Прочитайте самостоятельно рассказы И. А. Бунина «Лапти», «В деревне». Напишите отзыв на один из них, обратив внимание на способы выражения авторского отношения к героям рассказов.

¹ Звездочкой отмечены вопросы и задания повышенной сложности.

Обогащаем свою речь

1. Какими смысловыми оттенками обогащается слово «деликатный» в повествовании автора и в высказываниях героев? Используете ли вы это слово в своей речи? Если да, то при каких обстоятельствах?
2. Какая мелодия, по вашему мнению, была найдена Буниным к этому рассказу (печальная, радостная, звонкая, тихая, с сочетанием плавного и резкого тонов и т. д.)? Обоснуйте свою позицию цитатами из текста рассказа.

Творческое задание

(опыт литературоведческого исследования)

«Чехов весь направлен в сторону внутреннего мира человека, здесь он достигает необыкновенной точности. Этому не устаёшь поражаться, перечитывая его во второй, в десятый, в сотый раз... А Бунин удивляет прежде всего изображением внешнего мира, пластикой, живописностью...

Чехов же всегда умел проникать во внутренний мир другого, и так глубоко, что ему совершенно не нужно было описывать внешние приметы человека, — благодаря точности изображения „нутра“ читатель как бы угадывал всё остальное. У Бунина наоборот. Он настолько точно живописал внешний мир, воссоздавая его в мельчайших деталях — в цвете, в звуках, в красках, что воображение читателя дорисовывало мир внутренний. У таких художников не перестаёшь учиться» (Юрий Трифонов. Из беседы с корреспондентом).

Согласны ли вы с этим суждением? Подготовьте развёрнутый ответ, подтвердив его цитатами из рассказов А. П. Чехова и И. А. Бунина.

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение стихотворения И. А. Бунина «Высоко полный месяц стоит...», подчеркнув живописный внешний мир, изображённый поэтом (цвет, звук, краски). Какие чувства передаёт нам автор (радость, умиротворение, грусть...)?

* * *

Высоко полный месяц стоит
В небесах над туманной землёй,

Бледным светом луга серебрит,
Напоённые белою мглой.

В белой мгле, на широких лугах,
На пустынных речных берегах
Только чёрный засохший камыш
Да верхушки ракит различишь.

И река в берегах чуть видна...
Где-то мельница глухо шумит...
Спит село... ночь тиха и бледна,
Высоко полный месяц стоит.

Максим ГОРЬКИЙ

1868 — 1936

Максим Горький — псевдоним Алексея Максимовича Пешкова. М. Горький прожил большую, интересную и очень трудную жизнь. Вот что он рассказывал о себе:

«Родился в 1868 г. <...> в Нижнем, в семье красильщика Василия Васильевича Каширина, от дочери его Варвары и пермского мещанина Максима Савватиева Пешкова, по ремеслу драпировщика, или обойщика... Отец умер в Астрахани, когда мне было пять лет; мать в Кунавине — слободе.

По смерти матери дедушка отдал меня в магазин обуви; в ту пору имел я 9 лет от роду и был дедом обучен грамоте по псалтыри и часослову¹. Из „мальчиков“ сбежал и поступил в иконописную мастерскую, потом на пароход в поварята, потом в помощники садовника. В сих занятиях прожил до пятнадцати лет, всё время занимаясь усердно чтением...

На пароходе, когда был поварёнком, на образование моё сильно влиял повар Смурый... он возбудил во мне интерес к чтению книг...

После 15 лет возымел я свирепое желание учиться, с какою целью поехал в Казань, предполагая, что науки желающим даром преподаются. Оказалось, что оное не принято, вследствие чего я поступил в крёндельное заведение, по 3 рубля в месяц... В Казани близко сошёлся и долго жил с „бывшими людьми“². <...> Работал на Устье, пилил дрова, таскал грузы и, прибавим, почитывал всевозможные книжки».

¹ *Псалтырь, часослов* — церковные книги, содержащие тексты богослужений, молитв и песнопений.

² *Бывшие люди* — бродяги, нищие, воры.

В 1913 году он пишет первую часть автобиографии — «Детство». В 1916-м — продолжает её, описывая уже свою тяжёлую трудовую жизнь, — «В людях», а в 1922 году заканчивает описание своей жизни повестью «Мои университеты».

«...Его биография, — пишет Павел Максимов¹, — ошеломила меня: это была суровая, но и прекрасная сказка о человеке, вышедшем из народных низов, поднявшемся на самые высокие вершины человеческой культуры и ставшем властителем дум, всемирно известным писателем...»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ПИСЕМ...

...Псевдоним себе Алексей Максимович придумал сам. Впоследствии он говорил мне: «Не писать же мне в литературе — Пешков».

Долго беседуя со мной, он рассказывал о своих путешествиях, отдельных жизненных эпизодах. Биографии своей почти не касался, ничего не говорил о пережитом. Рассказчик Алексей Максимович был замечательный.

А. Калужный

...Я с детства видел бессмысленную жестокость и непонятную мне вражду людей, был поражён тяжестью труда одних и животным благополучием других...

М. Горький. «О том, как я учился писать»

...Книги... показывали мне иную жизнь — жизнь больших чувств и желаний, которые приводили людей к подвигам и преступлениям...

...Для меня книга — чудо, в ней заключена душа написавшего её; открыв книгу, я освобождаю эту душу, и она таинственно говорит со мною.

М. Горький. «В людях»

Нередко я плакал, читая, — так хорошо рассказывалось о людях, так милы и близки становились они. И, мальчишка,

¹ Павел Хрисанфович Макси́мов — молодой человек, написавший Горькому письмо, которое вызвало длительную переписку. Впоследствии писатель, автор книги «О Горьком. Письма М. Горького и встречи с ним».

задёрганный дурацкой работой, обижаемый дурацкой руганью, я давал сам себе торжественные обещания помочь людям, честно послужить им, когда вырасту.

М. Горький. «Как я учился»

...ИЗ ПИСЕМ М. ГОРЬКОГО ПАВЛУ МАКСИМОВУ

«...Брюсова, Блока, Бальмонта и вообще новых поэтов не спешите читать, сначала хорошенько ознакомьтесь со старыми — Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом...»

«К русскому же писателю — я не про себя говорю, поверьте, надо относиться вдвойне уважительно, ибо это лицо почти героическое, изумительной искренности и великой любви сосуд живой. Почитайте о Глебе Успенском, Гаршине, Салтыкове, о Герцене, посмотрите на ныне живущего Короленко — первого и талантливейшего писателя теперь у нас. И вообще — учитесь, читайте — научитесь уважать людей за их работу, за всё то, что они в прошлом сделали для Вас и Вы живёте ныне, не зная о том великом труде, который лежит в каждой вещи, коею Вы пользуетесь...»

«Учитесь настойчиво, упорно, всегда. Читайте серьёзные книги — я очень рекомендовал бы Вам Ключевского — Историю, Милюкова — „Очерки по истории русской культуры“».

«Читайте больше, дружище, это познакомит Вас с грандиозной работой мировой человеческой мысли...»

Горький часто сетовал: «Работаю по 12 часов в день...», «Завален работой, часто просиживаю за столом по четырнадцать часов в сутки».

Проверьте себя

1. Что нового узнали вы о М. Горьком из его воспоминаний и высказываний о нём его знакомых и друзей?
2. Подготовьте устное сообщение-рассказ о писателе, включив в него воспоминания и письма.

* * *

Вы уже познакомились с главами автобиографической повести Л. Н. Толстого, в основу которой положены воспоминания автора о своём детстве. Прочитайте главы автобиографической повести Максима Горького.

Детство

(В сокращении)

I

... Пароход снова бухал и дрожал, окно каюты горело, как солнце. Бабушка, сидя около меня, чесала волосы и морщилась, что-то нащёптывая...

Говорила она, как-то особенно выпевая слова, и они легко укреплялись в памяти моей, похожие на цветы, такие же ласковые, яркие, сочные. Когда она улыбалась, её тёмные, как вишни, зрачки расширялись, вспыхивая невыразимо приятным светом, улыбка весело обнажала белые, крепкие зубы, и, несмотря на множество морщин в тёмной коже щёк, всё лицо казалось молодым и светлым. Очень портил его этот рыхлый нос с раздутыми ноздрями и красный на конце. Она нюхала табак из чёрной табакерки, украшенной серебром. Вся она — тёмная, но светилась изнутри — через глаза — неугасимым, весёлым и тёплым светом. Она сутула, почти горбатая, очень полная, а двигалась легко и ловко, точно большая кошка, — она и мягкая такая же, как этот ласковый зверь.

До неё как будто спал я, спрятанный в темноте, но явилась она, разбудила, вывела на свет, связала всё вокруг меня в непрерывную нить, сплела всё в разноцветное кружево и сразу стала на всю жизнь другом, самым близким сердцу моему, самым понятным и дорогим человеком — это её бескорыстная любовь к миру обогатила меня, насытив крепкой силой для трудной жизни.

Сорок лет назад пароходы плавали медленно; мы ехали до Нижнего очень долго, и я хорошо помню эти первые дни насыщения красотой.

Установилась хорошая погода; с утра до вечера я с бабушкой на палубе, под ясным небом, между позолоченных осенью, шелками шитых берегов Волги. Не торопясь, лениво и гулко бухая плицами¹ по серовато-синей воде, тянется вверх по течению светло-рыжий пароход, с баржой на длинном буксире. Баржа серая и похожа

¹ Плицы — лопасти парового колеса.

на мокрицу. Незаметно плывёт над Волгой солнце; каждый час всё вокруг ново, всё меняется; зелёные горы — как пышные складки на богатой одежде земли; по берегам стоят города и сёла, точно пряничные издали; золотой осенний лист плывёт по воде.

— Ты гляди, как хорошо-то! — ежеминутно говорит бабушка, переходя от борта к борту, и вся сияет, а глаза у неё радостно расширены.

Часто она, заглядевшись на берег, забывала обо мне: стоит у борта, сложив руки на груди, улыбается и молчит, а на глазах слёзы. Я дёргаю её за тёмную, с набойкой цветами, юбку.

— Ась? — встрепенётся она. — А я будто задремала да сон вижу.

— А о чём плачешь?

— Это, милый, от радости да от старости, — говорит она, улыбаясь. — Я ведь уж старая, за шестой десяток лета-вёсны мои перекинулись-пошли.

И, понюхав табуку, начинает рассказывать мне какие-то диковинные истории о добрых разбойниках, о святых людях, о всяком зверье и нечистой силе.

Сказки она сказывает тихо, таинственно, наклонясь к моему лицу, заглядывая в глаза мне расширенными зрачками, точно вливая в сердце моё силу, приподнимающую меня. Говорит, точно поёт, и чем дальше, тем складней звучат слова. Слушать её невыразимо приятно. Я слушаю и прошу:

— Ещё!

— А ещё вот как было: сидит в подпечке старичок-домовой, занозил он себе лапу лапшой, качается, хныкает: «Ой, мышеньки, больно, ой, мышата, не стерплю!»

Подняв ногу, она хватается за неё руками, качает её на весу и смешно морщит лицо, словно ей самой больно.

Вокруг стоят матросы — бородатые, ласковые мужики, — слушают, смеются, хвалят её и тоже просят:

— А ну, бабушка, расскажи ещё чего!

Потом говорят:

— Айда ужинать с нами!

За ужином они угощают её водкой, меня — арбузами, дыней; это делается скрытно: на пароходе едет человек,

который запрещает есть фрукты, отнимает их и выбрасывает в реку. Он одет похоже на будочника — с медными пуговицами — и всегда пьяный; люди прячутся от него.

Мать редко выходит на палубу и держится в стороне от нас. Она всё молчит, мать. Её большое, стройное тело, тёмное, железное лицо, тяжёлая корона заплетённых в косы светлых волос — вся она, мощная и твёрдая, вспоминается мне как бы сквозь туман или прозрачное облако; из него отдалённо и неприветливо смотрят прямые серые глаза, такие же большие, как у бабушки.

Однажды она строго сказала:

— Смеются люди над вами, мамаша!

— А Господь с ними! — беззаботно ответила бабушка. — А пускай смеются, на доброе им здоровье!

Помню детскую радость бабушки при виде Нижнего. Дёргая за руку, она толкала меня к борту и кричала:

— Гляди, гляди, как хорошо! Вот он, батюшка, Нижний-то! Вот он какой, Богов! Церкви-те, гляди-ка ты, летят будто!

И просила мать, чуть не плача:

— Варюша, погляди, чай, а? Поди, забыла ведь! Порадуйся!

Мать хмуро улыбалась.

Когда пароход остановился против красивого города, среди реки, тесно загромождённой судами, оцетинившейся сотнями острых мачт, к борту его подплыла большая лодка со множеством людей, подцепилась багром к спущенному трапу, и один за другим люди из лодки стали подниматься на палубу. Впереди всех быстро шёл небольшой сухонький старичок, в чёрном длинном одеянии, с рыжей, как золото, бородкой, с птичьим носом и зелёными глазками.

— Папаша! — густо и громко крикнула мать и опрокинулась на него, а он, хватая её за голову, быстро глядя щёки её маленькими красными руками, кричал, взвизгивая:

— Что-о, дура? Ага-а! То-то вот... Эх вы-и...

Бабушка обнимала и целовала как-то сразу всех, вертась, как винт; она толкала меня к людям и говорила торопливо:

— Ну, скорее! Это — дядя Михайло, это — Яков... Тётка Наталья, это — братья, оба Саши, сестра Катерина, это всё наше племя, вот сколько!

Дедушка сказал ей:

— Здорова ли, мать?

Они троекратно поцеловались.

Дед выдернул меня из тесной кучи людей и спросил, держа за голову:

— Ты чей таков будешь?

— Астраханский, из каюты...

— Чего он говорит? — обратился дед к матери и, не дождавшись ответа, отодвинул меня, сказав:

— Скулы-те отцовы... Слезайте в лодку!

Съехали на берег и толпой пошли в гору, по съезду, мощённому крупным булыжником, между двух высоких откосов, покрытых жухлой примятой травой.

Дед с матерью шли впереди всех. Он был ростом под руку ей, шагал мелко и быстро, а она, глядя на него сверху вниз, точно по воздуху плыла. За ними молча двигались дядья: чёрный гладковолосый Михаил, сухой, как дед, светлый и кудрявый Яков, какие-то толстые женщины в ярких платьях и человек шесть детей, все старше меня и все тихие. Я шёл с бабушкой и маленькой тёткой Натальей. Бледная, голубоглазая, с огромным животом, она часто останавливалась и, задышавшись, шептала:

— Ой, не могу!

— На что они тревожили тебя? — сердито ворчала бабушка. — Эко неумное племя!

И взрослые и дети — все не понравились мне, я чувствовал себя чужим среди них, даже и бабушка как-то померкла, отдалилась.

Особенно же не понравился мне дед; я сразу почуял в нём врага, и у меня явилось особенное внимание к нему, опасливое любопытство.

Дошли до конца съезда. На самом верху его, прислонясь к правому откосу и начиная собою улицу, стоял приземистый одноэтажный дом, окрашенный грязно-розовой краской, с нахлобученной низкой крышей и выпученными окнами. С улицы он показался мне большим, но внутри его, в маленьких полутёмных комнатах, было тесно; везде, как на пароходе перед пристанью, суетились

сердитые люди, стай вороватых воробьёв метались ребя-тишки, и всюду стоял едкий, незнакомый запах.

Я очутился на дворе. Двор был тоже неприятный: весь завешан огромными мокрыми тряпками, заставлен чанами с густой разноцветной водою. В ней тоже мокли тряпицы. В углу, в низенькой полуразрушенной пристройке, жарко горели дрова в печи, что-то кипело, булькало, и невидимый человек громко говорил странные слова:

— Сандал — фуксин¹ — купорос...

II

Началась и потекла со страшной быстротой густая, пёстрая, невыразимо странная жизнь. Она вспоминается мне, как суровая сказка, хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением. Теперь, оживляя прошлое, я сам порою с трудом верю, что всё было именно так, как было, и многое хочется оспорить, отвергнуть, — слишком обильна жестокостью тёмная жизнь «неумного племени».

Но правда выше жалости, и ведь не про себя я рассказываю, а про тот тесный, душный круг жутких впечатлений, в котором жил — да и по сей день живёт — простой русский человек.

Дом деда был наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми; она отравляла взрослых, и даже дети принимали в ней живое участие. Впоследствии из рассказов бабушки я узнал, что мать приехала как раз в те дни, когда её братья настойчиво требовали у отца раздела имущества. Неожиданное возвращение матери ещё более обострило и усилило их желание выделиться. Они боялись, что моя мать потребует приданого, назначенного ей, но удержанного дедом, потому что она вышла замуж «самокруткой», против его воли. Дядья считали, что это приданое должно быть поделено между ними. Они тоже давно и жестоко спорили друг с другом о том, кому открыть мастерскую в городе, кому — за Окой, в слободе Кунавине.

¹ *Сандал* — краситель (обычно красный), извлекаемый из древесины сандалового и некоторых других тропических деревьев. *Фуксин* — красная анилиновая краска.

Уже вскоре после приезда в кухне, во время обеда, вспыхнула ссора: дядя внезапно вскочили на ноги и, перегибаясь через стол, стали выть и рычать на дедушку, жалобно скаля зубы и встряхиваясь, как собаки, а дед, стуча ложкой по столу, покраснел весь и звонко — петухом — закричал:

— По миру пуцу!

Болезненно искривив лицо, бабушка говорила:

— Отдай им всё, отец, — спокойней тебе будет, отдай!

— Цыц, потатчица!¹ — кричал дед, сверкая глазами, и было странно, что, маленький такой, он может кричать столь оглушительно.

Мать встала из-за стола и, не торопясь, отойдя к окну, повернулась ко всем спиной.

Вдруг дядя Михаил ударил брата наотмашь по лицу; тот взвыл, сцепился с ним, и оба покатались по полу, хрипя, охая, ругаясь.

Заплакали дети; отчаянно закричала беременная тётка Наталья; моя мать потащила её куда-то, взяв в охапку; весёлая рябая нянька Евгенья выгоняла из кухни детей; падали стулья; молодой широкоплечий подмастерье Цыганок сел верхом на спину дяди Михаила, а мастер Григорий Иванович, плешивый, бородатый человек в тёмных очках, спокойно связывал руки дяди полотенцем.

Вытянув шею, дядя тёрся редкой чёрной бородою по полу и хрипел страшно, а дедушка, бегая вокруг стола, жалобно вскрикивал:

— Братья, а! Родная кровь! Эх вы-и...

Я ещё в начале ссоры, испугавшись, вскочил на печь и оттуда в жутком изумлении смотрел, как бабушка смывает водою из медного ракушечника кровь с разбитого лица дяди Якова; он плакал и топал ногами, а она говорила тяжёлым голосом:

— Окаянные, дикое племя, опомнитесь!

Дед, натягивая на плечо изорванную рубаху, кричал ей:

— Что, ведьма, народила зверья?

Когда дядя Яков ушёл, бабушка сунулась в угол, потрясая воя:

— Пресвятая Мати Божия, верни разум детям моим!

¹ Потатчица — та, которая делает поблажку, потакаёт, поддерживает кого-то.

Дед встал боком к ней и, глядя на стол, где всё было опрокинуто, пролито, тихо проговорил:

— Ты, мать, гляди за ними, а то они Варвару-то изведут, чего доброго...

— Полно, Бог с тобой! Сними-ка рубаху-то, я зашью...

И, сжав его голову ладонями, она поцеловала деда в лоб; он же — маленький против неё — ткнулся лицом в плечо ей.

— Надо, видно, делиться, мать...

— Надо, отец, надо!

Они говорили долго; сначала дружелюбно, а потом дед начал шаркать ногой по полу, как петух перед боем, грозил бабушке пальцем и громко шептал:

— Знаю я тебя, ты их больше любишь! А Мишка твой — езуит¹, а Яшка — фармазон²! И пропьют они добро моё, промотают...

Неловко повернувшись на печи, я свалил утюг; загремев по ступеням влаза, он шлёпнулся в лохань с помоями. Дед впрыгнул на ступень, стащил меня и стал смотреть в лицо мне так, как будто видел меня впервые:

— Кто тебя посадил на печь? Мать?

— Я сам.

— Врёшь.

— Нет, сам. Я испугался.

Он оттолкнул меня, легонько ударив ладонью в лоб.

— Весь в отца! Пошёл вон...

Я был рад убежать из кухни.

Я хорошо видел, что дед следит за мною умными и зоркими зелёными глазами, и боялся его. Помню, мне всегда хотелось спрятаться от этих обжигающих глаз. Мне казалось, что дед злой; он со всеми говорит насмешливо, обидно, подзадоривая и стараясь рассердить всякого.

— Эх вы-и! — часто восклицал он; долгий звук «и-и» всегда вызывал у меня скучное, зябкое чувство.

В час отдыха, во время вечернего чая, когда он, дядья и работники приходили в кухню из мастерской, усталые,

¹ *Езуит* (искажённое; правильно: *иезуит*) — здесь: хитрый, изворотливый.

² *Фармазон* — здесь: вольнодумец, безбожник.

с руками, окрашенными сандалом, обожжёнными купоросом, с повязанными тесёмкой волосами, все похожие на тёмные иконы в углу кухни, — в этот опасный час дед садился против меня и, вызывая зависть других внуков, разговаривал со мною чаще, чем с ними. Весь он был складный, точёный, острый. Его атласный, шитый шелками, глухой жилет был стар, вытерт, ситцевая рубаша измята, на коленях штанов красовались большие заплата, а всё-таки он казался одетым и чище и красивей сыновей, носивших пиджаки, манишки и шёлковые кофты на шеях.

Через несколько дней после приезда он заставил меня учить молитвы. Все другие дети были старше и уже учились грамоте у дьячка Успенской церкви; золотые главы её были видны из окон дома.

Меня учила тихонькая, пугливая тётка Наталья, женщина с детским личиком и такими прозрачными глазами, что, мне казалось, сквозь них можно было видеть всё сзади её головы.

Я любил смотреть в глаза ей подолгу, не отрываясь, не мигая; она щурилась, вертела головою и просила тихонько, почти шёпотом:

— Ну, говори, пожалуйста: «Отче наш, иже еси...»

И если я спрашивал: «Что такое — яко же?» — она, пугливо оглянувшись, советовала:

— Ты не спрашивай, это хуже! Просто говори за мною: «Отче наш...» Ну?

Меня беспокоило: почему спрашивать хуже? Слова «яко же» принимали скрытый смысл, и я нарочно всячески искажал их:

— «Яков же», «я в коже»...

Но бледная, словно тающая, тётка терпеливо поправляла голосом, который всё прерывался у неё:

— Нет, ты говори просто: «яко же».

Но и сама она, и все её слова были не просты. Это раздражало меня, мешая запомнить молитву.

Однажды дед спросил:

— Ну, Олёшка, чего сегодня делал? Играл! Вижу по желваку на лбу. Это не велика мудрость желвак нажать! А «Отче наш» заучил?

Тётка тихонько сказала:

— У него память плохая.

Дед усмехнулся, весело приподняв рыжие брови.

— А коли так, — высечь надо!

И снова спросил меня:

— Тебя отец сёк?

Не понимая, о чём он говорит, я промолчал, а мать сказала:

— Нет, Максим не бил его, да и мне запретил.

— Это почему же?

— Говорил, битьём не выучишь.

— Дурак он был во всём, Максим этот, покойник, прости, Господи! — сердито и чётко проговорил дед.

Меня обидели его слова. Он заметил это.

— Ты что губы надул? Ишь ты...

И, погладив серебристо-рыжие волосы на голове, он прибавил:

— А я вот в субботу Сашку за напёрсток пороть буду.

— Как это пороть? — спросил я.

Все засмеялись, а дед сказал:

— Погоди, увидишь...

Притаившись, я соображал: пороть — значит расшивать платья, отданные в краску, а сечь и бить — одно и то же, видимо. Бьют лошадей, собак, кошек; в Астрахани будочники бьют персиян, — это я видел. Но я никогда не видал, чтоб так били маленьких, и хотя здесь дядья щёлкали своих то по лбу, то по затылку, — дети относились к этому равнодушно, только почёсывая ушибленное место. Я не однажды спрашивал их:

— Больно?

И всегда они храбро отвечали:

— Нет, нисколечко!

Шумную историю с напёрстком я знал. Вечерами, от чая до ужина, дядья и мастер сшивали куски окрашенной материи в одну «штуку» и пристёгивали к ней картонные ярлыки. Желая пошутить над полуслепым Григорием, дядя Михаил велел девятилетнему племяннику накалить на огне свечи напёрсток мастера. Саша зажал напёрсток щипцами для снятия нагара со свеч, сильно накалил его и, незаметно подложив под руку Григория, спрятался за печку, но как раз в этот момент пришёл дедушка, сел за работу и сам сунул палец в калёный напёрсток.

Помню, когда я прибежал в кухню на шум, дед, схватившись за ухо обожжённым пальцем, смешно прыгал и кричал:

— Чьё дело, басурмане?

Дядя Михаил, согнувшись над столом, гонял напёрсток пальцем и дул на него; мастер невозмутимо шил; тени прыгали по его огромной лысине; прибежал дядя Яков и, спрятавшись за угол печи, тихонько смеялся там; бабушка тёрла на тёрке сырой картофель.

— Это Сашка Яковов устроил! — вдруг сказал дядя Михаил.

— Врёшь! — крикнул Яков, выскочив из-за печи.

А где-то в углу его сын плакал и кричал:

— Папа, не верь. Он сам меня научил!

Дядья начали ругаться. Дед же сразу успокоился, приложил к пальцу тёртый картофель и молча ушёл, захватив с собой меня.

Все говорили — виноват дядя Михаил. Естественно, что за чаем я спросил — будут ли его сечь и пороть?

— Надо бы, — проворчал дед, искоса взглянув на меня.

Дядя Михаил, ударив по столу рукою, крикнул матери:

— Варвара, уйми своего щенка, а то я ему башку сверну!

Мать сказала:

— Попробуй, тронь...

И все замолчали.

Она умела говорить краткие слова как-то так, точно отталкивала ими людей от себя, отбрасывала их, и они уменьшались.

Мне было ясно, что все боятся матери; даже сам дедушка говорил с нею не так, как с другими, — тише. Это было приятно мне, и я с гордостью хвастался перед братьями:

— Моя мать — самая сильная!

Они не возражали.

Но то, что случилось в субботу, надорвало моё отношение к матери.

До субботы я тоже успел провиниться.

Меня очень занимало, как ловко взрослые изменяют цвета материй: берут жёлтую, мочат её в чёрной воде,

и материя делается густо-синей — «кубовой»; полощут серое в рыжей воде, и оно становится красноватым — «бордо». Просто, а — непонятно.

Мне захотелось самому окрасить что-нибудь, и я сказал об этом Саше Яковову, серьёзному мальчику; он всегда держался на виду у взрослых, со всеми ласковый, готовый всем и всячески услужить. Взрослые хвалили его за послушание, за ум, но дедушка смотрел на Сашу искоса и говорил:

— Экой подхалим!

Худенький, тёмный, с выпученными, рачьими глазами, Саша Яковов говорил торопливо, тихо, захлёбываясь словами, и всегда таинственно оглядывался, точно собираясь бежать куда-то, спрятаться. Карие зрачки его были неподвижны, но, когда он возбуждался, дрожали вместе с белками.

Он был неприятен мне. Мне гораздо больше нравился малозаметный увалень Саша Михайлов, мальчик тихий, с печальными глазами и хорошей улыбкой, очень похожий на свою кроткую мать. У него были некрасивые зубы; они высывались изо рта и в верхней челюсти росли двумя рядами. Это очень занимало его; он постоянно держал во рту пальцы, раскачивая, пытаясь выдернуть зубы заднего ряда, и покорно позволял щупать их каждому, кто желал. Но ничего более интересного я не находил в нём. В доме, битком набитом людьми, он жил одиноко, любил сидеть в полутёмных углах, а вечером у окна. С ним хорошо было молчать — сидеть у окна, тесно прижавшись к нему, и молчать целый час, глядя, как в красном вечернем небе вокруг золотых луковиц Успенского храма вьются-мечутся чёрные галки, взмывают высоко вверх, падают вниз и, вдруг покрыв угасающее небо чёрною сетью, исчезают куда-то, оставив за собою пустоту. Когда смотришь на это, говорить ни о чём не хочется, и приятная скука наполняет грудь.

А Саша дяди Якова мог обо всём говорить много и солидно, как взрослый. Узнав, что я желаю заняться ремеслом красильщика, он посоветовал мне взять из шкапа белую праздничную скатерть и окрасить её в синий цвет.

— Белое всего легче красится, уж я знаю! — сказал он очень серьёзно.

Я вытащил тяжёлую скатерть, выбежал с нею на двор, но, когда опустил край её в чан с «кубовой», на меня налетел откуда-то Цыганок, вырвал скатерть и, отжимая её широкими лапами, крикнул брату, следившему из сени за моею работой:

— Зови бабушку скорее!

И, зловеще качая чёрной, лохматой головою, сказал мне:

— Ну, и попадёт же тебе за это!

Прибежала бабушка, заохала, даже заплакала, смешно ругая меня:

— Ах ты, пермяк, солёны уши! Чтоб те приподняло да шлёпнуло.

Потом стала уговаривать Цыганка:

— Уж ты, Ваня, не сказывай дедушке-то! Уж я спрячу дело; авось, обойдётся как-нибудь...

Ванька озабоченно говорил, вытирая мокрые руки разноцветным передником:

— Мне что? Я не скажу; глядите, Сашутка не наябедничал бы!

— Я ему семишник дам, — сказала бабушка, уводя меня в дом.

В субботу, перед всеюнощной, кто-то привёл меня в кухню; там было темно и тихо. Помню плотно прикрытые двери в сени и в комнаты, а за окнами серую муть осеннего вечера, шорох дождя. Перед чёрным челом печи на широкой скамье сидел сердитый, не похожий на себя Цыганок; дедушка, стоя в углу у лохани, выбирал из ведра с водою длинные прутья, мерял их, складывая один с другим, и со свистом размахивал ими по воздуху. Бабушка, стоя где-то в темноте, громко нюхала табак и ворчала:

— Ра-ад... мучитель...

Саша Яковов, сидя на стуле среди кухни, тёр кулаками глаза и не своим голосом, точно старенький нищий, тянул:

— Простите Христа ради...

Как деревянные, стояли за стулом дети дяди Михаила, брат и сестра, плечом к плечу.

— Высеку — прощу, — сказал дедушка, пропуская длинный влажный прут сквозь кулак. — Ну-ка, снимай штаны-то!..

Говорил он спокойно, и ни звук его голоса, ни возня мальчика на скрипучем стуле, ни шарканье ног бабушки — ничто не нарушало памятной тишины в сумраке кухни, под низким закопчённым потолком.

Саша встал, расстегнул штаны, спустил их до колен и, поддерживая руками, согнувшись, спотыкаясь, пошёл к скамье. Смотреть, как он идёт, было нехорошо, у меня тоже дрожали ноги.

Но стало ещё хуже, когда он покорно лёг на скамью вниз лицом, а Ванька, привязав его к скамье под мышки и за шею широким полотенцем, наклонился над ним и схватил чёрными руками ноги его у щиколоток.

— Лексей, — позвал дед, — иди ближе!.. Ну, кому говорю?.. Вот гляди, как секут... Раз!..

Невысоко махнув рукой, он хлопнул прутом по голому телу. Саша взвизгнул.

— Врёшь, — сказал дед, — это не больно! А вот этак больней!

И ударил так, что на теле сразу загорелась, вспухла красная полоса, а брат протяжно завыл.

— Не сладко? — спрашивал дед, равномерно поднимая и опуская руку. — Не любишь? Это за напёрсток!

Когда он взмахивал рукой, в груди у меня всё поднималось вместе с нею; падала рука — и я весь точно падал.

Саша визжал страшно тонко, противно:

— Не буду-у... Ведь я же сказал про скатерть... Ведь я сказал...

Спокойно, точно псалтырь читая, дед говорил:

— Донос — не оправданье! Доносчику первый кнут. Вот тебе за скатерть!

Бабушка кинулась ко мне и схватила меня на руки, закричав:

— Лексея не дам! Не дам, изверг!

Она стала бить ногою в дверь, призывая:

— Варя, Варвара!..

Дед бросился к ней, сшиб её с ног, схватил меня и понёс к лавке. Я бился в руках у него, дёргал рыжую

бороду, укусил ему палец. Он орал, тискал меня и наконец бросил на лавку, разбив мне лицо. Помню дикий его крик:

— Привязывай! Убью!..

Помню белое лицо матери и её огромные глаза. Она бегала вдоль лавки и хрипела:

— Папаша, не надо!.. Отдайте!..

Дед засёк меня до потери сознания, и несколько дней я хворал, валяясь вверх спиной на широкой жаркой постели в маленькой комнате с одним окном и красной, неугасимой лампадой в углу пред киотом¹ со множеством икон.

Дни нездоровья были для меня большими днями жизни. В течение их я, должно быть, сильно вырос и почувствовал что-то особенное. С тех дней у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой.

Прежде всего меня очень поразила ссора бабушки с матерью: в тесноте комнаты бабушка, чёрная и большая, лезла на мать, заталкивая её в угол, к образам, и шипела:

— Ты что не отняла его, а?

— Испугалась я.

— Эдакая-то здоровенная! Стыдись, Варвара! Я — старуха, да не боюсь! Стыдись!..

— Отстаньте, мамаша: тошно мне!..

— Нет, не любишь ты его, не жаль тебе сироту!

Мать сказала тяжело и громко:

— Я сама на всю жизнь сирота!

Потом они обе долго плакали, сидя в углу на сундуке, и мать говорила:

— Если бы не Алексей, ушла бы я, уехала! Не могу жить в аду этом, не могу, мамаша! Сил нет!..

— Кровь ты моя, сердце моё, — шептала бабушка.

Я запомнил: мать — не сильная; она, как все, боится деда. Я мешаю ей уйти из дома, где она не может жить. Это было очень грустно. Вскоре мать, действительно, исчезла из дома. Уехала куда-то гостить.

¹ *Киот* — застеклённая рама или шкафчик для икон.

Как-то вдруг, точно с потолка спрыгнув, явился дедушка, сел на кровать, пощупал мне голову холодной, как лёд, рукою:

— Здравствуй, сударь... Да ты ответь, не сердись! Ну, что ли?..

Очень хотелось ударить его ногой, но было больно пошевелиться. Он казался ещё более рыжим, чем был раньше; голова его беспокойно качалась; яркие глаза искали чего-то на стене. Вынув из кармана пряничного козла, два сахарных рожка, яблоко и ветку синего изюма, он положил всё это на подушку, к носу моему.

— Вот, видишь, я тебе гостинца принёс!

Нагнувшись, поцеловал меня в лоб; потом заговорил, тихо поглаживая голову мою маленькой, жёсткой рукою, окрашенной в жёлтый цвет, особенно заметный на кри-вых, птичьих ногтях.

— Я тебя тогда перетово, брат. Разгорячился очень; укусил ты меня, царапал, ну, и я тоже рассердился! Однако не беда, что ты лишнее перетерпел, — в зачёт пойдёт! Ты знай: когда свой, родной бьёт — это не обида, а наука! Чужому не давайся, а свой ничего! Ты думаешь, меня не били? Меня, Олёша, так били, что в страшном сне не увидишь. Меня так обижали, что, поди-ка, сам Господь Бог глядел — плакал! А что вышло? Сирота, нищей матери сын, а вот дошёл до своего места, — старшиной цеховым сделан, начальник людям.

Привалившись ко мне сухим, складным телом, он стал рассказывать о детских своих днях словами крепкими и тяжёлыми, складывая их одно с другим легко и ловко.

Его зелёные глаза ярко разгорелись, и, весело оцетившись золотым волосом, сгустив высокий свой голос, он трубил в лицо мне:

— Ты вот пароходом прибыл, пар тебя вёз, а я в молодости сам, своей силой супротив Волги баржи тянул. Баржа — по воде, я — по бережку, бос, по острому камню, по осыпям, да так от восхода солнца до ночи! Накалит солнышко затылок-то, голова, как чугуна, кипит, а ты, согнувшись в три погибели, — косточки скрипят — идёшь да идёшь, и пути не видать, глаза потом залило, а душа то плачется, а слеза-то катится, — эхма, Олёша, помалкивай! Идёшь, идёшь, да из лямки-то и вывалишься, мордой

в землю — и тому рад; стало быть, вся сила чисто вышла, хоть отдыхай, хоть издыхай! Вот как жили у Бога на глазах, у милостивого Господа Иисуса Христа!.. Да так-то я трижды Волгу-мать вымерял: от Симбирского до Рыбинска, от Саратова досюдова да от Астрахани до Макарьева, до ярмарки, — в этом многие тысячи вёрст! А на четвёртый год уж и водоливом¹ пошёл, — показал хозяину разум свой!..

Говорил он и — быстро, как облако, рос предо мною, превращаясь из маленького, сухого старичка в человека силы сказочной, — он один ведёт против реки огромную, серую баржу...

Иногда он соскакивал с постели и, размахивая руками, показывал мне, как ходят бурлаки в лямках, как откачивают воду; пел басом какие-то песни, потом снова молодод прыгал на кровать и, весь удивительный, ещё более густо, крепко говорил:

— Ну, зато, Олёша, на привале, на отдыхе, летним вечером, в Жигулях, где-нибудь под зелёной горой поразложим, бывалоче, костры — кашу варить, да как заведёт горевой бурлак сердечную песню, да как вступится, грянет вся артель — аж мороз по коже дёрнет, и будто Волга вся быстрее пойдёт, — так бы, чай, конём и встала на дыбы, до самых облаков! И всякое горе — как пыль по ветру; до того люди запевались, что, бывало, и каша вон из котла убежит; тут кашевара по лбу половником надо бить: играй, как хошь, а дело помни!

Несколько раз в дверь заглядывали, звали его, но я просил:

— Не уходи!

Он, усмехаясь, отмахивался от людей:

— Погодите там...

Рассказывал он вплоть до вечера, и, когда ушёл, ласково простясь со мной, я знал, что дедушка не злой и не страшен. Мне до слёз трудно было вспоминать, что это он так жестоко избил меня, но и забыть об этом я не мог.

Посещение деда широко открыло дверь для всех, и с утра до вечера кто-нибудь сидел у постели, всячески стараясь позабавить меня; помню, что это не всегда было

¹ *Водолив* — старший в артели бурлаков.

весело и забавно. Чаще других бывала у меня бабушка; она и спала на одной кровати со мной; но самое яркое впечатление этих дней дал мне Цыганок. Квадратный, широкогрудый, с огромной кудрявой головой, он явился под вечер, празднично одетый в золотистую, шёлковую рубаху, плисовые¹ штаны и скрипучие сапоги гармоникой. Блистали его волосы, сверкали раскосые весёлые глаза под густыми бровями и белые зубы под чёрной полоской молодых усов, горела рубаха, мягко отражая красный огонь неугасимой лампы.

— Ты глянь-ка, — сказал он, приподняв рукав, показывая мне голую руку, до локтя в красных рубцах, — вон как разнесло! Да ещё хуже было, зажило много! Чуешь ли: как вошёл дед в ярость, и вижу, заперет он тебя, так начал я руку эту подставлять, ждал — переломится прут, дедушка-то отойдёт за другим, а тебя и утащат бабаня или мать! Ну, прут не переломился, гибок, мочёный! А всё-таки тебе меньше попало, — видишь, насколько? Я, брат, жуликоватый!..

Он засмеялся шёлковым, ласковым смехом, снова разглядывая вспухшую руку, и, смеясь, говорил:

— Так жаль стало мне тебя, аж горло перехватывает, чую! Беда! А он хлещет...

Фыркая по-лошадиному, мотая головой, он стал говорить что-то про деда, сразу близкий мне, детски простой.

Я сказал ему, что очень люблю его, — он незабвенно просто ответил:

— Так ведь и я тебя тоже люблю, — за то и боль принял, за любовь! Али я стал бы за другого за кого? Наплевать мне...

Потом он учил меня тихонько, часто оглядываясь на дверь:

— Когда тебя вдругорядь сечь будут, ты, гляди, не сжимайся, не сжимай тело-то, — чуешь? Вдвойне больней, когда тело сожмёшь, а ты распусти его свободно, чтоб оно мягко было, — киселём лежи! И не надувайся, дыши всюю, кричи благим матом, — ты это помни, это хорошо!

¹ Плисовые — сделанные из хлопчатобумажной ткани с ворсом, похожей на бархат.

Я спросил:

— Разве ещё сечь будут?

— А как же? — спокойно сказал Цыганок. — Конечно, будут! Тебя, поди-ка, часто будут драть...

— За что?

— Уж дедушка сыщёт...

И снова озабоченно стал учить:

— Коли он сечёт с навеса, просто сверху кладёт лозу, — ну, тут лежи спокойно, мягко; а ежели он с отяжкой сечёт, — ударит да к себе потянет лозину, чтобы кожу снять, — так и ты виляй телом к нему, за лозой, понимаешь? Это легче!

Подмигнув тёмным, косым глазом, он сказал:

— Я в этом деле умнее самого квартального! У меня, брат, из кожи хоть голицы¹ шей!

Я смотрел на его весёлое лицо и вспоминал бабушкины сказки про Ивана-царевича, про Иванушку-дурачка.

III

Когда я выздоровел, мне стало ясно, что Цыганок занимает в доме особенное место: дедушка кричал на него не так часто и сердито, как на сыновей, а за глаза говорил о нём, жмурясь и покачивая головою:

— Золотые руки у Иванка, дуй его горой! Помяните моё слово: не мал человек растёт!

Дядья тоже обращались с Цыганком ласково, дружески и никогда не «шутили» с ним, как с мастером Григорием, которому они почти каждый вечер устраивали что-нибудь обидное и злое: то нагреют на огне ручки ножниц, то воткнут в сиденье его стула гвоздь вверх остриём или подложат, полуслепому, разноцветные куски материи, — он сошьёт их в одну «штуку», а дедушка ругает его за это.

Однажды, когда он спал после обеда в кухне на полатах, ему покрасили лицо фуксином, и долго он ходил смешной, страшный: из серой бороды тускло смотрят два круглых пятна очков, и уныло опускается длинный багровый нос, похожий на язык.

¹ Голицы — кожаные рукавицы без подкладки.

Они были неистощимы в таких выдумках, но мастер всё сносил молча, только крякал тихонько да, прежде чем дотронуться до утюга, ножниц, щипцов и напёрстка, обильно смачивал пальцы слюною. Это стало его привычкой; даже за обедом, перед тем как взять нож или вилку, он муслил пальцы, возбуждая смех детей. Когда ему было больно, на его большом лице являлась волна морщин и, странно скользнув по лбу, приподняв брови, пропадала где-то на голом черепе.

Не помню, как относился дед к этим забавам сыновей, но бабушка грозила им кулаком и кричала:

— Бесстыжие рожи, злыдни!

Но и о Цыганке за глаза дядя говорили сердито, насмешливо, порицали его работу, ругали вором и лентяем.

Я спросил бабушку, отчего это.

Охотно и понятно, как всегда, она объяснила мне:

— А вишь ты, обоим хочется Ванюшку себе взять, когда у них свои-то мастерские будут, вот они друг перед другом и хают его: дескать, плохой работник! Это они врут, хитрят. А ещё боятся, что не пойдёт к ним Ванюшка, останется с дедом, а дед — своенравный, он и третью мастерскую с Иванкой завести может, — дядьям-то это невыгодно будет, понял?

Она тихонько засмеялась.

— Хитрят всё, Богу на смех! Ну, а дедушка хитрости эти видит да нарочно дразнит Яшу с Мишей: «Куплю, говорит, Ивану рекрутскую квитанцию¹, чтобы его в солдаты не забрали: мне он самому нужен!» А они сердятся, им этого не хочется, и денег жаль, — квитанция-то дорогая!

Теперь я снова жил с бабушкой, как на пароходе, и каждый вечер перед сном она рассказывала мне сказки или свою жизнь, тоже подобную сказке. А про деловую жизнь семьи — о выделе детей, о покупке дедом нового дома для себя — она говорила посмеиваясь, отчуждённо, как-то издали, точно соседка, а не вторая в доме по старшинству.

¹ *Рекрутская квитанция* — документ об уплате денег за освобождение от военной службы (в дореволюционной России).

Я узнал от неё, что Цыганок — подкидывш; раннею весной, в дождливую ночь, его нашли у ворот дома на лавке.

— Лежит, в запон¹ обёрнут, — задумчиво и таинственно сказывала бабушка, — еле попискивает, закоченел уж.

— А зачем подкидывают детей?

— Молока у матери нет, кормить нечем; вот она узнает, где недавно дитя родилось да померло, и подсунет туда своего-то.

Помолчав, почесавши голову, она продолжала, вздыхая, глядя в потолок:

— Бедность всё, Олёша; такая бывает бедность, что и говорить нельзя! И считается, что незамужняя девица не смей родить, — стыдно-де! Дедушка хотел было Ванюшку-то в полицию нести, да я отговорила: возьмём, мол, себе; это Бог нам послал в тех место, которые померли. Ведь у меня восемнадцать было рожено; кабы все жили — целая улица народу, восемнадцать-то домов! Я, гляди, на четырнадцатом году замуж отдана, а к пятнадцати уж и родила; да вот полюбил Господь кровь мою, всё брал да и брал ребятишек моих в ангелы. И жалко мне, а и радостно!

Сидя на краю постели в одной рубахе, вся осыпанная чёрными волосами, огромная и лохматая, она была похожа на медведицу, которую недавно приводил на двор бородатый, лесной мужик из Сергача. Крестя снежно-белую, чистую грудь, она тихонько смеётся, колышется вся.

— Получше себе взял, похуже мнѣ оставил. Очень я обрадовалась Иванке, — уж больно люблю вас, маленьких! Ну, и приняли его, окрестили, вот он и живёт, хорош. Я его вначале Жуком звала, — он, бывало, ужжал особенно, — совсем жук, ползает и ужжит на все горницы. Люби его — он простая душа!

Я и любил Ивана, и удивлялся ему до немоты.

По субботам, когда дед, перепоров детей, нагрешивших за неделю, уходил ко всенощной, в кухне начиналась неопишимо забавная жизнь: Цыганок доставал из-за печи чёрных тараканов, быстро делал нитяную упряжь, выре-

¹ Запон — широкий фартук.

зывал из бумаги сани, и по жёлтому, чисто выскобленному столу разъезжала четвёрка вороных, а Иван, направляя их бег тонкой лучиной, возбуждённо визжал:

— За архереем¹ поехали!

Приклеивал на спину таракана маленькую бумажку, гнал его за санями и объяснял:

— Мешок забыли. Монах бежит, тащит!

Связывал ножки таракана ниткой; насекомое ползло, тыкаясь головой, а Ванька кричал, прихлопывая ладонями:

— Дьячок из кабака к вечерней идёт!

Он показывал мышат, которые под его команду стояли и ходили на задних лапах, волоча за собою длинные хвосты, смешно мигая чёрненькими бусинами бойких глаз. С мышами он обращался бережно, носил их за пазухой, кормил изо рта сахаром, целовал и говорил убедительно:

— Мышь — умный житель, ласковый, её домовой очень любит! Кто мышей кормит, тому и дед-домовик мирволит...

Он умел делать фокусы с картами, деньгами, кричал больше всех детей и почти ничем не отличался от них. Однажды дети, играя с ним в карты, оставили его «дураком» несколько раз кряду, — он очень опечалился, обиженно надул губы и бросил игру, а потом жаловался мне, шмыгая носом:

— Знаю я, они уговорились! Они перемигивались, карты совали друг другу под столом. Разве это игра? Жульничать я сам умею не хуже...

Ему было девятнадцать лет, и был он больше всех нас четверых, взятых вместе.

Но особенно он памятен мне в праздничные вечера, когда дед и дядя Михаил уходили в гости, в кухню являлся кудрявый, встрёпанный дядя Яков с гитарой, бабушка устраивала чай с обильной закуской и водкой в зелёном штофе² с красными цветами, искусно вылитыми из стекла на дне его; волчком вертелся празднично одетый

¹ Архере́й (искажённое; правильно: архиере́й) — высший чин монашествующего духовенства Православной церкви.

² Штоф — бутылка, равная 1/10 ведра.

Цыганок; тихо, боком приходил мастер, сверкая тёмными стёклами очков; нянька Евгенья, рябая, краснорожая и толстая, точно кубышка, с хитрыми глазами и трубным голосом; иногда присутствовали волосатый успенский дьячок и ещё какие-то тёмные, скользкие люди, похожие на щук и налимов.

Все много пили, ели, вздыхая тяжело, детям давали гостинцы, по рюмке сладкой наливки, и постепенно разгоралось жаркое, но странное веселье.

Дядя Яков любовно настраивал гитару, а настроив — говорил всегда одни и те же слова:

— Ну-с, я начну-с!

Встряхнув кудрями, он сгибался над гитарой, вытягивал шею, точно гусь; круглое, беззаботное лицо его становилось сонным; живые, неуловимые глаза угасали в масляном тумане, и, тихонько пощипывая струны, он играл что-то размычное, невольно поднимавшее на ноги.

Его музыка требовала напряжённой тишины; торопливым ручьём она бежала откуда-то издали, просачивалась сквозь пол и стены и, волнуя сердце, выманивала непонятное чувство, грустное и беспокойное. Под эту музыку становилось жалко всех и себя самого, большие казались тоже маленькими, и все сидели неподвижно, притаясь в задумчивом молчании.

Особенно напряжённо слушал Саша Михайлов; он всё вытягивался в сторону дяди, смотрел на гитару, открыв рот, и через губу у него тянулась слюна. Иногда он забывался до того, что падал со стула, тыкаясь руками в пол, и если это случалось, он так уж и сидел на полу, вытаращив застывшие глаза.

И все застывали, очарованные; только самовар тихо поёт, не мешая слушать жалобу гитары. Два квадрата маленьких окон устремлены во тьму осенней ночи, порою кто-то мягко постукивает в них. На столе качаются жёлтые огни двух сальных свеч, острые, точно копья.

Дядя Яков всё более цепенел; казалось, он крепко спит, сцепив зубы, только руки его живут отдельной жизнью: изогнутые пальцы правой неразличимо дрожали над тёмным голосником, точно птица порхала и билась; пальцы левой с неуловимой быстротой бегали по грифу.

Выпивши, он почти всегда пел сквозь зубы голосом — неприятно свистящим — бесконечную песню:

Быть бы Якову собакою —

Выл бы Яков с утра до ночи:

Ой, скушно мне!

Ой, грустно мне!

По улице монахиня идёт;

На заборе ворона сидит.

Ой, скушно мне!

За печкою сверчок торохтит,

Тараканы беспокоятся.

Ой, скушно мне!

Нищий вывесил портянки сушить,

А другой нищий портянки украл!

Ой, скушно мне!

Да, ох, грустно мне!

Я не выносил этой песни и, когда дядя запевал о нищих, буйно плакал в невыносимой тоске.

Цыганок слушал музыку с тем же вниманием, как все, запустив пальцы в свои чёрные космы, глядя в угол и посапывая. Иногда он неожиданно и жалобно восклицал:

— Эх, кабы голос мне, — пел бы я как, Господи!

Бабушка, вздыхая, говорила:

— Будет тебе, Яша, сердце надрывать! А ты бы, Ванятка, поплясал...

Они не всегда исполняли просьбу её сразу, но бывало, что музыкант вдруг на секунду прижимал струны ладонью, а потом, сжав кулак, с силою отбрасывал от себя на пол что-то невидимое, беззвучное и ухарски кричал:

— Прочь, грусть-тоска! Ванька, становись!

Охорашиваясь, одёргивая жёлтую рубаху, Цыганок осторожно, точно по гвоздям шагая, выходил на середину кухни; его смуглые щёки краснели, и, сконфуженно улыбаясь, он просил:

— Только почаще, Яков Васильич!

Бешено звенела гитара, дробно стучали каблуки, на столе и в шкафу дребезжала посуда, а среди кухни огнём пылал Цыганок, реял коршуном, размахнув руки, точно крылья, незаметно передвигая ноги; гикнув, приседал на

пол и метался золотым стрижом, освещая всё вокруг блеском шёлка, а шёлк, содрогаясь и струясь, словно горел и плавился.

Цыганок плясал неумоимо, самозабвенно, и казалось, что, если открыть дверь на волю, он так и пойдёт плясом по улице, по городу, неизвестно куда...

— Режь поперёк! — кричал дядя Яков, притопывая.

И пронзительно свистел и раздражающим голосом выкрикивал прибаутки:

Эхма! Кабы не было мне жалко лаптей,
Убежал бы от жены и от детей!

Людей за столом подёргивало, они тоже порою вскрикивали, подвизгивали, точно их обжигало; бородатый мастер хлопал себя по лысине и урчал что-то. Однажды он, наклонясь ко мне и покрыв мягкой бородою плечо моё, сказал прямо в ухо, обращаясь словно к взрослому:

— Отца бы твоего, Лексей Максимыч, сюда, — он бы другой огонь зажёл! Радостный был муж, утешный. Ты его помнишь ли?

— Нет.

— Ну? Бывало, он да бабушка, — стой-ко, погоди!

Он поднялся на ноги, высокий, измождённый, похожий на образ святого, поклонился бабушке и стал просить её необычно густым голосом:

— Акулина Ивановна, сделай милость, пройдишь разок! Как, бывало, с Максимом Савватеевым хаживала. Утешь!

— Что ты, свет, что ты, сударь, Григорий Иваныч? — посмеиваясь и поёживаясь, говорила бабушка. — Куда уж мне плясать! Людей смешить только...

Но все стали просить её, и вдруг она молодо встала, оправила юбку, выпрямилась, вскинув тяжёлую голову, и пошла по кухне, вскрикивая:

— А смейтесь, ино, на здоровье! Ну-ка, Яша, перетряхни музыку-то!

Дядя весь вскинулся, вытянулся, прикрыл глаза и заиграл медленнее; Цыганок на минуту остановился и, подскочив, пошёл вприсядку кругом бабушки, а она плыла по полу бесшумно, как по воздуху, разводя руками, под-

няв брови, глядя куда-то вдаль тёмными глазами. Мне она показалась смешной, я фыркнул; мастер строго погрозил мне пальцем, и все взрослые посмотрели в мою сторону неодобрительно.

— Не стучи, Иван! — сказал мастер, усмехаясь; Цыганок послушно отскочил в сторону, сел на порог, а нянька Евгенья, выгнув кадык, запела низким, приятным голосом:

Всю неделю, до субботы,
Плела девка кружева,
Истомилася работой, —
Эх, просто чуть жива!

Бабушка не плясала, а словно рассказывала что-то. Вот она идёт тихонько, задумавшись, покачиваясь, поглядывая вокруг из-под руки, и всё её большое тело колеблется нерешительно, ноги щупают дорогу осторожно. Остановилась, вдруг испугавшись чего-то, лицо дрогнуло, нахмурилось и тотчас засияло доброй, приветливой улыбкой. Откачнулась в сторону, уступая кому-то дорогу, отводя рукой кого-то; опустив голову, замерла, прислушиваясь, улыбаясь всё веселее, — и вдруг её сорвало с места, закружило вихрем, вся она стала стройней, выше ростом, и уж нельзя было глаз отвести от неё — так буйно-красива и мила становилась она в эти минуты чудесного возвращения к юности!

А нянька Евгенья гудела, как труба:

В воскресенье от обедни
До полуночи плясала.
Ушла с улицы последней,
Жаль — праздника мало!

Кончив плясать, бабушка села на своё место к самовару; все хвалили её, а она, поправляя волосы, говорила:

— А вы полноте-ка! Не видали вы настоящих-то плясуний. А вот у нас в Балахне была девка одна, — уж и не помню чья, как звали, — так иные, глядя на её пляску, даже плакали в радости! Глядишь, бывало, на неё, — вот тебе и праздник, и боле ничего не надо. Завидовала я ей, грешница!

— Певцы да плясуны — первые люди на миру! — строго сказала нянька Евгенья и начала петь что-то про царя Давида, а дядя Яков, обняв Цыганка, говорил ему:

— Тебе бы в трактирах плясать, — с ума свёл бы ты людей!..

— Мне голос иметь хочется! — жаловался Цыганок. — Ежели бы голос Бог дал, десять лет я бы попел, а после — хоть в монахи!

Все пили водку, особенно много — Григорий. Наливая ему стакан за стаканом, бабушка предупреждала:

— Гляди, Гриша, вовсе ослепнешь!

Он отвечал солидно:

— Пускай! Мне глаза больше не надобны, — всё видел я...

Пил он не пьянея, но становился всё более разговорчивым и почти всегда говорил мне про отца:

— Большого сердца был муж, дружок мой, Максим Савватейч...

Бабушка вздыхала, поддакивая:

— Да, Господне дитя...

Всё было страшно интересно, всё держало меня в напряжении, и от всего просачивалась в сердце какая-то тихая, неутомляющая грусть. И грусть, и радость жили в людях рядом, нераздельно почти, заменяя одна другую с неумовимой, непонятной быстротой.

Однажды дядя Яков, не очень пьяный, начал рвать на себе рубаху, яростно дёргать себя за кудри, за редкие белёдые усы, за нос и отвисшую губу.

— Что это такое, что? — выл он, обливаясь слезами. — Зачем это?

Бил себя по щекам, по лбу, в грудь и рыдал:

— Негодяй и подлец, разбитая душа!

Григорий рычал:

— Ага-а! То-то вот!..

А бабушка, тоже нетрезвая, уговаривала сына, ловя его руки:

— Полно, Яша, Господь знает, чему учит!

Выпивши, она становилась ещё лучше: тёмные её глаза, улыбаясь, изливали на всех греющий душу свет, и, обмахивая платком разгоревшееся лицо, она певуче говорила:

— Господи, Господи! Как хорошо всё! Нет, вы глядите, как хорошо-то всё!

Это был крик её сердца, лозунг всей жизни.

Меня очень поразили слёзы и крики беззаботного дяди. Я спросил бабушку, отчего он плакал и ругал и бил себя.

— Всё бы тебе знать! — неохотно, против обыкновения, сказала она. — Погоди, рано тебе торкаться в эти дела...

Это ещё более возбудило моё любопытство. Я пошёл в мастерскую и привязался к Ивану, но и он не хотел ответить мне, смеялся тихонько, искоса поглядывая на мастера, и, выталкивая меня из мастерской, кричал:

— Отстань, отойди! Вот я тебя в котёл спущу, выкрашу!

Мастер, стоя перед широкой низенькой печью со вмазанными в неё тремя котлами, помешивал в них длинной чёрной мешалкой и, вынимая её, смотрел, как стекают с конца цветные капли. Жарко горел огонь, отражаясь на подоле кожаного передника, пёстрого, как риза попа. Шипела в котлах окрашенная вода, едкий пар густым облаком тянулся к двери, по двору носился сухой позёмок.

Мастер взглянул на меня из-под очков мутными, красными глазами и грубо сказал Ивану:

— Дров! Али не видишь?

А когда Цыганок выбежал во двор, Григорий, присев на куль сандала, поманил меня к себе:

— Подь сюда!

Посадил на колени и, уткнувшись тёплой, мягкой бородой в щёку мне, памятно рассказал:

— Дядя твой жену насмерть забил, замучил, а теперь его совесть дёргает, — понял? Тебе всё надо понимать, гляди, а то пропадёшь!

С Григорием — просто, как с бабушкой, но жутко, и кажется, что он из-под очков видит всё насквозь.

— Как забил? — говорит он не торопясь. — А так: ляжет спать с ней, накроет её одеялом с головой и тискает, бьёт. Зачем? А он, поди, и сам не знает.

И, не обращая внимания на Ивана, который, возвращаясь с охапкой дров, сидит на корточках перед огнём, грея руки, мастер продолжает внушительно:

— Может, за то бил, что была она лучше его, а ему завидно. Каширины, брат, хорошего не любят, они ему завидуют, а принять не могут, истребляют! Ты вот спросика бабушку, как они отца твоего со света сживали. Она всё скажет — она неправду не любит, не понимает. Она вроде святой, хоть и вино пьёт, табак нюхает. Блаженная как бы. Ты держись за неё крепко...

Он оттолкнул меня, и я вышел во двор, удручённый, напуганный. В сенях дома меня догнал Ванюшка, схватил за голову и шепнул тихонько:

— Ты не бойся его, он добрый; ты гляди прямо в глаза ему, он это любит.

Всё было странно и волновало. Я не знал другой жизни, но смутно помнил, что отец и мать жили не так: были у них другие речи, другое веселье, ходили и сидели они всегда рядом, близко. Они часто и подолгу смеялись вечерами, сидя у окна, пели громко; на улице собирались люди, глядя на них. Лица людей, поднятые вверх, смешно напоминали мне грязные тарелки после обеда. Здесь смеялись мало, и не всегда было ясно, над чем смеются. Часто кричали друг на друга, грозили чем-то один другому, тайно шептались в углах. Дети были тихи, незаметны; они прибиты к земле, как пыль дождём. Я чувствовал себя чужим в доме, и вся эта жизнь возбуждала меня десятками уколов, настраивая подозрительно, заставляя присматриваться ко всему с напряжённым вниманием.

Моя дружба с Иваном всё росла; бабушка от восхода солнца до поздней ночи была занята работой по дому, и я почти весь день вертелся около Цыганка. Он всё так же подставлял под розги руку свою, когда дедушка сёк меня, а на другой день, показывая опухшие пальцы, жаловался мне:

— Нет, это всё без толку! Тебе — не легче, а мне — гляди-ка вот! Больше я не стану, ну тебя!

И в следующий раз снова принимал ненужную боль.

— Ты ведь не хотел?

— Не хотел, да вот сунул... Так уж как-то, незаметно...

Вскоре я узнал про Цыганка нечто, ещё больше поднявшее мой интерес к нему и мою любовь.

Каждую пятницу Цыганок запрягал в широкие сани гнедого мерина Шарапа, любимца бабушки, хитрого озорника и сластёну; одевал короткий, до колен, полушубок, тяжёлую шапку и, туго подпоясавшись зелёным кушаком, ехал на базар покупать провизию. Иногда он не возвращался долго. Все в доме беспокоились, подходили к окнам и, протаивая дыханием лёд на стёклах, заглядывали на улицу.

— Не едет?

— Нет!

Больше всех волновалась бабушка.

— Эхма, — говорила она сыновьям и деду, — погубите вы мне человека и лошадь погубите! И как не стыдно вам, рожи бессовестные? Али мало своего? Ох, неумное племя, жадюги, — накажет вас Господь!

Дедушка хмуро ворчал:

— Ну, ладно. Последний раз это...

Иногда Цыганок возвращался только к полудню; дядя, дедушка поспешно шли во двор; за ними, ожесточённо нюхая табак, медведицей двигалась бабушка, почему-то всегда неуклюжая в этот час. Выбегали дети, и началась весёлая разгрузка саней, полных поросятами, битой птицей, рыбой и кусками мяса всех сортов.

— Всего купил, как сказано было? — спрашивал дед, искося острыми глазами ощупывая воз.

— Всё, как надо, — весело отзывался Иван и, прыгая по двору, чтобы согреться, оглушительно хлопал рукавицами.

— Не бей голиц, за них деньги даны, — строго кричал дед. — Сдача есть?

— Нету.

Дед медленно обходил вокруг воза и говорил негромко:

— Опять что-то много ты привёз. Гляди однако — без денег ли покупал? У меня чтобы не было этого.

И уходил быстро, сморщив лицо.

Дядя весело бросались к возу и, взвешивая на руках птицу, рыбу, гусиные потроха, телячьи ноги, огромные куски мяса, посвистывали, одобрительно шумели:

— Ну, ловко отобрал!

Дядя Михаил особенно восхищался: пружинисто прыгал вокруг воза, принюхиваясь ко всему носом дятла,

вкусно чмокая губами, сладко жмуря беспокойные глаза, сухой, похожий на отца, но выше его ростом и чёрный, как головня. Спрятав озябшие руки в рукава, он расспрашивал Цыганка:

— Тебе отец сколько дал?

— Пять целковых.

— А тут на пятнадцать. А сколько ты потратил?

— Четыре с гривной.

— Стало быть, девять гривен в кармане. Видал, Яков, как деньги растят?

Дядя Яков, стоя на морозе в одной рубашке, тихонько посмеивался, моргая в синее холодное небо.

— Ты нам, Ванька, по косушке¹ поставь, — лениво говорил он.

Бабушка распрягала коня.

— Что, дитяtko? Что, котёнок? Пошалить охота? Ну, побалууй, Богова забава!

Огромный Шарап, взмахивая густою гривой, царапал её белыми зубами за плечо, срывал шёлковую головку² с волос, заглядывал в лицо ей весёлым глазом и, встряхивая иней с ресниц, тихонько ржал.

— Хлебца просишь?

Она совала в зубы ему большую краюху, круто посоленную, мешком подставляла передник под морду и смотрела задумчиво, как он ест.

Цыганок, играючи тоже, как молодой конь, подскочил к ней.

— Уж так, бабаня, хорош мерин, так умён...

— Поди прочь, не верти хвостом! — крикнула бабушка, притопнув ногою. — Знаешь, что не люблю я тебя в этот день.

Она объяснила мне, что Цыганок не столько покупает на базаре, сколько ворует.

— Даст ему дед пятишницу, он на три рубля купит, а на десять украдёт, — невесело говорила она. — Любит воровать, баловник! Раз попробовал — ладно вышло, а дома посмеялись, похвалили за удачу, он и взял воровство в обычай. А дедушка смолоду бедности-горя досыта

¹ Косушка — полбутылки водки.

² Головка — головная повязка у замужних женщин.

отведал — под старость жаден стал, ему деньги дороже детей кровных, он рад даровщине! А Михайло с Яковом...

Махнув рукой, она замолчала на минуту, потом, глядя в открытую табакерку, прибавила ворчливо:

— Тут, Лёня, дела-кружева, а плела их слепая баба, где уж нам узор разобрать! Вот поймают Иванку на воровстве, — забьют до смерти...

И ещё, помолчав, она тихонько сказала:

— Эхе-хе! Правил у нас много, а правды нет...

На другой день я стал просить Цыганка, чтоб он не воровал больше.

— А то тебя будут бить до смерти...

— Не достигнут, — вывернусь: я ловкий, конь резвый! — сказал он, усмехаясь, но тотчас грустно нахмурился. — Ведь я знаю: воровать нехорошо и опасно. Это я так себе, от скуки. И денег я не коплю, дядя твои за неделю-то всё у меня выманят. Мне не жаль, берите! Я сыт.

Он вдруг взял меня на руки, потряс тихонько.

— Лёгкий ты, тонкий, а кости крепкие, силач будешь. Ты знаешь что: учись на гитаре играть, проси дядю Якова, ей-богу! Мал ты ещё, вот незадача! Мал ты, а сердитый. Дедушку-то не любишь?

— Не знаю.

— А я всех Кашириных, кроме бабани, не люблю, пускай их демон любит!

— А меня?

— Ты — не Каширин, ты — Пешков, другая кровь, другое племя...

И вдруг, стиснув меня крепко, он почти застонал:

— Эх, кабы голос мне певучий, ух ты, Господи! Вот ожёг бы я народ... Иди, брат, работать надо...

Он спустил меня на пол, высыпал в рот себе горсть мелких гвоздей и стал натягивать, набивать на большую квадратную доску сырое полотнище чёрной материи. Вскоре он погиб.

Случилось это так: на дворе, у ворот, лежал, прислонён к забору, большой дубовый крест с толстым суковатым комлем¹. Лежал он давно. Я заметил его в первые

¹ *Комель* — здесь: нижний конец деревянного креста.

же дни жизни в доме, — тогда он был новее и желтей, но за осень сильно почернел под дождями. От него горько пахло морёным дубом, и был он на тесном, грязном дворе лишним.

Его купил дядя Яков, чтобы поставить над могилкою своей жены, и дал обет отнести крест на своих плечах до кладбища в годовщину смерти её.

Этот день наступил в субботу, в начале зимы; было морозно и ветрено, с крыш сыпался снег. Все из дома вышли на двор, дед и бабушка с тремя внучатами ещё раньше уехали на кладбище служить панихиду; меня оставили дома в наказание за какие-то грехи.

Дядя, в одинаковых чёрных полушубках, приподняли крест с земли и встали под крылья; Григорий и какой-то чужой человек, с трудом подняв тяжёлый комель, положили его на широкое плечо Цыганка; он пошатнулся, расставил ноги.

— Не сдюжишь? — спросил Григорий.

— Не знаю. Тяжело будто...

Дядя Михаил сердито закричал:

— Отворяй ворота, слепой чёрт!

А дядя Яков сказал:

— Стыдись, Ванька, мы оба жиже тебя!

Но Григорий, распахивая ворота, строго посоветовал Ивану:

— Гляди же, не перемагайся! Пошли с Богом!

— Плешивая дура! — крикнул дядя Михаил с улицы.

Все, кто был на дворе, усмехнулись, заговорили громко, как будто всем понравилось, что крест унесли.

Григорий Иванович, ведя меня за руку в мастерскую, говорил:

— Может, сегодня дедушка не посетит тебя, ласково глядит он...

В мастерской, усадив меня на грудку приготовленной в краску шерсти и заботливо окутав ею до плеч, он, понюхивая восходивший над котлами пар, задумчиво говорил:

— Я, милый, тридцать семь лет дедушку знаю, в начале дела видел и в конце гляжу. Мы с ним раньше дружки-приятели были, вместе это дело начали, придумали. Он умный, дедушка! Вот он хозяином поставил себя, а я

не сумел. Господь, однако, всех нас умнее: он только улыбнётся, а самый премудрый человек уж и в дураках мигает. Ты ещё не понимаешь, что к чему говорится, к чему делается, а надобно тебе всё понимать. Сиротское житьё трудное. Отец твой, Максим Савватеич, козырь¹ был, он всё понимал, — за то дедушка и не любил его, не признавал...

Было приятно слушать добрые слова, глядя, как играет в печи красный и золотой огонь, как над котлами вздымаются молочные облака пара, оседая сизым инеем на досках косо́й крыши, — сквозь мохнатые щели её видны голубые ленты неба. Ветер стал тише, где-то светит солнце, весь двор точно стеклянной пылью посыпан, на улице взвизгивают полозья саней, голубой дым вьётся из труб дома, лёгкие тени скользят по снегу, тоже что-то рассказывая.

Длинный, костлявый Григорий, бородатый, без шапки, с большими ушами, точно добрый колдун, мешает кипящую краску и всё учит меня:

— Гляди всем прямо в глаза; собака на тебя бросится, и ей тоже, — отстанет...

Тяжёлые очки надавили ему переносье, конец носа налился синей кровью и похож на бабушкин.

— Стой-ко! — вдруг сказал он, прислушиваясь, потом прикрыл ногою дверцу печи и прыжками побежал по двору. Я тоже бросился за ним.

В кухне, среди пола, лежал Цыганок, вверх лицом; широкие полосы света из окон падали ему одна на голову, на грудь, другая — на ноги. Лоб его странно светился; брови высоко поднялись; косые глаза пристально смотрели в чёрный потолок; тёмные губы, вздрагивая, выпускали розовые пузыри; из углов губ, по щекам, на шею и на пол стекала кровь; она текла густыми ручьями из-под спины. Ноги Ивана неуклюже развалились, и видно было, что шаровары мокрые; они тяжело приклеились к половицам. Пол был чисто вымыт с древою². Он солнечно блестел. Ручьи крови пересекали полосы света и тянулись к порогу, очень яркие.

¹ *Козырь* — здесь: умный, опытный и самостоятельный человек.

² *Дресва* — мелкий щебень или крупный песок.

Цыганок не двигался, только пальцы рук, вытянутых вдоль тела, шевелились, царапаясь за пол, и блестели на солнце окрашенные ногти.

Нянька Евгенья, присев на корточки, вставляла в руку Ивана тонкую свечу; Иван не держал её, свеча падала, кисточка огня тонула в крови; нянька, подняв её, отирала концом запона и снова пыталась укрепить в беспокойных пальцах. В кухне плавал качающий шёпот; он, как ветер, толкал меня с порога, но я крепко держался за скобу двери.

— Споткнулся он, — каким-то серым голосом рассказывал дядя Яков, вздрагивая и крутя головою. Он весь был серый, измятый, глаза у него выпцвели и часто мигали.

— Упал, а его и придавило, — в спину ударило. И нас бы покалечило, да мы вовремя сбросили крест.

— Вы его и задавили, — глухо сказал Григорий.

— Да, — как же...

— Вы!

Кровь всё текла, под порогом она уже собралась в лужу, потемнела и как будто поднималась вверх. Выпущенная розовую пену, Цыганок мычал, как во сне, и таял, становился всё более плоским, приклеиваясь к полу, уходя в него.

— Михайло в церковь погнал на лошади за отцом, — шептал дядя Яков, — а я на извозчика навалил его, да скорее сюда уж... Хорошо, что не сам я под комель-то встал, а то бы вот...

Нянька снова прикрепила свечу к руке Цыганка, капала на ладонь ему воском и слезами.

Григорий громко и грубо сказал:

— Да ты в головах к полу прилепи, чуваша!

— И то.

— Шапку-тоними с него!

Нянька стянула с головы Ивана шапку; он тупо стукнулся затылком. Теперь голова его сбочилась, и кровь потекла обильней, но уже с одной стороны рта. Это продолжалось ужасно долго. Сначала я ждал, что Цыганок отдохнёт, поднимется, сядет на полу и, сплюнув, скажет:

— Ф-фу, жарынь...

Так делал он, когда просыпался по воскресеньям после обеда. Но он не вставал, всё таял. Солнце уже отошло от него, светлые полосы укоротились и лежали только на подоконниках. Весь он потемнел, уже не шевелил пальцами, и пена на губах исчезла. За теменем и около ушей его торчали три свечи, помахивая золотыми кисточками, освещая лохматые, досиня чёрные волосы, жёлтые зайчики дрожали на смуглых щеках, светился кончик острого носа и розовые зубы.

Нянька, стоя на коленях, плакала, прищёптывая:

— Голубчик ты мой, ястребёнок утешный...

Было жутко, холодно. Я залез под стол и спрятался там. Потом в кухню тяжко ввалился дед в енотовой шубе, бабушка в салопе¹, с хвостами на воротнике, дядя Михаил, дети и много чужих людей.

Сбросив шубу на пол, дед закричал:

— Сволочи! Какого вы парня зря извели! Ведь ему бы цены не было лет через пяток...

На пол валилась одежда, мешая мне видеть Ивана; я вылез, попал под ноги деда. Он отшвырнул меня прочь, грозя дядьям маленьким красным кулаком:

— Волки!

И сел на скамью, упершись в неё руками, сухо всхлипывая, говоря скрипучим голосом:

— Знаю я, — он вам поперёк глоток стоял... Эх, Ванюшечка... дурачок! Что поделаешь, а? Что — говорю — поделаешь? Кони — чужие, вожжи — гнилые. Мать, невзлюбил нас Господь за последние года, а? Мать?

Распластавшись на полу, бабушка щупала руками лицо, голову, грудь Ивана, дышала в глаза ему, хватала за руки, мяла их и повалила все свечи. Потом она тяжело поднялась на ноги, чёрная вся, в чёрном блестящем платье, страшно вытаращила глаза и сказала негромко:

— Вон, окаянные!

Все, кроме деда, высыпались из кухни.

...Цыганка похоронили незаметно, непамятно.

¹ Салоп — широкое дамское пальто старинного покроя.

Однажды... дед, распахнув дверь в комнату, сиплым голосом сказал:

— Ну, мать, посетил нас Господь, — горим!

— Да что ты! — крикнула бабушка, вскинувшись с пола, и оба, тяжело топая, бросились в темноту большой парадной комнаты.

— Евгенья, снимай иконы! Наталья, одевай ребят! — строго, крепким голосом командовала бабушка, а дед тихонько выл:

— И-и-ы...

Я выбежал в кухню; окно на двор сверкало, точно золотое; по полу текли-скользили жёлтые пятна; босой дядя Яков, обувая сапоги, прыгал на них, точно ему жгло подошвы, и кричал:

— Это Мишка поджёг, поджёг да ушёл, ага!

— Цыц, пёс, — сказала бабушка, толкнув его к двери так, что он едва не упал.

Сквозь иней на стёклах было видно, как горит крыша мастерской, а за открытой дверью её вихрится кудрявый огонь. В тихой ночи красные цветы его цвели бездымно; лишь очень высоко над ними колебалось темноватое облако, не мешая видеть серебряный поток Млечного Пути. Багрово светился снег, и стены построек дрожали, качались, как будто стремясь в жаркий угол двора, где весело играл огонь, заливая красным широкие щели в стене мастерской, высовываясь из них раскалёнными кривыми гвоздями. По тёмным доскам сухой крыши, быстро опутывая её, извивались золотые, красные ленты; среди них крикливо торчала и курилась дымом гончарная тонкая труба; тихий треск, шёлковый шелест бился в стёкла окна; огонь всё разрастался; мастерская, изукрашенная им, становилась похожа на иконостас в церкви и непобедимо выманивала ближе к себе.

Накинув на голову тяжёлый полушубок, сунув ноги в чьи-то сапоги, я выволокался в сени, на крыльцо и обомлел, ослеплённый яркой игрою огня, оглушённый криками деда, Григория, дяди, треском пожара, испуганный поведением бабушки: накинув на голову пустой мешок,

обернувшись попоной, она бежала прямо в огонь и сунулась в него, вскрикивая:

— Купорос, дураки! Взорвёт купорос...

— Григорий, держи её! — выл дедушка. — Ой, пропала...

Но бабушка уже вынырнула, вся дымясь, мотая головой, согнувшись, неся на вытянутых руках ведёрную бутылку купоросного масла.

— Отец, лошадь выведи! — хрипя, кашляя, кричала она. — Снимите с плеч-то — горю, али не видно?..

Григорий сорвал с плеч её тлевшую попоную и, переламываясь пополам, стал метать лопатой в дверь мастерской большие комья снега; дядя прыгал около него с топором в руках; дед бежал около бабушки, бросая в неё снегом; она сунула бутылку в сугроб, бросилась к воротам, отворила их и, кланяясь вбежавшим людям, говорила:

— Амбар, соседи, отстаивайте! Перекинется огонь на амбар, на сеновал — наше всё дотла сгорит, и ваше займётся! Рубите крышу, сено — в сад! Григорий, сверху бросай, что ты на землю-то мечешь! Яков, не суетись, давай топоры людям, лопаты! Батюшки-соседи, беритесь дружной, — Бог вам на помощь.

Она была так же интересна, как и пожар: освещаемая огнём, который словно ловил её, чёрную, она металась по двору, всюду поспевая, всем распоряжаясь, всё видя.

На двор выбежал Шарап, вскидываясь на дыбы, подбрасывая деда; огонь ударил в его большие глаза, они красно сверкнули; лошадь захрапела, упёрлась передними ногами; дедушка выпустил повод из рук и отпрыгнул, крикнув:

— Мать, держи!

Она бросилась под ноги взвившегося коня, встала пред ним крестом; конь жалобно заржал, потянулся к ней, косясь на пламя.

— А ты не бойся! — басом сказала бабушка, похлопывая его по шее и взяв повод. — Али я тебя оставляю в страхе этом? Ох ты, мышонок...

Мышонок, втрое больший её, покорно шёл за нею к воротам и фыркал, оглядывая красное её лицо.

«Детство». Художник Б. Дехтерёв

Нянька Евгенья вывела из дома закутанных, глухо мычавших детей и закричала:

— Василий Васильевич, Лексея нет...

— Пошла, пошла! — ответил дедушка, махая рукой, а я спрятался под ступени крыльца, чтобы нянька не увела и меня.

Крыша мастерской уже провалилась; торчали в небо тонкие жерди стропил, курясь дымом, сверкая золотом углей; внутри постройки с воем и треском взрывались зелёные, синие, красные вихри, пламя снопами выкидывалось во двор, на людей, толпившихся пред огромным костром, кидая в него снег лопатами. В огне яростно кипели котлы, густым облаком поднимался пар и дым, стран-

ные запахи носились по двору, выжимая слёзы из глаз; я выбрался из-под крыльца и попал под ноги бабушке.

— Уйди! — крикнула она. — Задавят, уйди...

На двор ворвался верховой в медной шапке с гребнем. Рыжая лошадь брызгала пеной, а он, высоко подняв руку с плёткой, орал, грозя:

— Раздайсь!

Весело и торопливо звенели колокольчики, всё было празднично-красиво. Бабушка толкнула меня на крыльцо:

— Я кому говорю? Уйди!

Нельзя было не послушать её в этот час. Я ушёл в кухню, снова прильнул к стеклу окна, но за тёмной кучей людей уж не видно огня, — только медные шлемы сверкают среди зимних чёрных шапок и картузов.

Огонь быстро придавили к земле, залили, затоптали, полиция разогнала народ, и в кухню вошла бабушка.

— Это кто? Ты-и? Не спишь, боишься? Не бойся, всё уж кончилось...

Села рядом со мною и замолчала, покачиваясь. Было хорошо, что снова воротилась тихая ночь, темнота; но и огня было жалко.

Дед вошёл, остановился у порога и спросил:

— Мать?

— Ой?

— Обожглась?

— Ничего.

Он зажёт серную спичку, осветил синим огнём своё лицо хорька, измазанное сажей, высмотрел свечу на столе и не торопясь сел рядом с бабушкой.

— Умылся бы, — сказала она, тоже вся в саже, пропахшая едким дымом.

Дед вздохнул:

— Милостив Господь бывает до тебя, большой тебе разум даёт...

И, погладив её по плечу, добавил, оскалив зубы:

— На краткое время, на час, а даёт!..

Бабушка тоже усмехнулась, хотела что-то сказать, но дед нахмурился.

— Григория рассчитать надо — это его недосмотр! Отработал мужик, отжил! На крыльце Яшка сидит, плачет, дурак... Пошла бы ты к нему...

Она встала и ушла, держа руку перед лицом, дую на пальцы, а дед, не глядя на меня, тихо спросил:

— Весь пожар видел, сначала? Бабушка-то как, а? Старуха ведь... Бита, ломана... То-то же! Эх вы-и...

V

К весне дядья разделились; Яков остался в городе, Михаил уехал за реку, а дед купил себе большой интересный дом на Полевой улице, с кабаком в нижнем каменном этаже, с маленькой уютной комнаткой на чердаке и садом, который опускался в овраг, густо оцетинившийся голыми прутьями ивняка.

— Розог-то! — сказал дед, весело подмигнув мне, когда, осматривая сад, я шёл с ним по мягким, протаявшим дорожкам.

— Вот я тебя скоро грамоте начну учить, так они сгодятся...

Помню, был тихий вечер; мы с бабушкой пили чай в комнате деда; он был нездоров, сидел на постели без рубахи, накрыв плечи длинным полотенцем, и, ежеминутно отирая обильный пот, дышал часто, хрипло. Зелёные глаза его помутнели, лицо опухло, побагровело, особенно багровы были маленькие острые уши. Когда он протягивал руку за чашкой чая, рука жалобно тряслась. Был он кроток и не похож на себя.

— Что мне сахару не даёшь? — капризным тоном балованного ребёнка спрашивал он бабушку. Она отвечала ласково, но твёрдо:

— С мёдом пей, это тебе лучше!

Задыхаясь, крикая, он быстро глотал горячий чай и говорил:

— Ты гляди, не помереть бы мне!

— Не бойся, догляжу.

— То-то! Теперь помереть — это будет как бы вовсе и не жил, — всё прахом пойдёт!

— А ты не говори, лежи немо!

С минуту он молчал, закрыв глаза, почмокивая тёмными губами, и вдруг, точно уколотый, встряхивался, соображал вслух:

— Яшку с Мишкой женить надобно как можно скорей; может, жёны да новые дети попридержат их, — а?

И вспоминал, у кого в городе есть подходящие невесты. Бабушка помалкивала, выпивая чашку за чашкой; я сидел у окна, глядя, как рдеет над городом вечерняя заря и красно сверкают стёкла в окнах домов, — дедушка запретил мне гулять по двору и саду за какую-то провинность.

В саду, вокруг берёз, гудя летали жуки, бондарь работал на соседнем дворе, где-то близко точили ножи; за садом, в овраге, шумно возились ребятишки, путаясь среди густых кустов. Очень манило на волю, вечерняя грусть вливалась в сердце.

Вдруг дедушка, достав откуда-то новенькую книжку, громко шлёпнул ею по ладони и бодро позвал меня:

— Ну-ка, ты, пермяк, солёны уши, поди сюда! Садись, скула калмыцкая. Видишь фигуру? Это — аз. Говори: аз! Буки! Веди! Это — что?

— Буки.

— Попал! Это?

— Веди.

— Врёшь, аз! Гляди: глаголь, добро, есть, — это что?

— Добро.

— Попал! Это?

— Глаголь.

— Верно! А это?

— Аз.

Вступилась бабушка:

— Лежал бы ты, отец, смирно...

— Стой, молчи! Это мне в пору, а то меня мысли одолевают. Валяй, Лексей!

Он обнял меня за шею горячей, влажной рукою и через плечо моё тыкал пальцем в буквы, держа книжку под носом моим. От него жарко пахло уксусом, потом и печёным луком, я почти задыхался, а он, приходя в ярость, хрипел и кричал в ухо мне:

— Земля! Люди!

Слова были знакомы, но славянские знаки не отвечали им: «земля» походила на червяка, «глаголь» — на сутулого Григория, «я» — на бабушку со мною, а в дедушке было что-то общее со всеми буквами азбуки. Он долго гонял меня по алфавиту, спрашивая и вряд, и вразбивку; он заразил меня своей горячей яростью, я тоже вспотел

«Детство». Художник Б. Дехтерёв

и кричал во всё горло. Это смешило его; хватаясь за грудь, кашляя, он мял книгу и хрипел:

— Мать, ты гляди, как взвился, а? Ах, лихорадка астраханская, чего ты орёшь, чего?

— Это вы кричите...

Мне весело было смотреть на него и на бабушку: она, облокотясь о стол, упираясь кулаком в щёки, смотрела на нас и негромко смеялась, говоря:

— Да будет вам надрываться-то!..

Дед объяснял мне дружески:

— Я кричу, потому что я нездоровый, а ты чего?

И говорил бабушке, встряхивая мокрой головой:

— А неверно поняла покойница Наталья, что памяти у него нету, память, слава Богу, лошадиная! Вали дальше, курнос!

Наконец он шутливо столкнул меня с кровати.

— Будет! Держи книжку. Завтра ты мне всю азбуку без ошибки скажешь, и за это я тебе дам пятак...

Грамота давалась мне легко, дедушка смотрел на меня всё внимательнее и всё реже сёк, хотя, по моим соображениям, сечь меня следовало чаще прежнего: становясь взрослее и бойчей, я гораздо чаще стал нарушать дедовы правила и наказания, а он только ругался да замахивался на меня.

Мне подумалось, что, пожалуй, раньше-то он меня напрасно бил, и я однажды сказал ему это.

Лёгким толчком в подбородок он приподнял голову мою и, мигая, протянул:

— Чего-о?

И дробно засмеялся, говоря:

— Ах ты, еретик! Да как ты можешь сосчитать, сколько тебя сечь надобно? Кто может знать это, кроме меня? Сгинь, пошёл!

Но тотчас же схватил меня за плечо и снова, заглянув в глаза, спросил:

— Хитёр ты али простодушен, а?

— Не знаю...

— Не знаешь? Ну, так я тебе скажу: будь хитёр, это лучше, а простодушность — та же глупость, понял? Баран простодушен. Запомни! Айда, гуляй...

Вскоре я уже читал по складам псалтирь; обыкновенно этим занимались после вечернего чая, и каждый раз я должен был прочитать псалом.

VII

Меня не пускали гулять на улицу, потому что она слишком возбуждала меня, я точно хмелел от её впечатлений и почти всегда становился виновником скандалов и буйств. Товарищей у меня не заводилось, соседские ребята относились ко мне враждебно; мне не нравилось, что они зовут меня Кашириным, а они, замечая это, тем упорнее кричали друг другу:

— Коцея Каширина внучонок вышел, глядите!

— Валяй его!

И начиналась драка.

Был я не по годам силён и в бою ловок, — это признавали сами же враги, всегда нападавшие на меня кучей. Но всё-таки улица всегда била меня, и домой я приходил обыкновенно с расквашенным носом, рассечёнными губами и синяками на лице, оборванный, в пыли.

Бабушка встречала меня испуганно, соболезнуя:

— Что, редькин сын, опять дрался? Да что же это такое, а! Как я тебя начну, с руки на руку...

Мыла мне лицо, прикладывала к синякам бодягу¹, медные монеты или свинцовую примочку и уговаривала:

— Ну, что ты всё дерёшься? Дома смирный, а на улице ни на что не похож! Бесстыдник. Вот скажу дедушке, чтоб он не выпускал тебя...

Дедушка видел мои синяки, но никогда не ругался, только кричал и мычал:

— Опять с медалями? Ты у меня, Аника-воин, не смей на улицу бегать, слышишь!

Меня и не тянула улица, если на ней было тихо, но когда я слышал весёлый ребячий гам, то убегал со двора, не глядя на дедов запрет. Синяки и ссадины не обижали, но неизменно возмущала жестокость уличных забав, — жестокость, слишком знакомая мне, доводившая до бешенства. Я не мог терпеть, когда ребята стравливали собак или петухов, истязали кошек, гоняли еврейских коз, издевались над пьяными нищими и блаженным Игошей Смерть в Кармане.

Это был высокий, сухой и копчёный человек, в тяжёлом тулупе из овчины, с жёсткими волосами на костлявом, заржавевшем лице. Он ходил по улице согнувшись, странно качаясь и молча упорно смотрел в землю под ноги себе. Его чугунное лицо, с маленькими грустными глазами, внушало мне боязливое почтение, — думалось, что этот человек занят серьёзным делом, он чего-то ищет, и мешать ему не надобно.

Мальчишки бежали за ним, лукавая камнями в сутулую спину. Он долго как бы не замечал их и не чувствовал

¹ *Бодяга* — пресноводная губка, употреблявшаяся как лекарство от ревматизма, опухолей и пр.

боли ударов, но вот остановился, вскинул голову в мохнатой шапке, поправил шапку судорожным движением руки и оглядывается, словно только что проснулся.

— Игоша Смерть в Кармане! Игош, куда идёшь! Гляди — смерть в кармане! — кричат мальчишки.

Он хватался рукою за карман, потом, быстро наклонясь, поднимал с земли камень, чурку, ком сухой грязи и, неуклюже размахивая длинной рукою, бормотал ругательство. Ругался он всегда одними и теми же тремя погаными словами, — в этом отношении мальчишки были неизмеримо богаче его. Иногда он гнался за ними, прихрамывая; длинный тулуп мешал ему бежать, он падал на колени, упираясь в землю чёрными руками, похожими на сухие сучки. Ребятишки садили ему в бока и спину камни, наиболее смелые подбегали вплоть и отскакивали, высыпав на голову его пригоршни пыли.

Другим и, может быть, ещё более тяжёлым впечатлением улицы был мастер Григорий Иванович. Он совсем ослеп и ходил по миру, высокий, благообразный, немой. Его водила под руку маленькая серая старушка; останавливаясь под окнами, она писклявым голосом тянула, всегда глядя куда-то вбок:

— Подайте, Христа ради, слепому, убогому...

А Григорий Иванович молчал. Чёрные очки его смотрели прямо в стену дома, в окно, в лицо встречного; насквозь прокрашенная рука тихонько поглаживала широкую бороду, губы его были плотно сжаты. Я часто видел его, но никогда не слышал ни звука из этих замкнутых уст, и молчание старика мучительно давило меня. Я не мог подойти к нему, никогда не подходил, а, напротив, завидя его, бежал домой и говорил бабушке:

— Григорий ходит по улице!

— Ну? — беспокойно и жалостно восклицала она. — На-ко, беги, подай ему!

Я отказывался грубо и сердито. Тогда она сама шла за ворота и долго разговаривала с ним, стоя на тротуаре. Он усмехался, тряс бородой, но сам говорил мало, односложно.

Иногда бабушка, зазвав его в кухню, поила чаем, кормила. Как-то раз он спросил: где я? Бабушка позвала меня, но я убежал и спрятался в дровах. Не мог я по-

дойти к нему, — было нестерпимо стыдно перед ним, и я знал, что бабушке тоже стыдно. Только однажды говорили мы с нею о Григории: проводив его за ворота, она шла тихонько по двору и плакала, опустив голову. Я подошёл к ней, взял её руку.

— Ты что же бегаешь от него? — тихо спросила она. — Он тебя любит, он хороший ведь...

— Отчего дедушка не кормит его? — спросил я.

— Дедушка-то?

Она остановилась, прижала меня к себе и почти шёпотом, пророчески сказала:

— Помяни моё слово: горестно накажет нас Господь за этого человека! Накажет...

Она не ошиблась: лет через десять, когда бабушка уже успокоилась навсегда, дед сам ходил по улицам города нищий и безумный, жалостно выпрашивая под окнами:

— Повара мои добрые, подайте пирожка кусок, пирожка-то мне бы! Эх вы-и...

Прежнего от него только и осталось, что это горькое, тягучее, волнующее душу:

— Эх вы-и...

VIII

Дед неожиданно продал дом кабатчику, купив другой, по Канатной улице; немощёная, заросшая травой, чистая и тихая, она выходила прямо в поле и была снизана из маленьких, пёстро окрашенных домиков.

Весь дом был тесно набит невиданными мною людьми: в передней половине жил военный из татар, с маленькой, круглой женою; она с утра до вечера кричала, смеялась, играла на богато украшенной гитаре и высоким, звонким голосом пела чаще других задорную песню...

Военный, круглый, как шар, сидя у окна, надувал синее лицо и, весело выкатывая какие-то рыжие глаза, непрерывно курил трубку, кашлял странным, собачьим звуком:

— Вух, вух-вух-хх...

В тёплой пристройке над погребом и конюшней помещались двое ломовых извозчиков — маленький, сивый дядя Пётр, немой племянник его Стёпа, гладкий, литой парень, с лицом, похожим на поднос красной меди, — и не-

весёлый, длинный татарин Вале́й, денщик. Всё это были люди новые, богатые незнакомым для меня.

Но особенно крепко захватил и потянул меня к себе нахлебник¹ Хорошее Дело. Он снимал в задней половине дома комнату рядом с кухней, длинную, в два окна — в сад и на двор.

Это был худощавый, сутулый человек, с белым лицом в чёрной раздвоенной бородке, с добрыми глазами, в очках. Был он молчалив, незаметен и, когда его приглашали обедать, чай пить, неизменно отвечал:

— Хорошее дело.

Бабушка так и стала звать его в глаза и за глаза.

— Лёнъка, кричи Хорошее Дело чай пить! Вы, Хорошее Дело, что мало кушаете?

Вся комната его была заставлена и завалена какими-то ящиками, толстыми книгами незнакомой мне гражданской печати; всюду стояли бутылки с разноцветными жидкостями, куски меди и железа, прутья свинца. С утра до вечера он, в рыжей кожаной куртке, в серых клетчатых штанах, весь измазанный какими-то красками, неприятно пахучий, встрёпанный и неловкий, плавил свинец, паял какие-то медные штучки, что-то взвешивал на маленьких весах, мычал, обжигал пальцы и торопливо дул на них, подходил, спотыкаясь, к чертежам на стене и, протерев очки, нюхал чертежи, почти касаясь бумаги тонким и прямым, странно белым носом. А иногда вдруг останавливался среди комнаты или у окна и долго стоял, закрыв глаза, подняв лицо, остолбеневший, безмолвный.

Я влезал на крышу сарая и через двор наблюдал за ним в открытое окно, видел синий огонь спиртовой лампы на столе, тёмную фигуру; видел, как он пишет что-то в растрёпанной тетради, очки его блестят холодно и синевато, как льдины; колдовская работа этого человека часами держала меня на крыше, мучительно разжигая любопытство.

Иногда он, стоя в окне, как в раме, спрятав руки за спину, смотрел прямо на крышу, но меня как будто не видел, и это очень обижало. Вдруг отскакивал к столу и, согнувшись вдвое, рылся на нём.

¹ Нахлебник — здесь: столующийся жилец.

Я думаю, что я боялся бы его, будь он богаче, лучше одет, но он был беден: над воротником его куртки торчал измятый, грязный ворот рубахи, штаны — в пятнах и заплатках, на босых ногах — стоптанные туфли. Бедные — не страшны, не опасны, в этом меня незаметно убедило жалостное отношение к ним бабушки и презрительное — со стороны деда.

Никто в доме не любил Хорошее Дело; все говорили о нём, посмеиваясь; весёлая жена военного звала его «меловой нос», дядя Пётр — аптекарем и колдуном, дед — чернокнижником¹, фармазоном.

— Чего он делает? — спросил я бабушку. Она строго откликнулась:

— Не твоё дело; молчи, знай...

Однажды, собравшись с духом, я подошёл к его окну и спросил, едва скрывая волнение:

— Ты чего делаешь?

Он вздрогнул, долго смотрел на меня поверх очков и, протянув мне руку в язвах и шрамах ожогов, сказал:

— Влезай...

То, что он предложил войти к нему не через дверь, а через окно, ещё более подняло его в моих глазах. Он сел на ящик, поставил меня перед собой, отодвинул, придвинул снова и наконец спросил негромко:

— Ты откуда?

Это было странно: я четыре раза в день сидел в кухне за столом около него! Я ответил:

— Здешний, внук...

— Ага, да, — сказал он, осматривая свой палец, и замолчал.

Тогда я счёл нужным пояснить ему:

— Я не Каширин, а Пешков...

— Пешков? — неверно повторил он. — Хорошее дело.

Отодвинул меня в сторону, поднялся и, уходя к столу, сказал:

— Ну, сиди смирно...

Я сидел долго-долго, наблюдая, как он скоблит рашпилем кусок меди, зажатый в тиски; на картон под ти-

¹ Чернокнижник — по поверьям невежественных людей, колдун, связанный с нечистой силой.

сками падают золотые крупинки опилок. Вот он собрал их в горсть, высыпал в толстую чашку, прибавил к ним из баночки пыли, белой, как соль, облил чем-то из тёмной бутылки, — в чашке зашипело, задымилось, едкий запах бросился в нос мне, я закашлялся, замотал головою, а он, колдун, хвастливо спросил:

— Скверно пахнет?

— Да.

— То-то же! Это, брат, весьма хорошо!

«Чем хвастается!» — подумалось мне, и я строго сказал:

— Если скверно, так уж не хорошо...

— Ну? — воскликнул он, подмигивая. — Это, брат, не всегда, однако! А ты в бабки играешь?

— В козны?

— В козны, да?

— Играю.

— Хочешь, налиток сделаю? Хорошая битка будет!

— Хочу!

— Неси, давай бабку.

Он снова подошёл ко мне, держа дымящуюся чашку в руке, заглядывая в неё одним глазом, подошёл и сказал:

— Я тебе налиток сделаю; а ты за это не ходи ко мне.

Хорошо?

Это меня прежестoko обидело.

— Я и так не приду никогда...

Обиженный, я ушёл в сад. Там возился дедушка, обкладывая навозом корни яблонь; осень была, уже давно начался листопад.

— Ну-ко, подстригай малину, — сказал дед, подавая мне ножницы.

Я спросил его:

— Хорошее Дело чего строит?

— Горницу портит, — сердито ответил он. — Пол прожёт, обои попачкал, ободрал. Вот скажу ему, — съезжал бы.

— Так и надо, — согласился я, принимаясь остригать сухие лозы малинника.

Но я поспешил.

Дождливыми вечерами, если дед уходил из дома, бабушка устраивала в кухне интереснейшие собрания, приглашая пить чай всех жителей: извозчиков, денщика,

часто являлась бойкая Петровна, иногда приходила даже весёлая постоялка, и всегда в углу, около печи, неподвижно и немотно торчал Хорошее Дело. Немой Стёпа играл с татаринцом в карты; Валея хлопал ими по широкому носу немого и приговаривал:

— Аш-шайтан!

Дядя Пётр приносил огромную краюху белого хлеба и варенье «семечки» в большой глиняной банке, резал хлеб ломтями, щедро смазывал их вареньем и раздавал всем эти вкусные малиновые ломти, держа их на ладони, низко кланяясь.

— Пожалуйте-ко милостью, покушайте! — ласково просил он, а когда у него брали ломоть, он внимательно осматривал свою тёмную ладонь и, заметя на ней капельку варенья, слизывал его языком.

Петровна приносила вишнёвую наливку в бутылке, весёлая барыня — орехи и конфеты. Начинался пир горой, любимое бабушкино удовольствие.

Спустя некоторое время после того, как Хорошее Дело предложил мне взятку за то, чтоб я не ходил к нему в гости, бабушка устроила такой вечер. Сыпался и хлопал неумный осенний дождь, ныл ветер, шумели деревья, царапая сучьями стену. В кухне было тепло, уютно, все сидели близко друг ко другу, все были как-то особенно мило тихи, а бабушка на редкость щедро рассказывала сказки, одна другой лучше.

Она сидела на краю печи, опираясь ногами о приступок, наклонясь к людям, освещённым огнём маленькой жестяной лампы; уж это всегда, если она была в ударе, она забиралась на печь, объясняя:

— Мне сверху надо говорить, — сверху-то лучше!

Я поместился у ног её, на широком приступке, почти над головою Хорошего Дела. Бабушка сказывала хорошую историю про Ивана-воина и Мирона-отшельника¹; мерно лились сочные, веские слова...

Уже в начале рассказа бабушки я заметил, что Хорошее Дело чем-то обеспокоен: он странно, судорожно двигал руками, снимал и надевал очки, помахивал ими в меру певучих слов, кивал головою, касался глаз, креп-

¹ *Отшельник* — здесь: человек, удалившийся от мира.

ко нажимая их пальцами, и всё вытирал быстрым движением ладони лоб и щёки, как сильно вспотевший. Когда кто-либо из слушателей двигался, кашлял, шаркал ногами, нахлебник строго шипел:

— Шш!

А когда бабушка замолчала, он бурно вскочил и, размахивая руками, как-то неестественно закружился, забормотал:

— Знаете, это удивительно, это надо записать, непременно! Это — страшно верное, наше...

Теперь ясно было видно, что он плачет, — глаза его были полны слёз; они выступали сверху и снизу, глаза купались в них; это было странно и очень жалостно. Он бегал по кухне, смешно, неуклюже подпрыгивая, размахивал очками перед носом своим, желая надеть их, и всё не мог зацепить проволоку за уши. Дядя Пётр усмехался, поглядывая на него, все сконфуженно молчали, а бабушка торопливо говорила:

— Запишите, что же, греха в этом нету; я и ещё много знаю эдакого...

— Нет, именно это! Это — страшно русское, — возбуждённо выкрикивал нахлебник и, вдруг остолбенев среди кухни, начал громко говорить, рассекая воздух правой рукою, а в левой дрожали очки. Говорил долго, яростно, подвизгивая и притопывая ногою, часто повторяя одни и те же слова:

— Нельзя жить чужой совестью, да, да!

Потом вдруг как-то сорвался с голоса, замолчал, поглядел на всех и тихонько, виновато ушёл, склонив голову. Люди усмехались, сконфуженно переглядываясь, бабушка отодвинулась глубоко на печь, в тень, и тяжело вздыхала там.

Отирая ладонью красные, толстые губы, Петровна спросила:

— Рассердился будто?

— Не, — ответил дядя Пётр. — Это он так себе...

Бабушка слезла с печи и стала молча подогревать самовар, а дядя Пётр не торопясь говорил:

— Господа все такие — капризники!

Валей угрюмо буркнул:

— Холостой всегда дурит!

Все засмеялись, а дядя Пётр тянул:

— До слёз дошёл. Видно, бывало, щука клевала, а ноне и плотва — едва...

Стало скучно; какое-то уныние щемило сердце. Хорошее Дело очень удивил меня, было жалко его, — так ясно помнились его утонувшие глаза.

Он не ночевал дома, а на другой день пришёл после обеда, тихий, измятый, явно сконфуженный.

— Вчера я шумел, — сказал он бабушке виновато, словно маленький. — Вы не сердитесь?

— На что же?

— А вот, что я вмешался, говорил?

— Вы никого не обидели...

Я чувствовал, что бабушка боится его, не смотрит в лицо ему и говорит необычно — тихо слишком.

Он подошёл вплоть к ней и сказал удивительно просто:

— Видите ли, я страшно один, нет у меня никого! Молчишь, молчишь, — и вдруг вскипит в душе, прорвёт... Готов камню говорить, дереву...

Бабушка отодвинулась от него.

— А вы бы женились...

— Э! — воскликнул он, сморщившись, и ушёл, махнув рукой.

Бабушка, нахмурясь, поглядела вслед ему, понюхала табак и потом строго наказала мне:

— Ты, гляди, не очень вертись около него; Бог его знает, какой он такой...

А меня снова потянуло к нему.

Я видел, как изменилось, опрокинулось его лицо, когда он сказал «страшно один»; в этих словах было что-то понятное мне, тронувшее меня за сердце, и я пошёл за ним.

Заглянул со двора в окно его комнаты, — она была пуста и похожа на чулан, куда наскоро, в беспорядке, брошены разные ненужные вещи, — такие же ненужные и странные, как их хозяин. Я пошёл в сад и там, в яме, увидел его; согнувшись, закинув руки за голову, упираясь локтями в колени, он неудобно сидел на конце обгоревшего бревна; бревно было засыпано землёю, а конец его, лоснясь углём, торчал в воздухе над жухлой полынью, крапивой, лопухом. И то, что ему было неудобно сидеть, ещё более располагало к этому человеку.

Он долго не замечал меня, глядя куда-то мимо, слепыми глазами филина, потом вдруг спросил как будто с досадой:

— За мной?

— Нет.

— А что же?

— Так.

Он снял очки, протёр их платком в красных и чёрных пятнах и сказал:

— Ну, полезай сюда!

Когда я сел рядом с ним, он крепко обнял меня за плечи.

— Сиди. Будем сидеть и молчать. Ладно? Вот это самое... Ты упрямый?

— Да.

— Хорошее дело!

Молчали долго. Вечер был тихий, кроткий, один из тех грустных вечеров бабьего лета, когда всё вокруг так цветисто и так заметно линяет, беднеет с каждым часом, а земля уже истощила все свои сытные, летние запахи, пахнет только холодной сыростью, воздух же странно прозрачен, и в красноватом небе суетно мелькают галки, возбуждая невесёлые мысли. Всё немотно и тихо; каждый звук — шорох птицы, шелест упавшего листа — кажется громким, заставляет опасливо вздрогнуть, но, вздрогнув, снова замираешь в тишине — она обняла всю землю и наполняет грудь.

В такие минуты рождаются особенно чистые, лёгкие мысли, но они тонки, прозрачны, словно паутины, и неуловимы словами. Они вспыхивают и исчезают быстро, как падающие звёзды, обжигая душу печалью о чём-то, ласкают её, тревожат, и тут она кипит, плавится, принимая свою форму на всю жизнь, тут создаётся её лицо.

Прижимаясь к тёплому боку нахлебника, я смотрел вместе с ним сквозь чёрные сучья яблонь на красное небо, следил за полётами хлопотливых чечёток, видел, как щеглята треплют маковки сухого репья, добывая его терпкие зёрна, как с поля тянутся мохнатые, сизые облака с багряными краями, а под облаками тяжело летят вороны ко гнёздам, на кладбище. Всё было хорошо и как-то особенно, не по-всегдашнему понятно и близко.

Иногда человек спрашивал, глубоко вздохнув:

— Славно, брат? То-то! А не сыро, не холодно?

А когда небо потемнело и всё вокруг вспухло, наливаясь сырым сумраком, он сказал:

— Ну, будет! Идём...

У калитки сада он остановился, тихо говоря:

— Хороша у тебя бабушка, — о, какая земля!

Закрыв глаза и улыбаясь, прочитал негромко, очень внятно:

Это ему в наказанье дано:

Злого бы приказу не слушался,

За чужую совесть не прятался!..

— Ты, брат, запомни это очень!

И, поталкивая меня вперёд, спросил:

— Писать умеешь?

— Нет.

— Научись. А научишься — записывай, что бабушка рассказывает, — это, брат, очень годится...

Мы подружились. С этого дня я приходил к Хорошему Делу, когда хотел, садился в ящик с каким-то тряпьем и невозбранно следил, как он плавит свинец, греет медь; раскалив, куёт железные пластины на маленькой наковальне лёгким молотком с красивой ручкой, работает рашпилем, напильниками, наждаком и тонкой, как нитка, пилюю. И всё взвешивает на чутких медных весах. Сливая в толстые белые чашки разные жидкости, смотрит, как они дымятся, наполняют комнату едким запахом, — морщится, смотрит в толстую книгу и мычит, покусывая красные губы, или тихонько тянет сиповатым голосом:

О, роза Сарона...

— Это чего ты делаешь?

— Одну штуку, брат...

— Какую?

— А-а, видишь ли, не умею я сказать так, чтоб ты понял.

— Дедушка говорит, что ты, может, фальшивые деньги делаешь...

— Дедушка? Мм... это он пустяки говорит! Деньги, брат, — ерунда...

— А чем за хлеб платить?

— Н-да, брат, за хлеб надобно платить, верно...

— Видишь? И за говядину тоже...

— И за говядину...

Он тихонько, удивительно мило смеётся, щекочет меня за ухом, точно кутёнка, и говорит:

— Никак не могу я спорить с тобой, — забиваешь ты, брат, меня; давай лучше помолчим...

Иногда он прерывал работу, садился рядом со мною, и мы долго смотрели в окно, как сеет дождь на крыши, на двор, заросший травкою, как беднеют яблони, теряя лист. Говорил Хорошее Дело скупно, но всегда какими-то нужными словами; чаще же, желая обратить на что-либо моё внимание, он тихонько толкал меня и показывал глазом, подмигивая.

Ничего особенного я не вижу на дворе, но от этих толчков локтем и от кратких слов всё видимое кажется особо значительным, всё крепко запоминается. Вот по двору бежит кошка, остановилась перед светлой лужей и, глядя на своё отражение, подняла мягкую лапу, точно ударить хочет его, — Хорошее Дело говорит тихонько:

— Кошки горды и недоверчивы...

Золотисто-рыжий петух Мамай, взлетев на изгородь сада, укрепился, встряхнул крыльями, едва не упал и, обидевшись, сердито бормочет, вытянув шею.

— Важен генерал, а не очень умный...

Идёт неуклюжий Валея, ступая по грязи тяжело, как старая лошадь; скуластое лицо его надуто, он смотрит, прищурясь, в небо, а оттуда прямо на грудь ему падает белый осенний луч, — медная пуговица на куртке Валея горит, татарин остановился и трогает её кривыми пальцами.

— Точно медаль получил, любитесь...

Я быстро и крепко привязался к Хорошему Делу, он стал необходим для меня и во дни горьких обид, и в часы радостей. Молчаливый, он не запрещал мне говорить обо всём, что приходило в голову мою, а дед всегда обрывал меня строгим окриком:

— Не болтай, бесова мельница!

Бабушка же была так полна своим, что уж не слышала и не принимала чужого.

Хорошее Дело всегда слушал мою болтовню внимательно и часто говорил мне, улыбаясь:

— Ну, это, брат, не так, это ты сам выдумал...

И всегда его краткие замечания падали вовремя, были необходимы, — он как будто насквозь видел всё, что делалось в сердце и голове у меня, видел все лишние, неверные слова раньше, чем я успевал сказать их, видел и отсекал прочь двумя ласковыми ударами:

— Врёшь, брат!

Я нередко нарочно испытывал эту его колдовскую способность; бывало, выдумаю что-нибудь и рассказываю, как бывшее, но он, послушав немножко, отрицательно качал головою:

— Ну, врешь, брат...

— А почему ты знаешь?

— Уж я, брат, вижу...

Иногда он неожиданно говорил мне слова, которые так и остались со мною на всю жизнь. Рассказываю я ему о враге моём Ключникове, бойце из Новой улицы, толстом, большеголовом мальчишке, которого ни я не мог одолеть в бою, ни он меня. Хорошее Дело внимательно выслушал горести мои и сказал:

— Это — ерунда; такая сила — не сила! Настоящая сила — в быстроте движения; чем быстрее, тем сильнее — понял?

В следующее воскресенье я попробовал действовать кулаками быстрее и легко победил Ключникова. Это ещё более подняло моё внимание к словам нахлебника.

— Всякую вещь надо уметь взять, — понимаешь? Это очень трудно — уметь взять!

Я не понял ничего, но невольно запоминал такие и подобные слова, — именно потому запоминал, что в простоте этих слов было нечто досадно таинственное: ведь не требовалось никакого особого умения взять камень, кусок хлеба, чашку, молоток!

А в доме Хорошее Дело всё больше не любили; даже ласковая кошка весёлой постоялки не влезала на колени к нему, как лазала ко всем, и не шла на ласковый зов его. Я её бил за это, трепал ей уши и, чуть не плача, уговаривал её не бояться человека.

— У меня одежда пахнет кислотами — вот кошка и не

идёт ко мне, — объяснял он, но я знал, что все, даже бабушка, объясняли это иначе, враждебно нахлебнику, неверно и обидно.

— Пошто ты торчишь у него? — сердито спрашивала бабушка. — Гляди, научит он тебя чему-нибудь...

А дед жестоко колотил меня за каждое посещение нахлебника, которое становилось известно ему, рыжему хорьку. Я, конечно, не говорил Хорошему Делу о том, что мне запрещают знакомство с ним, но откровенно рассказывал, как относятся к нему в доме.

— Бабушка тебя боится; она говорит — чернокнижник ты, а дедушка тоже, что ты Богу враг и людям опасный...

Он дёргал головою, как бы отгоняя мух; на меловом его лице розовато вспыхивала улыбка, от которой у меня сжималось сердце и зеленело в глазах.

— Я, брат, вижу уж! — тихонько говорил он. — Это, брат, грустно, а?

— Да!

— Грустно, брат...

Наконец его выжили.

Однажды я пришёл к нему после утреннего чая и вижу, что он, сидя на полу, укладывает свои вещи в ящики, тихонько напевая о розе Сарона.

— Ну, прощай, брат, вот я и уезжаю...

— Зачем?

Он пристально посмотрел на меня, говоря:

— Разве ты не знаешь? Комната нужна для твоей матери...

— Это кто сказал?

— Дедушка...

— Врёт он!

Хорошее Дело потянул меня за руку к себе, и, когда я сел на пол, он заговорил тихонько:

— Не сердись! А я, брат, подумал, что ты знаешь, да не сказал мне; это нехорошо, подумал я...

Было грустно и досадно на него за что-то.

— Послушай-ко, — почти шёпотом говорил он, улыбаясь. — Ты помнишь, я тебе сказал: не ходи ко мне?

Я кивнул головой.

— Обиделся ты на меня, да?

— Да...

— А я, брат, не хотел тебя обидеть; я, видишь ли, знал: если ты со мной подружишься, твои станут ругать тебя, — так? Было так? Ты понял, почему я сказал это?

Он говорил, словно маленький, одних лет со мною; а я страшно обрадовался его словам; мне даже показалось, что я давно, ещё тогда понял его; я так и сказал:

— Это я давно понял!

— Ну, вот! Так-то, брат. Вот это самое, голубчик...

У меня нестерпимо заныло сердце.

— Отчего они не любят тебя никто?

Он обнял меня, прижал к себе и ответил, подмигнув:

— Чужой — понимаешь? Вот за это самое. Не такой...

Я дёргал его за рукав, не зная, не умея, что сказать.

— Не сердись, — повторил он и шёпотом на ухо добавил: — Плакать тоже не надо...

А у самого тоже слёзы текут из-под мутных очков.

И потом, как всегда, мы долго сидели в молчании, лишь изредка перекидываясь краткими словами.

Вечером он уехал, ласково простившись со всеми, крепко обняв меня. Я вышел за ворота и видел, как он трясся на телеге, разминавшей колёсами кочки мёрзлой грязи. Тотчас после его отъезда бабушка принялась мыть и чистить грязную комнату, а я нарочно ходил из угла в угол и мешал ей.

— Уйди! — кричала она, натываясь на меня.

— Вы зачем прогнали его?

— А ты поговори!

— Дураки вы все, — сказал я.

Она стала шлёпать меня мокрой тряпкой, крича:

— Да ты ошалел, пострел!

— Не ты, а все другие дураки, — поправился я, но это её не успокоило.

За ужином дед говорил:

— Ну, слава Богу! А то, бывало, как увижу его, — нож в сердце: ох, надобно выгнать!

Я со зла изломал ложку и снова потерпел.

Так кончилась моя дружба с первым человеком из бесконечного ряда чужих людей в родной своей стране, — лучших людей её...

...Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой русской жизни, я минутами спрашиваю себя: да стоит ли говорить об этом? И, с обновлённой уверенностью, отвечаю себе — стоит; ибо это — живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать её из памяти, из души человека, из всей жизни нашей, тяжкой и позорной.

И есть другая, более положительная причина, понуждающая меня рисовать эти мерзости. Хотя они и противны, хотя и давят нас, до смерти расплющивая множество прекрасных душ, — русский человек всё-таки настолько ещё здоров и молод душою, что преодолевает и преодолевает их.

Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодovit и жирен пласт всякой скотской дряни, но тем, что сквозь этот пласт всё-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растёт доброе — человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой.

...Бабушка, сидя под окном, быстро плела кружева, весело щёлкали коклюшки, золотым ежом блестела на вешнем солнце подушка, густо усеянная медными булавами. И сама бабушка, точно из меди литая, — неизменна! А дед ещё более ссохся, сморщился, его рыжие волосы посерели, спокойная важность движений сменилась горячей суетливостью, зелёные глаза смотрят подозрительно. Посмеиваясь, бабушка рассказала мне о разделе имущества между ею и дедом: он отдал ей все горшки, плошки, всю посуду и сказал:

— Это — твоё, а больше ничего с меня не спрашивай!

Затем отобрал у неё все старинные платья, вещи, лисий салоп, продал всё за семьсот рублей, а деньги отдал в рост под проценты своему крестнику-еврею, торговцу фруктами. Он окончательно заболел скупостью и потерял стыд: стал ходить по старым знакомым, бывшим сослуживцам своим в ремесленной управе, по богатым купцам и, жалуясь, что разорён детьми, выпрашивал у них денег на бед-

ность. Он пользовался уважением, ему давали обильно крупными билетами; размахивая билетом под носом бабушки, дед хвастался и дразнил её, как ребёнок:

— Видала, дура? Тебе сотой доли этого не дадут!

Собранные деньги он отдавал в рост новому своему приятелю, длинному и лысому скорняку, прозванному в слободке Хлыстом, и его сестре-лавочнице, дородной, краснощёкой бабе, с карими глазами, томной и сладкой, как патока.

Всё в доме строго делилось: один день обед готовила бабушка из провизии, купленной на её деньги, на другой день провизию и хлеб покупал дед, и всегда в его дни обеды были хуже: бабушка брала хорошее мясо, а он — требуху, печёнку, лёгкие, сычуг¹. Чай и сахар хранился у каждого отдельно, но заваривали чай в одном чайнике, и дед тревожно говорил:

— Постой, погоди, — ты сколько положила?

Высыплет чайники на ладонь себе и, аккуратно пересчитав их, скажет:

— У тебя чай-от мельче моего, значит — я должен положить меньше, мой крупнее, наваристее.

Он очень следил, чтобы бабушка наливала чай и ему и себе одной крепости и чтоб она выпивала одинаковое с ним количество чашек.

— По последней, что ли? — спрашивала она перед тем, как слить весь чай.

Дед заглядывал в чайник и говорил:

— Ну, уж — по последней!

Даже масло для лампадки пред образом каждый покупал своё, — это после полусотни лет совместного труда!

Мне было и смешно и противно видеть все эти дедовы фокусы, а бабушке — только смешно.

— А ты — полно! — успокаивала она меня. — Ну, что такое? Стар старичок, вот и дурит! Ему ведь восемь десятков, — отшагай-ка столько-то! Пускай дурит, кому горе? А я себе да тебе — заработаю кусок, не бойсь!

Я тоже начал зарабатывать деньги: по праздникам, рано утром, брал мешок и отправлялся по дворам, по улицам собирать говяжьи кости, тряпки, бумагу, гвозди.

¹ Сычуг — здесь: желудок.

Пуд тряпок и бумаги ветошники покупали по двугривенному, железо — тоже, пуд костей — по гривеннику, по восемь копеек. Занимался я этим делом и в будни после школы, продавая каждую субботу разных товаров копеек на тридцать, на полтинник, а при удаче и больше. Бабушка брала у меня деньги, торопливо совала их в карман юбки и похваливала меня, опустив глаза:

— Вот и спасибо те, голуба душа! Мы с тобой не прокормимся, — мы? Велико дело!

Однажды я подсмотрел, как она, держа на ладони мои пятаки, глядела на них и молча плакала, одна мутная слеза висела у неё на носу, ноздреватом, как пемза¹.

В школе мне снова стало трудно, ученики высмеивали меня, называя ветошником, нищобродом, а однажды, после ссоры, заявили учителю, что от меня пахнет помойной ямой и нельзя сидеть рядом со мной. Помню, как глубоко я был обижен этой жалобой и как трудно было мне ходить в школу после неё. Жалоба была выдумана со зла: я очень усердно мылся каждое утро и никогда не приходил в школу в той одежде, в которой собирал тряпье.

Но вот, наконец, я сдал экзамен в третий класс, получил в награду Евангелие, басни Крылова в переплёте и ещё книжку без переплёта, с непонятным титулом — «Фата-Моргана», дали мне также похвальный лист. Когда я принёс эти подарки домой, дед очень обрадовался, расстрогался и заявил, что всё это нужно беречь и что он запрет книги в укладку себе. Бабушка уже несколько дней лежала больная, у неё не было денег, дед охал и взвизгивал:

— Опиваете вы меня, объедаете до костей, эх вы-и...

Я отнёс книги в лавочку, продал их за пятьдесят пять копеек, отдал деньги бабушке, а похвальный лист испортил какими-то надписями и тогда уж вручил деду. Он бережно спрятал бумагу, не развернув её и не заметив моего озорства.

...Мать... переселилась к деду... Она совсем онемела, редко скажет слово кипящим голосом, а то целый день молча лежит в углу и умирает. Что она умирала — это я, конечно, чувствовал, знал, да и дед слишком часто, на-

¹ Пемза — лёгкий пористый камень.

зойливо говорил о смерти, особенно по вечерам, когда на дворе темнело и в окна влезал тёплый, как овчина, жирный запах гнили...

Умерла она в августе, в воскресенье, около полудня...

Через несколько дней после похорон матери дед сказал мне:

— Ну, Лексей, ты — не медаль, на шее у меня — не место тебе, а иди-ка ты в люди...

И пошёл я в люди.

Проверьте себя

1. Понравилась ли вам повесть? Почему автор назвал её «Детство», хотя ранее предполагал назвать «Бабушка»? Как сложились отношения Алёши с окружающими людьми в доме деда? Как вы понимаете выражение «свинцовые мерзости дикой русской жизни»?
2. Опишите портреты бабушки и деда. Что нравилось Алёше в каждом из них? Что общего и что различного в отношении Алёши к бабушке и деду?
3. Почему так часто ссорились в семье Кашириных?
- 4★. Расскажите об одном из героев повести «Детство» по предварительно составленному плану характеристики.
5. Какой след оставил каждый из окружавших Алёшу людей в его душе?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Горький. «Детство» (Отрывок)

1. Как актёру удаётся передать звучание музыки в исполнении дяди Якова, которая «торопливым ручьём бежала откуда-то издали, просачивалась сквозь пол и стены и, волнуя сердце, выманивала непонятное чувство, грустное и беспокойное...»?
2. Помогает ли слушателю представить игру дяди Якова звучащая гитара, на фоне которой актёр читает текст? Или слова писателя оказываются ярче, выразительнее, сильнее?
3. Как актёр передаёт возможностями художественного чтения выход к танцу Цыганка, бешеный, неудержимый ритм его пляски? Почему в чтении актёра особо выделяются слова *приседал, метался, горел, плавился, освещая, струясь, содрогаясь*?

4. Как актёр при чтении передаёт мягкость, плавность, невесомость танца бабушки Акулины Ивановны?
5. Как вы считаете, удалось ли актёру вслед за писателем раскрыть характеры героев повести — дяди Якова, Цыганка, бабушки Акулины Ивановны? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите иллюстрации Б. Дехтерёва. Так ли вы представляете героев? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Читаем самостоятельно

Познакомьтесь самостоятельно с легендой о Данко из рассказа М. Горького «Старуха Изергиль» и иллюстрациями к ней. Какова главная мысль произведения?

Данко¹

(Отрывок из рассказа «Старуха Изергиль»)

«**Ж**или на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой — была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видеть было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для этого были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперёд, — там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём в сером сумраке и ещё

¹ Легенда дана с небольшими сокращениями.

плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А ещё страшнее было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота. <...> И ослабли люди от дум. <...> Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни. <...> Но тут явился Данко и спас всех один. <...>

Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смёлы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдём в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец, — всё на свете имеет конец! Идёмте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

— Веди ты нас! — сказали они...

Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись

всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они. <...> Всё гуще становился лес, всё меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещённые холодным огнём молний, казались живыми, протирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, тёмное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, падали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

— Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас! Ты повёл нас и утомил, и за это ты погибнешь!

— Вы сказали: „Веди!“ — и я повёл! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повёл вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

— Ты умрёшь! Ты умрёшь! — ревели они.

А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд, и видел, что они — как звери.

Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого ещё ярче загорелось в нём сердце, ибо эта их дума родила в нём тоску.

А лес всё пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумлённые, стали как камни.

— Идём! — крикнул Данко и бросился вперёд на своё место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивлённо качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко всё был впереди, сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой; а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождём. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась крас-

ной, как та кровь, что была горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...

— Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой! <...>

Проверьте себя

1. Чем отличается, по вашему мнению, Данко от окружающих его людей? Подготовьте этот текст к выразительному чтению или художественному пересказу, подчеркнув жертвенность, готовность к подвигу Данко и отношение к его поступку спасённых им людей. Неправильна ли была жертва Данко?
2. Среди рассказов М. Горького есть реалистические и романтические произведения. К каким произведениям относятся повесть «Детство» и рассказ «Старуха Изергиль» (уточните содержание определений «реализм» и «романтизм» в словаре литературоведческих терминов или в ресурсах Интернета)?

Совершенствуем свою речь

1. Подготовьте художественный пересказ одного из эпизодов повести М. Горького «Пожар», «Ученье», «Наказание», «Пляска бабушки», «Цыганок» (на выбор). Что можно сказать об авторе, который через многие годы так живо воспроизвёл жизнь, быт, взаимоотношения обитателей дома Кашириных?
2. Прочитайте по ролям или инсценируйте одну из сцен: «Разговор с дедом», «Разговор с Цыганком», «Ученье» и т. д.
3. Подготовьте устное или письменное сочинение: «История Цыганка», «Дедушка не злой и не страшен», «Почему почувствовал Алёша в бабушке близкого человека?», «Алёша и дом Кашириных» (на выбор).

Учимся читать выразительно

Какие фольклорные произведения напоминают ритм звучания легенды «Данко» (отрывка из рассказа «Старуха Изергиль»)? Прочитайте легенду вслух, сохранив её особый, сказовый ритм.

Литература и другие виды искусства

Найдите в ресурсах Интернета иллюстрации Д. Буторина к «Данко». Так ли вы представляли себе героев? Д. Буторин — художник-палешанин. Вы видели палехские рисунки, украшающие лаковые шкатулки, иллюстрирующие книжки для малышей, сказки Пушкина. Чем интересен здесь рисунок палехского художника?

Леонид Николаевич АНДРЕЕВ

1871—1919

Леонид Николаевич Андреев родился в 1871 году в Орле, умер в эмиграции в Финляндии в 1919 году. Талант Андреева даже в самые ранние годы отмечали и Л. Н. Толстой, и А. П. Чехов, и В. Г. Короленко, и многие другие писатели.

Леонид Андреев выступал в защиту слабых и обездоленных, униженных и несчастных. Во многих произведениях отразились воспоминания детства и юности писателя («Весной», «Петька на даче», «Кусака», «Гостинец» и др.).

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

«Он любил огромное, — пишет К. И. Чуковский в своих воспоминаниях. — В огромном кабинете, на огромном письменном столе стояла у него огромная чернильница... Камин в его кабинете был величиной с ворота, а самый кабинет — точно площадь... Такое тяготение к огромному, великолепному, пышному сказывалось у него на каждом шагу...

Его дом был всегда многолюден: гости, родные, обширная дворня и дети — множество детей, и своих и чужих, — его темперамент требовал жизни широкой и щедрой.

Его красивое, смуглое, точёное, декоративное лицо, стройная, немного тучная фигура, сановитая, лёгкая поступь — всё это гармонировало с той ролью величавого герцога, которую в последнее время он так превосходно играл...

Писанию Леонид Андреев отдавался с такою же чрезмерной стремительностью, как и всему остальному, — до полного истощения сил. Бывали месяцы, когда он ничего не писал, а по-

том вдруг с невероятной скоростью продиктует в несколько ночей громоздкую трагедию или повесть. Шагает по ковру, пьёт чёрный чай и чётко декламирует; пишущая машинка стучит как безумная, но всё еле поспевает за ним. Периоды, диктуемые им, были подчинены музыкальному ритму, который нёс его на себе, как волна. Без этого ритма, почти стихотворного, он не писал даже писем.

Он не просто писал свои вещи, он был охвачен ими как пожаром. Он становился на время маньяком, не видел ничего, кроме них; как бы малы они ни были, он придавал им грандиозные размеры, насыщая их гигантскими образами, ибо и в творчестве, как в жизни, был чрезмерен; недаром любимые слова в его книгах „огромный“, „необыкновенный“, „чудовищный“. Каждая тема становилась у него колоссальной, гораздо больше его самого, и застилала перед ним всю вселенную.

...Писал он почти всегда ночью, — не помню ни одной его вещи, которая была бы написана днём. Написав и напечатав свою вещь, он становился к ней странно равнодушен, словно пресытился ею, не думал о ней. Он умел отдаваться лишь той, которая ещё не написана. Когда он писал какую-нибудь повесть или пьесу, он мог говорить только о ней: ему казалось, что она будет лучшее, величайшее, непревзойдённое его произведение...

Нельзя было не удивляться тому, что он, индивидуалист, эгоцентрик, вечно сосредоточенный на собственном я, так деятельно отзывался сердцем на чужие печали... Особенно любил он помогать литераторам: даже домик у себя на участке построил специально для нуждающихся авторов, чтобы дать им возможность отдохнуть и без всякой помехи работать... С детской радостью доставал он... свою чековую — не слишком-то пухлую — книжку и быстро-быстро выписывал чек для любого просителя, ещё раньше, чем тот успевал подробно изложить свою просьбу...»

Проверьте себя

1. Чем интересен характер писателя? О каких особенностях творчества и личности Леонида Андреева сообщил нам Корней Иванович Чуковский?

2. Используя ресурсы Интернета и материалы словаря «Русские писатели. XX век», подготовьте устное сообщение о жизни писателя.

* * *

Прочитайте рассказ Леонида Андреева «Кусака». Подумайте, какой теме он посвящён, на что обращает наше внимание автор, что осуждает, о чём горюет, кому симпатизирует.

Кусака

I

Она никому не принадлежала; у неё не было собственного имени, и никто не мог бы сказать, где находилась она во всю долгую морозную зиму и чем кормилась. От тёплых изб её отгоняли дворовые собаки, такие же голодные, как и она, но гордые и сильные своею принадлежностью к дому; когда, гонимая голодом или инстинктивной потребностью в общении, она показывалась на улице, — ребята бросали в неё камнями и палками, взрослые весело улюлюкали и страшно, пронзительно свистали. Не помня себя от страха, перемётываясь со стороны на сторону, натываясь на загорожи и людей, она мчалась на край посёлка и пряталась в глубине большого сада, в одном ей известном месте. Там она зализывала ушибы и раны и в одиночестве копила страх и злобу.

Только один раз её пожалели и приласкали. Это был пропойца-мужик, возвращавшийся из кабака. Он всех любил и всех жалел и что-то говорил себе под нос о добрых людях и своих надеждах на добрых людей; пожалел он и собаку, грязную и некрасивую, на которую случайно упал его пьяный и бесцельный взгляд.

— Жучка! — позвал он её именем, общим всем собакам. — Жучка! Поди сюда, не бойся!

Жучке очень хотелось подойти; она виляла хвостом, но не решалась. Мужик похлопал себя рукой по коленке и убедительно повторил:

— Да пойдн, дура! Ей-богу, не трону!

Но пока собака колебалась, всё яростнее размахивая хвостом и маленькими шажками подвигаясь вперёд, настроение пьяного человека изменилось. Он вспомнил все обиды, нанесённые ему добрыми людьми, почувствовал

скуку и тупую злобу и, когда Жучка легла перед ним на спину, с размаху ткнул её в бок носком тяжёлого сапога.

— У-у, мразь! Тоже лезет!

Собака завизжала, больше от неожиданности и обиды, чем от боли, а мужик, шатаясь, побрёл домой, где долго и больно бил жену и на кусочки изорвал новый платок, который на прошлой неделе купил ей в подарок.

С тех пор собака не доверяла людям, которые хотели её приласкать, и, поджав хвост, убегала, а иногда со злобой набрасывалась на них и пыталась укусить, пока камнями и палкой не удавалось отогнать её. На одну зиму она поселилась под террасой пустой дачи, у которой не было сторожа, и бескорыстно сторожила её: выбегала по ночам на дорогу и лаяла до хрипоты. Уже улёгшись на своё место, она всё ещё злобно ворчала, но сквозь злобу проглядывало некоторое довольство собой и даже гордость.

Зимняя ночь тянулась долго-долго, и чёрные окна пустой дачи угрюмо глядели на обледеневший неподвижный сад. Иногда в них как будто вспыхивал голубоватый огонёк: то отражалась на стекле упавшая звезда, или остро-рогий месяц посылал свой робкий луч.

II

Наступила весна, и тихая дача огласилась громким говором, скрипом колёс и грузным топотом людей, переносящих тяжести. Приехали из города дачники, целая весёлая ватага взрослых, подростков и детей, опьянённых воздухом, теплом и светом; кто-то кричал, кто-то пел, смеялся высоким женским голосом.

Первой, с кем познакомилась собака, была хорошенькая девушка в коричневом форменном платье, выбежавшая в сад. Жадно и нетерпеливо, желая охватить и сжать в своих объятиях всё видимое, она посмотрела на ясное небо, на красноватые сучья вишен и быстро легла на траву, лицом к горячему солнцу. Потом так же внезапно вскочила и, обняв себя руками, целуя свежими устами весенний воздух, выразительно и серьёзно сказала:

— Вот весело-то!

Сказала и быстро закружилась. И в ту же минуту беззвучно подкраваясь собака яростно вцепилась зубами

в раздувавшийся подол платья, рванула и так же беззвучно скрылась в густых кустах крыжовника и смородины.

— Ай, злая собака! — убегая, крикнула девушка, и долго ещё слышался её взволнованный голос: — Мама, дети! Не ходите в сад: там собака! Огромная!.. Злю-у-щая!..

Ночью собака подкралась к заснувшей даче и бесшумно улеглась на своё место под террасой. Пахло людьми, и в открытые окна приносились тихие звуки короткого дыхания. Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их: спала одним глазом и при каждом шорохе вытягивала голову с двумя неподвижными огоньками фосфорически светящихся глаз. А тревожных звуков было много в чуткой весенней ночи: в траве шуршало что-то невидимое, маленькое и подбиралось к самому лоснящемуся носу собаки; хрустела прошлогодняя ветка под заснувшей птицей, и на близком шоссе грохотала телега и скрипели нагруженные возы. И далеко окрест в неподвижном воздухе расстилался запах душистого, свежего дёгтя и манил в светлеющую даль.

Приехавшие дачники были очень добрыми людьми, а то, что они были далеко от города, дышали хорошим воздухом, видели вокруг себя всё зелёным, голубым и беззлобным, делало их ещё добрее. Теплом входило в них солнце и выходило смехом и расположением ко всему живущему. Сперва они хотели прогнать напугавшую их собаку и даже застрелить её из револьвера, если не убеётся; но потом привыкли к лаю по ночам и иногда по утрам вспоминали:

— А где же наша Кусака?

И это новое имя «Кусака» так и осталось за ней. Случалось, что и днём замечали в кустах тёмное тело, бесследно пропадавшее при первом движении руки, бросавшей хлеб, — словно это был не хлеб, а камень, — и скоро все привыкли к Кусаке, называли её «своей» собакой и шутили по поводу её дикости и беспричинного страха. С каждым днём Кусака на один шаг уменьшала пространство, отделявшее её от людей; присмотрелась к их лицам и усвоила их привычки: за полчаса до обеда уже стояла в кустах и ласково помаргивала. И та же гимназисточка

Лёля, забывшая обиду, окончательно ввела её в счастливый круг отдыхающих и веселящихся людей.

— Кусачка, пойдй ко мне! — звала она к себе. — Ну, хорошая, ну, милая, пойдй! Сахару хочешь?.. Сахару тебе дам, хочешь? Ну, пойдй же!

Но Кусака не шла: боялась. И осторожно, похлопывая себя руками и говоря так ласково, как это можно было при красивом голосе и красивом лице, Лёля подвигалась к собаке и сама боялась: вдруг укусит.

— Я тебя люблю, Кусачка, я тебя очень люблю. У тебя такой хорошенький носик и такие выразительные глазки. Ты не веришь мне, Кусачка?

Брови Лёли поднялись, и у самой у неё был такой хорошенький носик и такие выразительные глаза, что солнце поступило умно, расцеловав горячо, до красноты щёк, всё её молоденькое, наивно-прелестное личико.

И Кусачка второй раз в своей жизни перевернулась на спину и закрыла глаза, не зная наверно, ударят её или приласкают. Но её приласкали. Маленькая, тёплая рука прикоснулась нерешительно к шершавой голове и, словно это было знаком неотразимой власти, свободно и смело забегала по всему шерстистому телу, тормоша, лаская и щекоча.

— Мама, дети! Глядите: я ласкаю Кусаку! — закричала Лёля.

Когда прибежали дети, шумные, звонкоголосые, быстрые и светлые, как капельки разбежавшейся ртути, Кусака замерла от страха и беспомощного ожидания: она знала, что, если теперь кто-нибудь ударит её, она уже не в силах будет впиться в тело обидчика своими острыми зубами: у неё отняли её непримиримую злобу. И когда все наперерыв стали ласкать её, она долго ещё вздрагивала при каждом прикосновении ласкающей руки, и ей больно было от непривычной ласки, словно от удара.

III

Всею своей собачьей душою расцвела Кусака. У неё было имя, на которое она стремглав неслась из зелёной глубины сада; она принадлежала людям и могла им служить. Разве недостаточно этого для счастья собаки?

С привычкою к умеренности, создавшеюся годами бродячей, голодной жизни, она ела очень мало, но и это малое изменило её до неузнаваемости: длинная шерсть, прежде висевшая рыжими, сухими космами и на брюхе вечно покрытая засохшей грязью, очистилась, почернела и стала лосниться, как атлас. И когда она от нечего делать выбегала к воротам, становилась у порога и важно осматривала улицу вверх и вниз, никому уже не приходило в голову дразнить её или бросить камнем.

Но такую гордую и независимую она бывала только наедине. Страх не совсем ещё выпарился огнём ласк из её сердца, и всякий раз при виде людей, при их приближении, она терялась и ждала побоев. И долго ещё всякая ласка казалась ей неожиданностью, чудом, которого она не могла понять и на которое она не могла ответить. Она не умела ласкаться. Другие собаки умеют становиться на задние лапки, тереться у ног и даже улыбаться, и тем выражают свои чувства, но она не умела.

Единственное, что могла Кусака, это упасть на спину, закрыть глаза и слегка завизжать. Но этого было мало, это не могло выразить её восторга, благодарности и любви, — и с внезапным наитием Кусака начала делать то, что, быть может, когда-нибудь она видела у других собак, но уже давно забыла. Она нелепо кувыркалась, неуклюже прыгала и вертелась вокруг самой себя, и её тело, бывшее всегда таким гибким и ловким, становилось неповоротливым, смешным и жалким.

— Мама, дети! Смотрите, Кусака играет! — кричала Лёля и, задыхаясь от смеха, просила: — Ещё, Кусачка, ещё! Вот так! Вот так...

И все собирались и хохотали, а Кусака вертелась, кувыркалась и падала, и никто не видел в её глазах странной мольбы. И как прежде на собаку кричали и улюлюкали, чтобы видеть её отчаянный страх, так теперь нарочно ласкали её, чтобы вызвать в ней прилив любви, бесконечно смешной в своих неуклюжих и нелепых проявлениях. Не проходило часа, чтобы кто-нибудь из подростков или детей не кричал:

— Кусачка, милая Кусачка, поиграй!

И Кусачка вертелась, кувыркалась и падала при несмолкаемом весёлом хохоте. Её хвалили при ней и за

«Кусака». Художник И. Годин

глаза и жалели только об одном, что при посторонних людях, приходивших в гости, она не хочет показать своих штук и убегает в сад или прячется под террасой.

Постепенно Кусака привыкла к тому, что о пище не нужно заботиться, так как в определённый час кухарка даст ей помоев и костей, уверенно и спокойно ложилась на своё место под террасой и уже искала и просила ласк. И отяжелела она: редко бегала с дачи, и когда маленькие дети звали её с собой в лес, уклончиво виляла хвостом и незаметно исчезала. Но по ночам всё так же громок и бдителен был её сторожевой лай.

IV

Жёлтыми огнями загорелась осень, частыми дождями заплакало небо, и быстро стали пустеть дачи и умолкать, как будто непрерывный дождь и ветер гасили их, точно свечи, одну за другой.

— Как же нам быть с Кусакой? — в раздумье спрашивала Лёля.

Она сидела, охватив руками колени, и печально глядела в окно, по которому скатывались блестящие капли начавшегося дождя.

— Что у тебя за поза, Лёля! Ну кто так сидит? — сказала мать и добавила: — А Кусаку придётся оставить. Бог с ней!

— Жа-а-лко, — протянула Лёля.

— Ну что поделаешь? Двора у нас нет, а в комнатах её держать нельзя, ты сама понимаешь.

— Жа-а-лко, — повторила Лёля, готовая заплакать.

Уже приподнялись, как крылья ласточки, её тёмные брови и жалко сморщился хорошенький носик, когда мать сказала:

— Догаевы давно уже предлагали мне щеночка. Говорят, очень породистый и уже служит. Ты слышишь меня? А это что — дворняжка!

— Жа-а-лко, — повторила Лёля, но не заплакала.

Снова пришли незнакомые люди, и заскрипели возы, и застонали под тяжёлыми шагами половицы, но меньше было говора и совсем не слышно было смеха. Напуганная чужими людьми, смутно предчувствуя беду, Кусака убежала на край сада и оттуда, сквозь поредевшие кусты, неотступно глядела на видимый ей уголок террасы и на сновавшие по нём фигуры в красных рубашках.

— Ты здесь, моя бедная Кусачка, — сказала вышедшая Лёля. Она уже была одета по-дорожному — в то коричневое платье, кусок от которого оторвала Кусака, и чёрную кофточку. — Пойдём со мной!

И они вышли на шоссе. Дождь то принимался идти, то утихал, и всё пространство между почерневшею землёй и небом было полно клубящимися, быстро идущими облаками. Снизу было видно, как тяжелы они и непроницаемы для света от насытившей их воды и как скучно солнцу за этою плотною стеной.

Налево от шоссе тянулось потемневшее жнивье, и только на бугристом и близком горизонте одинокими купами поднимались невысокие разрозненные деревья и кусты. Впереди, недалеко, была застава и возле неё трактир

с железной красной крышей, а у трактира кучка людей дразнила деревенского дурачка Илюшу.

— Дайте копеечку, — гнусавил протяжно дурачок, и злые, насмешливые голоса наперебой отвечали ему:

— А дрова колоть хочешь?

И Илюша цинично и грязно ругался, а они без веселья хохотали.

Прорвался солнечный луч, жёлтый и анемичный, как будто солнце было неизлечимо больным; шире и печальнее стала туманная осенняя даль.

— Скучно, Кусака! — тихо проронила Лёля и, не оглядываясь, пошла назад.

И только на вокзале она вспомнила, что не простилась с Кусакой.

V

Кусака долго металась по следам уехавших людей, добежала до станции и — промокшая, грязная — вернулась на дачу. Там она проделала ещё одну новую штуку, которой никто, однако, не видал: первый раз взошла на террасу и, приподнявшись на задние лапы, заглянула в стеклянную дверь и даже поскребла когтями. Но в комнатах было пусто, и никто не ответил Кусаке.

Поднялся частый дождь, и отовсюду стал надвигаться мрак осенней длинной ночи. Быстро и глухо он заполнил пустую дачу; бесшумно выползал он из кустов и вместе с дождём лился с неприветного неба. На террасе, с которой была снята парусина, отчего она казалась обширной и странно пустой, свет долго ещё боролся с тьмою и печально озарял следы грязных ног, но скоро уступил и он.

Наступила ночь.

И когда уже не было сомнений, что она наступила, собака жалобно и громко завывала. Звенящей, острой, как отчаяние, нотой ворвался этот вой в монотонный, угрюмо покорный шум дождя, прорезал тьму и, замирая, понёсся над тёмным и обнажённым полем.

Собака выла — ровно, настойчиво и безнадежно спокойно. И тому, кто слышал этот вой, казалось, что это стонет и рвётся к свету сама беспросветно-тёмная ночь, и хотелось в тепло, к яркому огню, к любящему женскому сердцу.

Собака выла.

Проверьте себя

1. Какие чувства и переживания вызвал у вас рассказ «Кусака»? Как вы понимаете выражения: «Всей своей собачьей душой расцвела Кусака», «Жёлтыми огнями загорелась осень...»? Помогают ли эти выражения понять авторское отношение к описываемым событиям? Составьте выборочный пересказ на тему «История Кусаки».
2. Почему собака не доверяла людям? Как люди относились к ней? Кому было жалко собаку?
3. Как вела себя Кусака, когда люди покинули дом? Как описание погоды помогает понять собачью тоску?
4. Что хотел напомнить людям автор?
5. Если бы вам предложили подготовить иллюстрацию к рассказу, что бы вы на ней изобразили? Опишите устно.

Творческое задание

1. Подготовьте ответы в форме диалога на тему «Разговор с другом о прочитанном рассказе Л. Андреева „Кусака“» или отзыв на этот рассказ. Какую роль в рассказе играет эпизод с Илюшей?
2. Подготовьте эскиз памятника Кусаке, приложив письменное обоснование необходимости создания такого памятника.

Владимир Владимирович МАЯКОВСКИЙ

1893—1930

Маяковский прошёл короткий по времени, но огромный по насыщенности исторических событий путь.

В. Катанян

Владимир Владимирович Маяковский родился в 1893 году в селе Багдади, близ Кутаиса, в семье лесничего. «...Отец легко находил тему для разговора с каждым. Хорошо владея речью, он пересыпал её пословицами, прибаутками, остротами. Знал бесчисленное множество случаев и анекдотов и передавал их на русском, грузинском, армянском, татарском языках, которые знал в совершенстве... Мама худая, хрупкая, болезненная... Своим характером и внутренним тактом мама нейтрализовала вспыльчивость, горячность отца, его смены настроений и тем создавала самые благоприятные условия для общей семейной жизни и для воспитания детей... Лицом Володя похож на мать, а сложением, манерами — на отца... С утра до вечера мы жили в трудовой, полной забот обстановке», — пишет сестра поэта.

Я сам расскажу
о времени
и о себе.
В. Маяковский

«...Первый дом, вспоминаемый отчётливо... Лет семь. Отец стал брать меня на верховые объезды лесничества...» «Осенью начал посещать гимназию». «Приготовительный, 1-й, 2-й. Иду первым. Весь в пятёрках. Читаю Жюль Верна. Вообще фантастическое. Какой-то бородач стал во мне обнаруживать способности художника. Учит даром». «У нас была пятидневная забастовка, а после была гимназия закрыта четыре дня... В Кутаисе 15-го ожидается беспорядки...» «Умер отец. Уколот палец (сшивал бумаги). Заражение крови... Благополучие кончилось. После похорон отца у нас в кармане 3 рубля...»

В июле 1906 года семья Маяковского — мать, сёстры Людмила и Ольга — переехала в Москву... 29 марта 1908 года и 18 января 1909 года — первый и второй аресты Маяковского. 9 января 1910 года освобождён из-под ареста под гласный надзор полиции...

При выходе из тюрьмы у Маяковского отобрали тетрадь со стихами... «Появление Володи дома было неожиданно. Бурной радости не было конца. Володя пришёл к вечеру. Помню, он мыл руки и с намыленными руками всё время обнимал нас и целовал, приговаривая: „Как я рад, бесконечно рад, что я дома, с вами“» (из воспоминаний сестры). Далее учение в художественной студии С. Жуковского, затем студия художника П. Келина, поступление в училище живописи, знакомство с художником и поэтом Давидом Бурлюком.

«...Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: „Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский“. Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Ещё и рычал на меня, отойдя: „Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение“. Пришлось писать. Я и написал первое (первое профессиональное, печатаемое «Багровый и белый») и другие.

Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтобы писать не голодая» (автобиография).

А далее — стихотворения, поездки по стране, диспуты, лекции, чтение стихотворений. Работа над плакатами в «Окнах РОСТА», поэмы, поездки за границу... В Финляндии А. М. Горькому читал части поэмы «Облако в штанах». Вероятно, тогда же Горький подарил ему экземпляр «Детства» с надписью: «Без слов, от души. Владимиру Владимировичу Маяковскому. М. Горький».

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ В. В. МАЯКОВСКОГО (Из воспоминаний)

Маяковский вкладывал большой смысл в слово «добросовестнейший», говоря о хороших и добросовестных стихах.

«Помимо необходимых способностей, — говорил поэт, — надо работать до предела, до кульминации, надо работать над

стихотворением до тех пор, пока не почувствуешь, что больше ничего не сможешь сделать». Очевидцы утверждали, что Маяковский работал над некоторыми стихотворениями неделями, месяцами. В других случаях творческий процесс сводился к одному дню, а то и к считанным часам.

Одним из самых частых вопросов к поэту на его вечерах был вопрос: «Что получилось бы, если бы вы писали обыкновенными строчками?»

«Тогда вам труднее было бы их читать, — отвечал поэт. — Дело не просто в строчках, а в природе стиха. Ведь читателю надо переключаться с одного размера на другой. У меня же нет на большом протяжении единого размера. А при разбитых строчках — легче переключаться. Да и строка, благодаря такой расстановке, становится значительнее, весомее. Учтите приёмы — смысловые пропуски, разговорную речь, укороченные и даже однословные строки. И вот от такой расстановки строка оживает, подтягивается, пружинит... Слова сами по себе становятся полнокровными — и увеличивается ответственность за них.

Но главное в их природе. Заодно добавлю, есть такой критерий: из хорошей строчки слова не выбросишь. А если слово можно заменить, значит, она ещё рыхлая. Слово должно держаться в стихе, как хорошо вбитый гвоздь. Попробуй вытащи! И наконец, стихи рассчитаны в основном на чтение с голоса, на массовую аудиторию...»

Маяковский рассказывал о своей работе: «Я хожу, размахивая руками и мыча ещё почти без слов, то укорачивая шаг, чтобы не мешать мычанию, то помычиваю быстрее, в такт шагам. Так обстругивается и оформляется ритм — основа всякой поэтической вещи, проходящая через неё гулом. Постепенно из этого гула начинаешь вытаскивать отдельные слова».

И здесь переход ко второй стадии работы, когда начинается уже отбор и обработка словесного материала: «Некоторые слова просто отскакивают и не возвращаются никогда, другие задерживаются, переворачиваются и выворачиваются по несколько десятков раз, пока не почувствуешь, что слово стало на место...»

О третьей стадии рассказывается так: «Когда уже основное готово, вдруг выступает ощущение, что ритм рвётся — не хватает какого-то сложка, звучика. Начинаешь снова перекраивать все слова, и работа доводит до исступления. Как будто сто

раз примеряется на зуб несадящаяся коронка, и наконец, после сотни примерок её нажали, и она села».

Своеобразно говорит Маяковский о работе поэта:

Поэзия —
 вся! —
 езда в незнаемое.

Поэзия —
 та же добыча радия.
В грамм добыча,
 в год труды.

Изводишь
 единого слова ради
тысячи тонн
 словесной руды.

Но как
 испепеляюще
 слов этих жжение
рядом
 с тлением
 слова-сырца.

Эти слова
 приводят в движение
тысячи лет
 миллионов сердца.

Как вы понимаете это поэтическое высказывание?

* * *

Особую роль в творчестве поэта играли его выступления. П. И. Лавут, помогавший Маяковскому в организации лекций, вспоминает:

«Стихотворение „Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче“ на афише называлось просто „Необычайное“. Но с эстрады поэт объявлял его полным, даже расширенным названием („бывшее со мной, с Владимиром Владимировичем, на станции Пушкино...“). Очень громко и чётко произносил „необы...“, а вторую половину слова и все последующие — быстрее, доводя до скороговорки. Ещё добавлял:

— Эту вещь я считаю программной. Здесь речь идёт о плакатах. Когда-то я занимался этим делом. Нелегко давалось.

Рисовали иногда дни и ночи. Часто недосыпали. Чтобы не проспять, клали под голову полено вместо подушки. В таких условиях мы делали „Окна РОСТА“, которые заменяли тогда частично газеты и журналы. Писали на злобу дня, с тем чтобы сегодня или на следующий день наша работа приносила конкретную пользу. Эти плакаты выставлялись в витринах центральных магазинов Москвы, на Кузнецком и в других местах. Часть их размножалась и отправлялась в другие города.

Концовка „Необычайного“ звучала так: предельно громко — „Вот лозунг мой...“ и пренебрежительно, иронически, коротко — „и солнца“...

Поэт читает записку:

„Как вы относитесь к чтению Артоболевского?“

— Никак не отношусь. Я его не знаю.

Из оркестра раздаётся смущённый голос:

— А я здесь...

Маяковский нагибается:

— Почитайте, тогда я вас узнаю. Поскольку речь идёт о „Солнце“, прочтите его... Затем, если вы не обидитесь, я сделаю свои замечания и прочту „Солнце“ по-своему.

Артоболевский выходит на сцену. Заметно волнуясь, читает „Солнце“. Раздаются аплодисменты.

Маяковский хвалит его голос, отмечает и другие положительные качества исполнения. Но он говорит, что чтецу не хватает ритмической остроты, и критикует излишнюю „игру“, некоторую напыщенность. Он находит, что напевность в отдельных местах, например в строках „Стена теней, ночей тюрьма“, неоправданна, и, наконец, подчёркивает, что нельзя сокращать название стихотворения.

— Так, к сожалению, делает большинство чтецов, — замечает он, — а между тем название неразрывно связано с текстом. Всё, что мной говорилось, — заключает он, — относится ко всем чтецам, которых я слышал, за исключением одного Яхонтова.

Затем Маяковский сам читает „Солнце“. Артоболевский поблагодарил его и отметил интересную деталь: ему казалось, что слова „...крикнул солнцу: «Слазь!»“ нужно действительно крикнуть, а Маяковский произнёс слово „слазь“ без всякого крика, но тоном чуть пренебрежительным.

— Подымите руки, кто за меня? — обратился к залу поэт. — Почти единогласно...

Намечая выставку и предлагая Лавуту помочь ему, Маяковский набрасывает, что необходимо дать на ней: «Детские книги, газеты Москвы, газеты СССР о Маяковском, заграница о Маяковском, „Окна сатиры РОСТА“ — текст-рисунки Маяковского. Маяковский на эстраде. Театр Маяковского. Маяковский в журнале. <...> Цель выставки — показать многообразие работы поэта...

30 декабря он устроил нечто вроде „летучей выставки“ у себя дома — для друзей и знакомых, которые задумали превратить всё это в шуточный юбилей, близкий духу юбиляра. Маяковского просили явиться попозже. На квартиру в Гендриков переулок (теперь — переулок Маяковского) принесли афиши, плакаты, книги, альбомы... В конце этого вечера Маяковского упросили прочитать стихи.

Сперва он исполнил „Хорошее отношение к лошадям“. Оно прозвучало более мрачно, чем обычно, но своеобразно и глубоко...»

Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче

*(Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева,
27 вёрст по Ярославской жел. дор.)*

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла, —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.

А завтра
снова
мир залить вставало солнце ало.
И день за днём
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе всё поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шляться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь¹ задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,

¹ Ретируюсь — отступаю.

ввалилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»
Чёрт дёрнул дерзости мои
орать ему, —
сконфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь — не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась, —
и степенность¹
забыв,
сижу, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
— Поди, попробуй! —
А вот идёшь —
взялось идти,

¹ *Степённость* — рассудительность, серьёзность.

идёшь — и светишь в оба!»
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
мы с ним, совсем освоюсь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдём, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить своё,
а ты — своё,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма —
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг — я
во всю светаю мочь —
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

Проверьте себя

1. Понравилось ли вам стихотворение? Что общего между поэтом и солнцем? Во имя чего поэт готов к ежедневной, будничной, трудной работе?
2. Внимательно вчитайтесь в стихотворение «Необычайное приключение...». Как меняется настроение поэта на протяжении рассказа и как это можно передать при чтении? Перечитайте начало и конец стихотворения «Необычайное приключение...». Одинаков ли ритм в этих отрывках?

Учимся читать выразительно

Подготовьтесь к выразительному чтению, используя советы самого поэта. Постарайтесь, чтобы слова поэта и солнца отличались друг от друга, чтобы слушатели легко узнавали, где звучат слова одного собеседника, а где — другого.

Творческое задание

(опыт филологического исследования)

Найдите в стихотворении авторскую переделку фразеологизмов («смотреть в оба», «сколько лет, сколько зим», «никаких гвоздей») и объясните, какую роль они играют в тексте. Какие значения слова «светить» появляются в тексте Маяковского? С помощью каких средств изображения автор раскрывает простоту и величие будничного труда поэта и солнца? В чём главная мысль стихотворения? Сумел ли поэт убедить вас в своей правоте? Подготовьте развёрнутый устный ответ на эти вопросы.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

В. В. Маяковский. «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»

1. В стихотворении поэт трижды восклицает: «Я крикнул солнцу», но содержание того, что он крикнул, заметно меняется. Меняется ли при этом интонация актёра? Согласны ли вы с тем, как эту часть стихотворения читает актёр? Как бы это сделали вы? Почему?

2. Почему перед словами «Что я наделал!» звучит музыка? Какие части стихотворения разделяет музыкальная фраза?
3. Как меняется характер чтения актёра от сцены встречи поэтом пришедшего в гости солнца до сцены дружеского разговора за самоваром?
4. Почему последние строки стихотворения актёр читает торжественным, ораторским тоном?
5. Как вы понимаете слова и словосочетания: *тупая сонница, до дней последних донца, златолобо?* Найдите другие неологизмы — новые слова, созданные поэтом, и объясните их значение.

Хорошее отношение к лошадям

Били копыта.
 Пели будто:
 — Гриб.
 Грабь.
 Гроб.
 Груб. —
 Ветром опита,
 льдом обута,
 улица скользила.
 Лошадь на круп
 грохнулась,
 и сразу
 за зевакой зевака,
 штаны пришедшие Кузнецким
 клёшить,
 сгрудились,
 смех зазвенел и зазвякал:
 — Лошадь упала! —
 — Упала лошадь! —
 Смеялся Кузнецкий.
 Лишь один я
 голос свой не вмешивал в вой ему.
 Подошёл
 и вижу
 глаза лошадиные...
 Улица опрокинулась,
 течёт по-своему...
 Подошёл и вижу —
 за каплицей каплица

по морде катится,
прячется в шерсти...
И какая-то общая
звериная тоска, плеща,
вылилась из меня
и расплылась в шелесте.

«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
Чего вы думаете, что вы их плоше?»

Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».

Может быть —
старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя
казалась пошла,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала,
рыжий ребёнок.
Пришла весёлая,
стала в стойло.
И всё ей казалось —
она жеребёнок,
и стоило жить,
и работать стоило.

?! Проверьте себя

1. Как вы понимаете главную мысль стихотворения? Близка ли она сегодняшним заботам человека? Что скрывается в заключительных строчках стихотворения?

2. Что вы узнали о В. В. Маяковском? Интересна ли вам личность этого поэта?
3. Подготовьте устное сообщение о вашем восприятии поэзии В. В. Маяковского.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

В. В. Маяковский. «Хорошее отношение к лошадям»

1. Какой приём выразительного чтения использует актёр, воспроизводя звучание ударов копыт о камни мостовой?
2. Какое настроение у слушателей актёр создаёт чтением описания улицы в начале стихотворения?
3. Что вы можете сказать об отношении актёра к прохожим, «зевакам»? Совпадает ли актёрское отношение к ним с авторским? Обоснуйте свой ответ цитатами из текста стихотворения.
4. Как вы думаете, почему случай с загнанной лошастью получил такой живой отклик в душе поэта? Что он хочет сказать фразой «все мы немножко лошади»?
5. Поэт не мог видеть, как лошадь «пришла весёлая, встала в стойло», почему же он уверен, что его участие и поддержка преобразили лошадь, сделали её молодой и весёлой?
6. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Обогащаем свою речь

1. Известно, что В. В. Маяковский ввёл в стихотворения много новых слов (неологизмов). Назовите некоторые из них. Как они образованы?
2. Объясните слова и словосочетания: *В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето, пригорок горбил, кривился крыш ко-рою, солнце ало, занежен, из солнца ясь, трезвонится.*

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите иллюстрации. Так ли вы себе представляли встречу героя с солнцем? Какая из иллюстраций кажется вам наиболее удачной? Почему? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Рисунок Д. Бурлюка

Рисунок В. Маяковского

Творческое задание

Подготовьте устное или письменное рассуждение на тему «Моё восприятие Маяковского и его поэзии». При подготовке вам может помочь план работы, опубликованный в книге В. Я. Коровиной «Читаем, думаем, спорим...» для 7 класса (М., 2010, с. 166).

Андрей Платонович ПЛАТОНОВ

1899—1951

Только человек, для которого Россия была его вторым существом, как изученный до последнего гвоздя отчий дом, мог написать о ней с такой горечью и сердечностью.

К. Паустовский

«Жизнь сразу превратила меня из ребёнка во взрослого человека, лишая юности», — признался однажды Андрей Платонов...

...В сентябре 1918 года, когда Андрею Платонову было двенадцать лет, — а он уже проработал подручным мастера в литейке и рабочим на заводе в годы Первой мировой войны, — в Воронеже появился журнал с громким, демонстративно пролетарским названием — «Железный путь». Это был неожиданный, непохожий на старое вестник новой эпохи, культурной революции... У этого времени были свои жесты, лексика, плакаты... В «Железном пути» в 1918 году молодой Платонов опубликовал не столь уж много произведений: рассказ «Очередной», несколько стихотворений... И всё же именно здесь начало жгуче-романтической мысли писателя, источник мечты о выходе в счастье человека, мечты о невозможном, которые останутся в Платонове навсегда.

Образ писателя тех лет возникал и в очерках журналистов Воронежа. На необоснованные мечты сделать речку Воронеж большой судоходной рекой мы слышим замечание Андрея Платонова:

«— Зачем нам большую реку? И эту-то не используем мы никак...

А ежели — она ни к чему не годна больше?

Как так не годна? У нас вверх по реке весь урожай фруктов и овощей пропадает за неимением перевозных средств. Дайте мне немного денег. Я построю большие плоскодонки, не боящиеся летнего мелководья. Поставлю на них дешёвые нефтяные двигатели. Целый флот будет. И за гроши перевожу в город весь избыток урожая.

Под глазами у него чуть-чуть посверкивает радость:

— Десятки сёл благодарили бы.

Помолчав секунду, добавил:

— И за один год окупятся все расходы. Немного бы денег, ребята!»

Конечно, денег — самой твёрдой точки опоры всех Архимедов¹! — молодому мечтателю никто не дал... Воронеж тех лет получил в лице Платонова — журналиста, социолога², оратора, поэта, поборника электрификации — звезду необычайной яркости...

И не приходится удивляться тому, что почти одновременно с появлением первой книги прозы Платонова «Епифанские шлюзы» (1927), высоко оценённой М. Горьким, писатель создал и сборники «Сокровенный человек», «Происхождение мастера», «Город Градов», роман «Чевенгур» и др.

Любимые герои в прозе Андрея Платонова... чаще всего мастеровые, деревенские правдоискатели, машинисты, «сироты» по своему душевному состоянию — пребывают в своеобразном странствии, скитальчестве. Таков и его рассказ «Юшка».

Андрей Платонов прожил недолгую жизнь. Он умер в 1951 году в атмосфере непризнания, житейских невзгод, мучимый туберкулёзом, наследием фронтовых дорог и сверхнапряжений.

Друзья, посещавшие его в последние годы, заставляли писателя на неизменном чёрном диване, служившем ему постелью, — не вставая, сидя на ней, он и беседовал с ними. По свидетельству М. А. Платоновой, жены писателя, именно в 1950 году больной Платонов написал «Неизвестный цветок» (сказка-быль). О ком эта притча, сотканная из мелодий надежды, тоски, веры в справедливость детей?.. «Цветок всю ночь сторожил росу и собирал её по каплям на свои листья... Но он нуждался в жизни и превозмогал терпением свою боль от голода и усталости...» Грустное упрямство, печальная воля к жизни живёт в цветке — и в авторе! — застенчиво явление их в мир с «извинением» за свою непохожесть на других...

По В. Чалмаеву

¹ *Архимед* — здесь имеется в виду изобретатель, по имени греческого учёного Архимеда.

² *Социолог* — учёный, исследующий вопросы социологии, учения об обществе. Социология возникла в глубокой древности (учёные древности — Демокрит, Платон, Аристотель и др.).

Проверьте себя

1. В чём смысл высказывания писателя о реке Воронеж?
2. Подготовьте устное сообщение об А. П. Платонове (по высказыванию К. Паустовского и статье В. Чалмаева).

Юшка

Давно, в старинное время, жил у нас на улице старый на вид человек. Он работал в кузнице при большой московской дороге; он работал подручным помощником у главного кузнеца, потому что он плохо видел глазами и в руках у него мало было силы. Он носил в кузницу воду, песок и уголь, раздувал мехом горн, держал клещами горячее железо на наковальне, когда главный кузнец отковывал его, вводил лошадь в станок, чтобы ковать её, и делал всякую другую работу, которую нужно было делать. Звали его Ефимом, но все люди называли его Юшкой. Он был мал ростом и худ; на сморщенном лице его, вместо усов и бороды, росли по отдельности редкие седые волосы; глаза же у него были белые, как у слепца, и в них всегда стояла влага, как неостывающие слёзы.

Юшка жил на квартире у хозяина кузницы, на кухне. Утром он шёл в кузницу, а вечером шёл обратно на ночлег. Хозяин кормил его за работу хлебом, щами и кашей, а чай, сахар и одежда у Юшки были свои; он их должен покупать на своё жалованье — семь рублей и шестьдесят копеек в месяц. Но Юшка чаю не пил и сахару не покупал, он пил воду, а одежду носил долгие годы одну и ту же без смены: летом он ходил в штанах и в блузе, чёрных и закопчённых от работы, прожжённых искрами насквозь, так что в нескольких местах видно было его белое тело, и босой; зимою же он надевал поверх блузы ещё полушубок, доставшийся ему от умершего отца, а ноги обувал в валенки, которые он подшивал с осени и носил всякую зиму всю жизнь одну и ту же пару.

Когда Юшка рано утром шёл по улице в кузницу, то старики и старухи подымались и говорили, что вон Юшка

уж работать пошёл, пора вставать, и будили молодых. А вечером, когда Юшка проходил на ночлег, то люди говорили, что пора ужинать и спать ложиться — вон и Юшка уж спать пошёл.

А малые дети и даже те, которые стали подростками, увидя тихо бредущего старого Юшку, переставали играть на улице, бежали за Юшкой и кричали:

— Вон Юшка идёт! Вон Юшка!

Дети поднимали с земли сухие ветки, камешки, сор горстями и бросали в Юшку.

— Юшка! — кричали дети. — Ты правда Юшка?

Старик ничего не отвечал детям и не обижался на них; он шёл так же тихо, как прежде, и не закрывал своего лица, в которое попадали камешки и земляной сор.

Дети удивлялись Юшке, что он живой, а сам не сердат на них. И они снова окликали старика:

— Юшка, ты правда или нет?

Затем дети снова бросали в него предметы с земли, подбегали к нему, трогали его и толкали, не понимая, почему он не поругает их, не возьмёт хворостину и не погонится за ними, как делают все большие люди. Дети не знали другого такого человека, и они думали — вправду ли Юшка живой? Потрогав Юшку руками или ударив его, они видели, что он твёрдый и живой.

Тогда дети опять толкали Юшку и кидали в него комья земли, — пусть он лучше злится, раз он вправду живёт на свете. Но Юшка шёл и молчал. Тогда сами дети начинали сердчать на Юшку. Им было скучно и нехорошо играть, если Юшка всегда молчит, не пугает их и не гонится за ними. И они ещё сильнее толкали старика и кричали вокруг него, чтоб он отозвался им злом и развеселил их. Тогда бы они отбежали от него, и в испуге, в радости снова бы дразнили его издали и звали к себе, убегая затем прятаться в сумрак вечера, в сени домов, в заросли садов и огородов. Но Юшка не трогал их и не отвечал им.

Когда же дети вовсе останавливали Юшку или делали ему слишком больно, он говорил им:

— Чего вы, родные мои, чего вы, маленькие!.. Вы, должно быть, любите меня!.. Отчего я вам всем нужен?.. Обождите, не надо меня трогать, вы мне в глаза землёй попали, я не вижу.

Дети не слышали и не понимали его. Они по-прежнему толкали Юшку и смеялись над ним. Они радовались тому, что с ним можно всё делать, что хочешь, а он им ничего не делает.

Юшка тоже радовался. Он знал, отчего дети смеются над ним и мучают его. Он верил, что дети любят его, что он нужен им, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви, и поэтому терзают его.

Дома отцы и матери упрекали детей, когда они плохо учились или не слушались родителей: «Вот ты будешь такой же, как Юшка! Вырастешь и будешь ходить летом босой, а зимой в худых валенках, и все тебя будут мучить, и чаю с сахаром не будешь пить, а одну воду!»

Взрослые пожилые люди, встретив Юшку на улице, тоже иногда обижали его. У взрослых людей бывало злое горе или обида; или они были пьяными, тогда сердце их наполнялось лютой яростью. Увидев Юшку, шедшего в кузницу или ко двору на ночлег, взрослый человек говорил ему:

— Да что ты такой блажной, непохожий ходишь тут? Чего ты думаешь такое особенное?

Юшка останавливался, слушал и молчал в ответ.

— Слов у тебя, что ли, нету, животное такое! Ты живи просто и честно, как я живу, а тайно ничего не думай! Говори, будешь так жить, как надо? Не будешь? Ага!.. Ну ладно!

И после разговора, во время которого Юшка молчал, взрослый человек убеждался, что Юшка во всём виноват, и тут же бил его. От кротости Юшки взрослый человек приходил в ожесточение и бил его больше, чем хотел сначала, и в этом зле забывал на время своё горе.

Юшка потом долго лежал в пыли на дороге. Очнувшись, он вставал сам, а иногда за ним приходила дочь хозяина кузницы, она подымала его и уводила с собой.

— Лучше бы ты умер, Юшка, — говорила хозяйская дочь. — Зачем ты живёшь?

Юшка глядел на неё с удивлением. Он не понимал, зачем ему умирать, когда он родился жить.

— Это отец-мать меня родили, их воля была, — отвечал Юшка. — Мне нельзя помирать, и я отцу твоему в кузне помогаю.

— Другой бы на твоё место нашёлся, помощник какой!

— Меня, Даша, народ любит!

Даша смеялась:

— У тебя сейчас кровь на щеке, а на прошлой неделе тебе ухо разорвали, а ты говоришь — народ тебя любит!..

— Он меня без понятия любит, — говорил Юшка. — Сердце в людях бывает слепое.

— Сердце-то в них слепое, да глаза у них зрячие! — проносила Даша. — Иди скорее, что ль! Любят-то они по сердцу, да бьют тебя по расчёту.

— По расчёту они на меня сердчают, это правда, — соглашался Юшка. — Они мне улицей ходить не велят и тело калечат.

— Эх ты, Юшка, Юшка! — вздыхала Даша. — А ты ведь, отец говорил, нестарый ещё!

— Какой я старый! Я грудью с детства страдаю, это я от болезни на вид оплошал и старым стал...

По этой своей болезни Юшка каждое лето уходил от хозяина на месяц. Он уходил пешком в глухую дальнюю деревню, где у него жили, должно быть, родственники. Никто не знал, кем они ему приходились.

Даже сам Юшка забывал, и в одно лето он говорил, что в деревне у него живёт вдовая сестра, а в другое, что там племянница. Иной раз он говорил, что едет в деревню, а в иной, что в самую Москву. А люди думали, что в дальней деревне живёт Юшкина любимая дочь, такая же незлобная и лишняя людям, как отец.

В июле или августе месяце Юшка надевал на плечи котомку с хлебом и уходил из нашего города. В пути он дышал благоуханием трав и лесов, смотрел в белые облака, рождающиеся в небе, плывущие и умирающие в светлой воздушной теплоте, слушал голос рек, бормочущих на каменных перекатах, и больная грудь Юшки отдыхала, он более не чувствовал своего недуга — чихотки. Уйдя далеко, где было вовсе безлюдно, Юшка не скрывал более своей любви к живым существам. Он склонялся к земле и целовал цветы, стараясь не дышать на них, чтобы они не испортились от его дыхания, он гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жуков, которые пали замертво, и долго всматривался в их лица, чувствуя себя без них осиротевшим.

Но живые птицы пели в небе, стрекозы, жуки и работающие кузнечики издавали в траве весёлые звуки, и поэтому на душе у Юшки было легко, в грудь его входил сладкий воздух цветов, пахнувший влагой и солнечным светом.

По дороге Юшка отдыхал. Он садился в тень подорожного дерева и дремал в покое и тепле. Отдохнув и отдышавшись в поле, он не помнил более о болезни и шёл весело дальше, как здоровый человек. Юшке было сорок лет от роду, но болезнь давно уже мучила его и состарила прежде времени, так что он всем казался ветхим.

И так каждый год уходил Юшка через поля, леса и реки в дальнюю деревню или в Москву, где его ожидал кто-то или никто не ждал, — об этом никому в городе не было известно.

Через месяц Юшка обыкновенно возвращался обратно в город и опять работал с утра до вечера в кузнице. Он снова начинал жить по-прежнему, и опять дети и взрослые, жители улицы, потешались над Юшкой, упрекали его за безответную глупость и терзали его.

Юшка смиренно жил до лета будущего года, а среди лета надевал котомку за плечи, складывал в отдельный мешочек деньги, что заработал и накопил за год, всего рублей сто, вешал тот мешочек себе за пазуху на грудь и уходил неизвестно куда и неизвестно к кому.

Но год от году Юшка всё более слабел, потому шло и проходило время его жизни и грудная болезнь мучила его тело и истощала его. В одно лето, когда Юшке уже подходил срок отправляться в свою дальнюю деревню, он никуда не пошёл. Он брёл, как обычно вечером, уже затемно из кузницы к хозяину на ночлег. Весёлый прохожий, знавший Юшку, посмеялся над ним:

— Чего ты землю нашу топчешь, божье чучело! Хоть бы ты помер, что ли, может, веселее бы стало без тебя, а то я боюсь соскучиться...

И здесь Юшка осерчал в ответ — должно быть, первый раз в жизни.

— А чего я тебе, чем я вам мешаю!.. Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя.

«Юшка». Художник И. Пчелко

Прохожий, не дослушав Юшку, рассердился на него:
— Да ты что? Ты чего заговорил? Как ты смеешь
меня, самого меня с собой равнять, юрод негодный!

— Я не равняю, — сказал Юшка, — а по надобности
мы все равны...

— Ты мне не мудруй! — закричал прохожий. — Я сам
помудрей тебя! Ишь, разговорился, я тебя выучу уму!

Замахнувшись, прохожий с силой злобы толкнул Юшку
в грудь, и тот упал навзничь.

— Отдохни, — сказал прохожий и ушёл домой пить
чай.

Полежав, Юшка повернулся вниз лицом и более не
пошевелился и не поднялся.

Вскоре проходил мимо один человек, столяр из мебельной мастерской. Он окликнул Юшку, потом переложил его на спину и увидел во тьме белые открытые неподвижные глаза Юшки. Рот его был чёрен; столяр вытер уста Юшки ладонью и понял, что это была спёкшаяся кровь. Он опробовал ещё место, где лежала голова Юшки лицом вниз, и почувствовал, что земля там была сырая, её залила кровь, хлынувшая горлом из Юшки.

— Помер, — вздохнул столяр. — Прощай, Юшка, и нас всех прости. Забраковали тебя люди, а кто тебе судья!..

Хозяин кузницы приготовил Юшку к погребению. Дочь хозяина Даша омыла тело Юшки, и его положили на стол в доме кузнеца. К телу умершего пришли проститься с ним все люди, старые и малые, весь народ, который знал Юшку, и потешался над ним, и мучил его при жизни.

Потом Юшку похоронили и забыли его. Однако без Юшки жить людям стало хуже. Теперь вся злоба и глумление оставались среди людей и тратились меж ними, потому что не было Юшки, безответно терпевшего всякое чужое зло, ожесточение, насмешку и недоброжелательство.

Снова вспомнили про Юшку лишь глубокой осенью. В один тёмный непогожий день в кузницу пришла юная девушка и спросила у хозяина-кузнеца, где ей найти Ефима Дмитриевича.

— Какого Ефима Дмитриевича? — удивился кузнец. — У нас такого сроду тут не было.

Девушка, выслушав, не ушла, однако, и молча ожидала чего-то. Кузнец поглядел на неё: что за гостью ему принесла непогода? Девушка на вид была тщедушна и невелика ростом, но мягкое, чистое лицо её было столь нежно и кротко, а большие серые глаза глядели так грустно, словно они готовы были вот-вот наполниться слезами, что кузнец подобрел сердцем, глядя на гостью, и вдруг догадался:

— Уж не Юшка ли он? Так и есть — по паспорту он писался Дмитриевичем...

— Юшка, — прошептала девушка. — Это правда. Сам себя он называл Юшкой.

Кузнец помолчал.

— А вы кто ему будете? Родственница, что ль?

— Я никто. Я сиротой была, а Ефим Дмитриевич поместил меня, маленькую, в семейство в Москве, потом отдал в школу с пансионом... Каждый год он приходил проводить меня и приносил деньги на весь год, чтоб я жила и училась. Теперь я выросла, я уже окончила университет, а Ефим Дмитриевич в нынешнее лето не пришёл меня проведать. Скажите мне, где же он, — он говорил, что работал у вас двадцать пять лет.

— Половина века прошло, состарились вместе, — сказал кузнец.

Он закрыл кузницу и повёл гостью на кладбище. Там девушка припала к земле, в которой лежал мёртвый Юшка, человек, кормивший её с детства, никогда не евший сахара, чтоб она ела его.

Она знала, чем болел Юшка, и теперь сама окончила ученье на врача и приехала сюда, чтобы лечить того, кто её любил больше всего на свете и кого она сама любила всем теплом и светом своего сердца...

С тех пор прошло много времени. Девушка-врач осталась навсегда в нашем городе. Она стала работать в больнице для чахоточных, она ходила по домам, где были туберкулёзные больные, и ни с кого не брала платы за свой труд. Теперь она сама уже тоже состарилась, однако по-прежнему весь день она лечит и утешает больных людей, не утомляясь утолять страдание и отдалять смерть от ослабевших. И все её знают в городе, называя дочерью доброго Юшки, позабыв давно самого Юшку и то, что она не приходилась ему дочерью.

Проверьте себя

1. Прав ли был Юшка, говоря, что его любит народ?

Как вы понимаете слова Юшки: «Вы, должно быть, любите меня!», «Он [народ] меня без понятия любит. Сердце в людях бывает слепое» — и слова автора: «Он верил, что дети любят его, что он нужен им, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви, и поэтому терзают его»? Согласны ли вы с автором? На чьей стороне автор и почему вы так решили? Почему люди «терзали» Юшку?

Какими предстают герои рассказа Платонова в каждом из эпизодов?

2. Какие чувства вызывают у вас рассказ Платонова и его герои? Подготовьте рассказ о Юшке, передайте близко к тексту разговоры Юшки с детьми и взрослыми. Как вы понимаете слово «сострадание»? Бывали ли у вас случаи, ситуации, которые вызывали сострадание к людям?
3. Как можно объяснить язык Юшки? Чем отличается он от языка всех окружающих его людей?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. П. Платонов. «Юшка»

1. Почему детям Юшка казался непонятным, странным, почему они хотели, чтобы Юшка рассердился, озлобился, взял хворостину?
2. Как вы понимаете слова Юшки о том, что дети его любят, но не умеют любить? Как актриса интонациями, эмоциональной окраской голоса сумела передать непонимание детьми истинной любви Юшки?
3. В каких случаях взрослые люди обижали Юшку? Почему злых людей кротость Юшки приводила в ожесточение?
4. С каким чувством актриса читает строки о злых людях? Осуждает их или сожалеет о них? Как вы думаете, передала ли актриса Алина Покровская авторское отношение к Юшке и окружающим его людям?
5. В каких эпизодах рассказа начинает звучать музыка? Помогает ли музыка Георгия Свиридова глубже понять слушателю душу Юшки?
6. Как вы думаете, почему всегда кроткий и незлобивый Юшка не сдержался, «осерчал», резко ответил прохожему? Как актриса передаёт нарастание конфликта в диалоге Юшки и прохожего?
7. С каким чувством актриса повествует о девушке, которую Юшка научил любить людей?

Читаем самостоятельно

Прочитайте ещё одно произведение Платонова — «В прекрасном и яростном мире».

Обсудите прочитанное произведение А. Платонова с вашими родственниками, постарайтесь вместе с ними ответить на вопросы, помещённые после текста рассказа.

В прекрасном и яростном мире

1

В Толубеевском депо лучшим паровозным машинистом считался Александр Васильевич Мальцев.

Ему было лет тридцать, но он уже имел квалификацию машиниста первого класса и давно водил скорые поезда. Когда в наше депо прибыл первый мощный пассажирский паровоз серии «ИС», то на эту машину назначили работать Мальцева, что было вполне разумно и правильно. Помощником у Мальцева работал пожилой человек из деповских слесарей по имени Фёдор Петрович Драбанов, но он вскоре выдержал экзамен на машиниста и ушёл работать на другую машину, а я был вместо Драбанова определён работать в бригаду Мальцева помощником; до того я тоже работал помощником механика, но только на старой, маломощной машине.

Я был доволен своим назначением. Машина «ИС», единственная тогда на нашем тяговом участке, одним своим видом вызывала у меня чувство воодушевления; я мог подолгу глядеть на неё, и особая растроганная радость пробуждалась во мне — столь же прекрасная, как в детстве при первом чтении стихов Пушкина. Кроме того, я желал поработать в бригаде первоклассного механика, чтобы научиться у него искусству вождения тяжёлых скоростных поездов.

Александр Васильевич принял моё назначение в его бригаду спокойно и равнодушно; ему было, видимо, всё равно, кто у него будет состоять в помощниках.

Перед поездкой я, как обычно, проверил все узлы машины, испытал все её обслуживающие и вспомогательные механизмы и успокоился, считая машину готовой к поездке. Александр Васильевич видел мою работу, он следил за ней, но после меня собственными руками снова проверил состояние машины, точно он не доверял мне.

Так повторялось и впоследствии, и я уже привык к тому, что Александр Васильевич постоянно вмешивался в мои обязанности, хотя и огорчался молчаливо. Но обыкновенно, как только мы были в ходу, я забывал про своё огорчение. Отвлекаясь вниманием от приборов, следящих

за состоянием бегущего паровоза, от наблюдения за работой левой машины и пути впереди, я посматривал на Мальцева. Он вёл состав с отважной уверенностью великого мастера, с сосредоточенностью вдохновенного артиста, вобравшего весь внешний мир в своё внутреннее переживание и поэтому властвующего над ним. Глаза Александра Васильевича глядели вперёд отвлечённо, как пустые, но я знал, что он видел ими всю дорогу впереди и всю природу, несущуюся нам навстречу, — даже воробей, смётанный с балластного откоса ветром вонзающейся в пространство машины, даже этот воробей привлекал взор Мальцева, и он поворачивал на мгновение голову вслед за воробьём: что с ним станется после нас, куда он полетел?

По нашей вине мы никогда не опаздывали; напротив, часто нас задерживали на промежуточных станциях, которые мы должны проследовать с ходу, потому что мы шли с нагоном времени и нас посредством задержек обратно вводили в график.

Обычно мы работали молча; лишь изредка Александр Васильевич, не оборачиваясь в мою сторону, стучал ключом по котлу, желая, чтобы я обратил своё внимание на какой-нибудь непорядок в режиме работы машины, или подготавливая меня к резкому изменению этого режима, чтобы я был бдителен. Я всегда понимал безмолвные указания своего старшего товарища и работал с полным усердием, однако механик по-прежнему относился ко мне, равно как и к смазчику-кочегару, отчуждённо и постоянно проверял на стоянках пресс-маслёнки, затяжку болтов в дышловых узлах, опробовал буксы на ведущих осях и прочее. Если я только что осмотрел и смазал какую-либо рабочую трущуюся часть, то Мальцев вслед за мной снова её осматривал и смазывал, точно не считая мою работу действительной.

— Я, Александр Васильевич, этот крейцкопф уже проверил, — сказал я ему однажды, когда он стал проверять эту деталь после меня.

— А я сам хочу, — улыбнувшись, ответил Мальцев, и в улыбке его была грусть, поразившая меня.

Позже я понял значение его грусти и причину его постоянного равнодушия к нам. Он чувствовал своё превосходство перед нами, потому что понимал машину точнее,

чем мы, и он не верил, что я или кто другой может научиться тайне его таланта, тайне видеть одновременно и попутного воробья, и сигнал впереди, ощущая в тот же момент путь, вес состава и усилие машины. Мальцев понимал, конечно, что в усердии, в старательности мы даже можем его превозмочь, но не представлял, чтобы мы больше его любили паровоз и лучше его водили поезда, — лучше, он думал, было нельзя. И Мальцеву поэтому было грустно с нами; он скучал от своего таланта, как от одиночества, не зная, как нам высказать его, чтобы мы поняли.

И мы, правда, не могли понять его умения. Я попросил однажды разрешить повести мне состав самостоятельно; Александр Васильевич позволил мне проехать километров сорок и сел на место помощника. Я повёл состав и через двадцать километров уже имел четыре минуты опоздания, а выходы с затяжных подъёмов преодолевал со скоростью не более тридцати километров в час. После меня машину повёл Мальцев; он брал подъёмы со скоростью пятидесяти километров, и на кривых у него не забрасывало машину, как у меня, и он вскоре нагнал упущенное мною время.

2

Около года я работал помощником у Мальцева, с августа по июль, и 5 июля Мальцев совершил свою последнюю поездку в качестве машиниста курьерского поезда...

Мы взяли состав в восемьдесят пассажирских осей, опоздавший до нас в пути на четыре часа. Диспетчер вышел к паровозу и специально попросил Александра Васильевича сократить, сколь возможно, опоздание поезда, свести это опоздание хотя бы к трём часам, иначе ему трудно будет выдать порожняк на соседнюю дорогу. Мальцев пообещал ему нагнать время, и мы тронулись вперёд.

Было восемь часов пополудни, но летний день ещё длился, и солнце сияло с торжественной утренней силой. Александр Васильевич потребовал от меня держать всё время давление пара в котле лишь на пол-атмосферы ниже предельного.

Через полчаса мы вышли в степь, на спокойный мягкий профиль. Мальцев довёл скорость хода до девяноста

километров и ниже не сдавал, наоборот — на горизонталях и малых уклонах доводил скорость до ста километров. На подъёмах я форсировал топку до предельной возможности и заставлял кочегара вручную загружать шуровку, в помощь стоккерной машине, ибо пар у меня садился.

Мальцев гнал машину вперёд, отведя регулятор на всю дугу и отдав реверс¹ на полную отсечку. Мы теперь шли навстречу мощной туче, появившейся из-за горизонта.

С нашей стороны тучу освещало солнце, а изнутри её рвали свирепые, раздражённые молнии, и мы видели, как мечи молний вертикально вонзались в безмолвную дальнюю землю, и мы бешено мчались к той дальней земле, словно спеша на её защиту. Александра Васильевича, видимо, увлекло это зрелище: он далеко высунулся в окно, глядя вперёд, и глаза его, привыкшие к дыму, к огню и пространству, блестели сейчас воодушевлением. Он понимал, что работа и мощность нашей машины могли идти в сравнение с работой грозы, и, может быть, гордился этой мыслью.

Вскоре мы заметили пыльный вихрь, несшийся по степи нам навстречу. Значит, и грозовую тучу несла буря нам в лоб. Свет потемнел вокруг нас; сухая земля и степной песок засвистели и заскрежетали по железному телу паровоза; видимости не стало, и я пустил турбодинамо для освещения и включил лобовой прожектор впереди паровоза. Нам теперь трудно было дышать от горячего пыльного вихря, забивавшегося в кабину и удвоенного в своей силе встречным движением машины, от топочных газов и раннего сумрака, обступившего нас. Паровоз с воем пробивался вперёд в смутный, душный мрак — в щель света, создаваемую лобовым прожектором. Скорость упала до шестидесяти километров; мы работали и смотрели вперёд как в сновидении.

Вдруг крупная капля ударила по ветровому стеклу — и сразу высохла, испитая жарким ветром. Затем мгновенный синий свет вспыхнул у моих ресниц и проник в меня до самого содрогнувшегося сердца; я схватился за край

¹ Реверс — прибор, изменяющий движение машины на обратное.

инжектора¹, но боль в сердце уже отошла от меня, и я сразу поглядел в сторону Мальцева — он смотрел вперёд и вёл машину, не изменившись в лице.

— Что это было? — спросил я у кочегара.

— Молния, — сказал он. — Хотела в нас попасть, да маленько промахнулась.

Мальцев расслышал наши слова.

— Какая молния? — спросил он громко.

— Сейчас была, — произнёс кочегар.

— Я не видел, — сказал Мальцев и снова обратился лицом наружу.

— Не видел! — удивился кочегар. — Я думал, котёл взорвался, во как засветило, а он не видел.

Я тоже усомнился, что это была молния.

— А гром где? — спросил я.

— Гром мы проехали, — объяснил кочегар. — Гром всегда после бьёт. Пока он вдарил, пока воздух расшатал, пока туда-сюда, мы уже прочь его пролетели. Пассажиры, может, слышали — они сзади.

Далее мы вошли в ливень, но скоро миновали его и выехали в утихшую, тёмную степь, над которой неподвижно покоились смирные, изработавшиеся тучи.

Потемнело вовсе, и наступила спокойная ночь. Мы ощущали запах сырой земли, благоухание трав и хлебов, напитанных дождём и грозой, и неслись вперёд, нагоняя время.

Я заметил, что Мальцев стал хуже вести машину — на кривых нас забрасывало, скорость доходила то до ста с лишним километров, то снижалась до сорока. Я решил, что Александр Васильевич, наверно, очень уморился, и поэтому ничего не сказал ему, хотя мне было очень трудно держать в наилучшем режиме работу топки и котла при таком поведении механика. Однако через полчаса мы должны остановиться для набора воды, и там, на остановке, Александр Васильевич поест и немного отдохнёт. Мы уже нагнали сорок минут, а до конца нашего тягового участка мы нагоним ещё не менее часа.

Всё же я обеспокоился усталостью Мальцева и стал сам внимательно глядеть вперёд — на путь и на сигналы.

¹ Инже́ктор — насос.

С моей стороны, над левой машиной, горела на весу электрическая лампа, освещающая машущий, дышловой механизм. Я хорошо видел напряжённую, уверенную работу левой машины, но затем лампа над нею припотухла и стала гореть бедно, как одна свечка. Я обернулся в кабину. Там тоже все лампы горели теперь в четверть накала, еле освещающая приборы. Странно, что Александр Васильевич не постучал мне ключом в этот момент, чтобы указать на такой беспорядок. Ясно было, что турбодинамо не давало расчётных оборотов и напряжение упало. Я стал регулировать турбодинамо через паропровод и долго возился с этим устройством, но напряжение не поднималось.

В это время туманное облако красного света прошло по циферблатам приборов и потолку кабины. Я выглянул наружу.

Впереди, во тьме, близко или далеко — нельзя было установить, красная полоса света колебалась поперёк нашего пути. Я не понимал, что это было, но понял, что надо делать.

— Александр Васильевич! — крикнул я и дал три гудка остановки.

Раздались взрывы петард¹ под бандажами² наших колёс. Я бросился к Мальцеву; он обернул ко мне своё лицо и поглядел на меня пустыми покойными глазами. Стрелка на циферблате тахометра показывала скорость в шестьдесят километров.

— Мальцев! — закричал я. — Мы петарды давим! — и протянул руки к управлению.

— Прочь! — воскликнул Мальцев, и глаза его засияли, отражая свет тусклой лампы над тахометром.

Он мгновенно дал экстренное торможение и перевёл реверс назад. Меня прижало к котлу, я слышал, как выли бандажи колёс, стругавшие рельсы.

— Мальцев! — сказал я. — Надо краны цилиндров открыть, машину ломаем.

— Не надо! Не ломаем! — ответил Мальцев.

¹ *Петарда* — сигнальный разрывной снаряд, применяемый для остановки поезда в случае опасности.

² *Бандаж* — металлический обод на железнодорожном колесе для увеличения прочности.

Мы остановились. Я закачал инжектором воду в котёл и выглянул наружу. Впереди нас, метрах в десяти, стоял на нашей линии паровоз, тендером¹ в нашу сторону. На тендере находился человек; в руках у него была длинная кочерга, раскалённая на конце до красного цвета; ею и махал он, желая остановить курьерский поезд. Паровоз этот был толкачом товарного состава, остановившегося на перегоне.

Значит, пока я налаживал турбодинамо и не глядел вперёд, мы прошли жёлтый светофор, а затем и красный и, вероятно, не один предупреждающий сигнал путевых обходчиков. Но отчего эти сигналы не заметил Мальцев?

— Костя! — позвал меня Александр Васильевич.

Я подошёл к нему.

— Костя! Что там впереди нас?

Я объяснил ему.

— Костя... Дальше ты поведёшь машину, я ослеп.

На другой день я привёл обратный состав на свою станцию и сдал паровоз в депо, потому что у него на двух скатах слегка сместились бандажи. Доложив начальнику депо о происшествии, я повёл Мальцева под руку к месту его жительства; сам Мальцев был в тяжком удручении и не пошёл к начальнику депо.

Мы ещё не дошли до того дома на заросшей травой улице, в котором жил Мальцев, как он попросил меня оставить его одного.

— Нельзя, — ответил я. — Вы, Александр Васильевич, слепой человек.

Он посмотрел на меня ясными, думающими глазами.

— Теперь я вижу, ступай домой... Я вижу всё — вот жена вышла встретить меня.

У ворот дома, где жил Мальцев, действительно стояла в ожидании женщина, жена Александра Васильевича, и её открытые чёрные волосы блестели на солнце.

— А у неё голова покрытая или безо всего? — спросил я.

— Без, — ответил Мальцев. — Кто слепой — ты или я?

— Ну, раз видишь, то смотри, — решил я и отошёл от Мальцева.

¹ Тендер — задняя часть паровоза.

Мальцева отдали под суд, и началось следствие. Меня вызвал следователь и спросил, что я думаю о происшествии с курьерским поездом. Я ответил, что думал, — что Мальцев не виноват.

— Он ослеп от близкого разряда, от удара молнии, — сказал я следователю. — Он был контужен, и нервы, которые управляют зрением, были у него повреждены... Я не знаю, как это нужно сказать точно.

— Я вас понимаю, — произнёс следователь, — вы говорите точно. Это всё возможно, но недостоверно. Ведь сам Мальцев показал, что он молнии не видел.

— А я её видел, и смазчик её тоже видел.

— Значит, молния ударила ближе к вам, чем к Мальцеву, — рассуждал следователь. — Почему же вы и смазчик не контужены, не ослепли, а машинист Мальцев получил контузию зрительных нервов и ослеп? Как вы думаете?

Я стал в тупик, а затем задумался.

— Молнию Мальцев увидеть не мог, — сказал я.

Следователь удивлённо слушал меня.

— Он увидеть её не мог. Он ослеп мгновенно — от удара электромагнитной волны, которая идёт впереди света молнии. Свет молнии есть последствие разряда, а не причина молнии. Мальцев был уже слепой, когда молния засветилась, а слепой не мог увидеть света.

— Интересно, — улыбнулся следователь. — Я бы прекратил дело Мальцева, если бы он и сейчас был слепым. Но вы же знаете, теперь он видит так же, как мы с вами.

— Видит, — подтвердил я.

— Был ли он слепым, — продолжал следователь, — когда на огромной скорости вёл курьерский поезд в хвост товарному поезду?

— Был, — подтвердил я.

Следователь внимательно посмотрел на меня.

— Почему же он не передал управление паровозом вам или по крайней мере не приказал вам остановить состав?

— Не знаю, — сказал я.

— Вот видите, — говорил следователь. — Взрослый сознательный человек управляет паровозом курьерского по-

езда, везёт на верную гибель сотни людей, случайно избегает катастрофы, а потом оправдывается тем, что он был слеп. Что это такое?

— Но ведь он и сам бы погиб! — говорю я.

— Вероятно. Однако меня больше интересует жизнь сотен людей, чем жизнь одного человека. Может быть, у него были свои причины погибнуть.

— Не было, — сказал я.

Следователь стал равнодушен; он уже заскучал от меня, как от глупца.

— Вы всё знаете, кроме главного, — в медленном размышлении сказал он. — Вы можете идти.

От следователя я пошёл на квартиру Мальцева.

— Александр Васильевич, — сказал я ему, — почему вы не позвали меня на помощь, когда ослепли?

— А я видел, — ответил он. — Зачем ты нужен мне был?

— Что вы видели?

— Всё: линию, сигналы, пшеницу в степи, работу правой машины — я всё видел...

Я озадачился.

— А как же так у вас вышло? Вы проехали все предупреждения, вы шли прямо в хвост другому составу...

Бывший механик первого класса грустно задумался и тихо ответил мне, как самому себе:

— Я привык видеть свет, и я думал, что вижу его, а я видел его тогда только в своём уме, в воображении. На самом деле я был слепой, но я этого не знал... Я и в петарды не поверил, хотя и услышал их: я подумал, что ослышался. А когда ты дал гудки остановки и закричал мне, я видел впереди зелёный сигнал, я сразу не догадался.

Теперь я понял Мальцева, но не знал, почему он не скажет о том следователю, — о том, что, после того как он ослеп, он ещё долго видел мир в своём воображении и верил в его действительность. И я спросил об этом Александра Васильевича.

— А я ему говорил, — ответил Мальцев.

— А он что?

— «Это, говорит, ваше воображение было; может, вы и сейчас воображаете что-нибудь, я не знаю. Мне, гово-

рит, нужно установить факты, а не ваше воображение или мнительность. Ваше воображение — было оно или нет — я проверить не могу, оно было лишь у вас в голове; это ваши слова, а крушение, которое чуть-чуть не произошло, — это действие».

— Он прав, — сказал я.

— Прав, я сам знаю, — согласился машинист. — И я тоже прав, а не виноват. Что же теперь будет?

— В тюрьме сидеть будешь, — сообщил я ему.

4

Мальцева посадили в тюрьму. Я по-прежнему ездил помощником, но только уже с другим машинистом — осторожным стариком, тормозившим состав ещё за километр до жёлтого светофора, а когда мы подъезжали к нему, то сигнал переделывался на зелёный, и старик опять начинал волочить состав вперёд. Это была не работа: я скучал по Мальцеву.

Зимой я был в областном городе и посетил своего брата, студента, жившего в университетском общежитии. Брат сказал мне среди беседы, что у них, в университете, есть в физической лаборатории установка Тесла для получения искусственной молнии. Мне пришло в голову некоторое соображение, неуверенное и ещё неясное для меня самого.

Возвратившись домой, я обдумал свою догадку относительно установки Тесла и решил, что моя мысль правильная. Я написал письмо следователю, ведущему в своё время дело Мальцева, с просьбой испытать заключённого Мальцева на подверженность его действию электрических разрядов. В случае если будет доказана подверженность психики Мальцева либо его зрительных органов действию близких внезапных электрических разрядов, то дело Мальцева надо пересмотреть. Я указал следователю, где находится установка Тесла и как нужно произвести опыт над человеком.

Следователь долго не отвечал мне, но потом сообщил, что областной прокурор согласился произвести предложенную мною экспертизу в университетской физической лаборатории.

Через несколько дней следователь вызвал меня повест-

кой. Я пришёл к нему взволнованный, заранее уверенный в счастливом решении дела Мальцева.

Следователь поздоровался со мной, но долго молчал, медленно читал какую-то бумагу печальными глазами; я терял надежду.

— Вы подвели своего друга, — сказал затем следователь.

— А что? Приговор остаётся прежний?

— Нет. Мы освободим Мальцева. Приказ уже дан, — может быть, Мальцев уже дома.

— Благодарю вас. — Я встал на ноги перед следователем.

— А мы вас благодарить не будем. Вы дали плохой совет: Мальцев опять слепой...

Я сел на стул в усталости, во мне мгновенно сгорела душа, и я захотел пить.

— Эксперты без предупреждения, в темноте, провели Мальцева под установкой Тесла, — говорил мне следователь. — Включён был ток, произошла молния, и раздался резкий удар. Мальцев прошёл спокойно, но теперь он снова не видит света — это установлено объективным путём, судебно-медицинской экспертизой.

Следователь попил воды и добавил:

— Сейчас он опять видит мир только в одном своём воображении... Вы его товарищ, помогите ему.

— Может быть, к нему опять вернётся зрение, — высказал я надежду, — как было тогда, после паровоза...

Следователь подумал:

— Едва ли... Тогда была первая травма, теперь вторая. Рана нанесена по раненому месту.

И, не сдерживаясь более, следователь встал и в волнении начал ходить по комнате.

— Это я виноват... Зачем я послушался вас и, как глупец, настоял на экспертизе! Я рисковал человеком, а он не вынес риска.

— Вы не виноваты, вы ничем не рисковали, — утешил я следователя. — Что лучше — свободный слепой человек или зрячий, но невинно заключённый?

— Я не знал, что мне придётся доказать невинность человека посредством его несчастья, — сказал следователь. — Это слишком дорогая цена.

— Вы не волнуйтесь, товарищ следователь. Тут действовали факты внутри человека, а вы искали их только снаружи. Но вы сумели понять свой недостаток и поступили с Мальцевым как человек благородный. Я вас уважаю.

— Я вас тоже, — сознался следователь. — Знаете, из вас мог бы выйти помощник следователя...

— Спасибо, но я занят, я помощник машиниста на курьерском паровозе.

Я ушёл. Я не был другом Мальцева, и он ко мне всегда относился без внимания и заботы. Но я хотел защитить его от горя судьбы, я был ожесточён против роковых сил, случайно и равнодушно уничтожающих человека; я почувствовал тайный, неуловимый расчёт этих сил в том, что они губили именно Мальцева, а не меня, скажем. Я понимал, что в природе не существует такого расчёта в нашем человеческом, математическом смысле, но я видел, что происходят факты, доказывающие существование враждебных, для человеческой жизни губительных обстоятельств, и эти губительные силы сокрушают избранных, возвышенных людей. Я решил не сдаваться, потому что чувствовал в себе нечто такое, чего не могло быть во внешних силах природы и в нашей судьбе, — я чувствовал свою особенность человека. И я пришёл в ожесточение и решил воспротивиться, сам ещё не зная, как это нужно сделать.

5

На следующее лето я сдал экзамены на звание машиниста и стал ездить самостоятельно на паровозе серии «СУ», работая на пассажирском местном сообщении. И почти всегда, когда я подавал паровоз под состав, стоявший у станционной платформы, я видел Мальцева, сидевшего на крашеной скамейке. Облокотившись рукою на трость, поставленную между ног, он обращал в сторону паровоза своё страстное, чуткое лицо с опустевшими слепыми глазами, и жадно дышал запахом гари и смазочного масла, и внимательно слушал ритмичную работу паровоздушного насоса. Утешить его мне было нечем, и я уезжал, а он оставался.

Шло лето; я работал на паровозе и часто видел Александра Васильевича — не только на вокзальной платфор-

ме, но встречал его и на улице, когда он медленно шёл, ощупывал дорогу тростью. Он осунулся и постарел за последнее время; жил он в достатке — ему определили пенсию, жена его работала, детей у них не было, но тоска, безжизненная участь снедали Александра Васильевича, и тело его худело от постоянного горя. Я с ним иногда разговаривал, но видел, что ему скучно было беседовать о пустяках и довольствоваться моим любезным утешением, что и слепой — это тоже вполне полноправный, полноценный человек.

— Прочь! — говорил он, выслушав мои доброжелательные слова.

Но я тоже был сердитый человек, и, когда, по обычаю, он однажды велел уходить мне прочь, я сказал:

— Завтра в десять тридцать я поведу состав. Если будешь сидеть тихо, я возьму тебя в машину.

Мальцев согласился:

— Ладно. Я буду смирным. Дай мне там в руки что-нибудь, дай реверс подержать; я крутить его не буду.

— Крутить его ты не будешь! — подтвердил я. — Если покрутишь, я тебе дам в руки кусок угля и больше сроду не возьму на паровоз.

Слепой промолчал; он настолько хотел снова побыть на паровозе, что смирился передо мной.

На другой день я пригласил его с крашеной скамейки на паровоз и сошёл к нему навстречу, чтобы помочь ему подняться в кабину.

Когда мы тронулись вперёд, я посадил Александра Васильевича на своё место машиниста, положил одну его руку на реверс и другую на тормозной автомат и поверх его рук положил свои руки. Я водил своими руками, как надо, и его руки тоже работали. Мальцев сидел молчаливо и слушался меня, наслаждаясь движением машины, ветром в лицо и работой. Он сосредоточился, забыл своё горе слепца, и кроткая радость осветила измождённое лицо этого человека, для которого ощущение машины было блаженством.

В обратный конец мы ехали подобным же способом: Мальцев сидел на месте механика, а я стоял, склонившись, возле него и держал свои руки на его руках. Мальцев уже приноровился работать таким образом настолько,

что мне было достаточно лёгкого нажима на его руку, и он с точностью ощущал моё требование. Прежний, совершенный мастер машины стремился превозмочь в себе недостаток зрения и чувствовать мир другими средствами, чтобы работать и оправдать свою жизнь.

На спокойных участках я вовсе отходил от Мальцева и смотрел вперёд со стороны помощника.

Мы уже были на подходе к Толубееву; наш очередной рейс благополучно заканчивался, и шли мы вовремя. Но на последнем перегоне нам светил навстречу жёлтый светофор. Я не стал преждевременно сокращать хода и шёл на светофор с открытым паром. Мальцев сидел спокойно, держа левую руку на реверсе; я смотрел на своего учителя с тайным ожиданием...

— Закрой пар! — сказал мне Мальцев.

Я промолчал, волнуясь всем сердцем.

Тогда Мальцев встал с места, протянул руку к регулятору и закрыл пар.

— Я вижу жёлтый свет, — сказал он и повёл рукоятку тормоза на себя.

— А может быть, ты опять только воображаешь, что видишь свет! — сказал я Мальцеву.

Он повернул ко мне своё лицо и заплакал. Я подошёл к нему и поцеловал его в ответ:

— Веди машину до конца, Александр Васильевич: ты видишь теперь весь свет!

Он довёл машину до Толубеева без моей помощи. После работы я пошёл вместе с Мальцевым к нему на квартиру, и мы вместе с ним просидели весь вечер и всю ночь.

Я боялся оставить его одного, как родного сына, без защиты против действия внезапных и враждебных сил нашего прекрасного и яростного мира.

Проверьте себя

1. Как можно объяснить заглавие рассказа?
2. О чём поведал автор читателям? Над чем заставил задуматься?
3. Кто главный герой рассказа?
4. Чего больше всего хотели Мальцев и его помощник?
5. Есть ли сходство платоновских героев (Никиты, Юшки, неизвестного цветка) с Мальцевым? В чём оно? В чём их непохожесть?

6. Как вы поняли состояние рассказчика, когда он глядел на машину «ИС»? С чем он сравнивал эту радость?
7. Как, по словам рассказчика, Мальцев вёл машину? Вспомните эти сравнения. Почему Мальцеву было грустно с помощником?
8. Что случилось с Мальцевым и как старался помощник вывести его из этой трагической ситуации?
9. Как заканчивается рассказ и о чём говорит этот финал? Что могло победить слепоту Мальцева?

Совершенствуем свою речь

1. Перескажите текст о том, как радовался рассказчик своему назначению к Мальцеву и созерцанию машины «ИС», используя авторские сравнения. Можно ли сказать, что Мальцев относился к машине как к «одухотворённым механизмам» и что так же относится к ним автор?
2. Как вы понимаете фразы: «Он вёл состав с отважной уверенностью великого мастера...», «Я всегда понимал безмолвные указания своего старшего товарища и работал с полным усердием...», «...он скупал от своего таланта, как от одиночества...»?
3. Расскажите об одном из героев и о его отношении к своей профессии.
4. Объясните значение слов и словосочетаний, подумайте, какие из них чаще всего звучат в обычной разговорной речи: *старинное время, неостывающие слёзы, блуза, надевать, живое существо, дремал, котомка, терзал.*

Творческое задание

Писатель В. Лидин пишет о Платонове: «Андрей Платонов глубоко проник мне в душу каким-то своим сердечным, необычайно нежным и мудрым отношением к людям, которые стали героями его рассказов...»

Каково ваше отношение к Платонову и его героям? Как Платонов относится к своим необыкновенным героям?

Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Борис Леонидович ПАСТЕРНАК

1890—1960

Борис Леонидович Пастернак родился в Москве. Его отец — известный художник Л. О. Пастернак, мать — пианистка Р. И. Кауфман. Детские годы поэта протекали в атмосфере искусства — музыки, литературы. Ещё в пору детства и ранней юности неизгладимое впечатление на него произвели немецкий поэт Райнер-Мария Рильке, писатель Лев Толстой, композитор Скрябин. Впоследствии он придавал определяющее значение в формировании своего духовного облика именно этим первым встречам с миром большого творчества, с художественной гениальностью. К ним присоединилось позднее столь же личное, обострённо-биографическое восприятие лирики Блока и знакомство с Маяковским.

Первое творческое пристрастие и увлечение Пастернака всецело отдано музыке. В 1909 году он поступает на историко-филологический факультет Московского университета, едет в Германию и один семестр учится в Марбургском университете, посещает Швейцарию, Италию. В 1908—1909 годах у Пастернака пробуждается интерес к современной поэзии. Он принимает участие в поэтическом кружке, пробует силы в литературной работе. С 1913 года поэтическое искусство становится главным и постоянным делом его жизни.

Появление книги «Сестра моя — жизнь» в 1922 году выдвинуло его в ряд видных мастеров современного стиха. С этой книги начинается Пастернак как вполне самобытное поэтическое явление.

Он работает над историко-революционными поэмами «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт», романом в стихах, переводит грузинских поэтов, Шекспира, Гёте, Шиллера, Риль-

ке и др. В начале 1941 года начинается полоса творческого подъёма, появляется ряд первоклассных стихотворений, вошедших в книгу «На ранних поездах». Отсюда протягиваются прямые связи к лирике Пастернака конца 40—50-х годов XX века, увенчавшей его жизненный путь. Искусство в его понимании — непрестанная самоотдача:

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех...

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

Центральное место в лирике Пастернака принадлежит природе. Рассказывая о вёснах и зимах, о дождях и рассветах, Пастернак повествует о природе самой жизни, мирного бытия, исповедует веру в жизнь, которая, как нам кажется, главенствует в его поэзии и составляет её нравственную основу. Удивление перед чудом существования — вот поза, в которой застыл Пастернак, навсегда поражённый, замороженный своим открытием: «опять весна». От его пейзажей веет свежестью, здоровьем. У Пастернака природа приобретает все черты индивидуального лица. Мы привыкли к тому, что «дождь идёт», а теперь узнаём: «Скорей со сна, чем с крыш; скорей забывчивый, чем робкий, топтался дождик у дверей...» У пейзажей Пастернака есть свой нрав, симпатии, излюбленные развлечения — тучи играют в горелки, гром занимается фотографией, ручьи поют романсы. Его пейзаж наделяется даже портретными чертами:

И лес шелушится, и каплями
Роняет струящийся пот.

Поэзия Пастернака насквозь метафорична. Метафора в его поэтике выполняет прежде всего связующую роль. При чтении его стихов подчас возникает иллюзия, что автора нет и в помине, что он отсутствует даже как рассказчик, как свидетель, видевший всё то, что здесь изображено. Природа объясняется от собственного имени:

...В раскрытые окна на их рукоделье
Садилась, как голуби, облака.

Они замечали: с воды похудели
Заборы — заметно, кресты — слегка.

Если Маяковский и Цветаева хотят говорить на весь мир от своего лица, то Пастернак предпочитает, чтобы мир говорил за него и вместо него: «не я про весну, а весна про меня», «не я про сад, а сад про меня».

Это единение с природой, без свидетелей, придаёт стихам Пастернака особую интимность и подлинность.

По статье А. Д. Синавского

* * *

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проёме
Незадёрнутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега, — никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.

И опять кольнут доньне
Неотпущенной вьюгой,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Но неожиданно по портьере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами мера,
Ты, как будущность, войдёшь.

Ты появишься у двери
В чём-то белом, без причуд,
В чём-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Б. Л. Пастернак. «Никого не будет в доме...»

Одни и те же краски поэзия может заставить звучать по-разному, часто резко контрастно. В начале стихотворения белый проём окна вызывает острое чувство одиночества, вслед за которым приходит «прошлогоднее унынье», и уже совсем трагически звучат слова: «И окно на крестовине сдавит голод дровяной...» «Но неожиданно» всё меняется, и совсем по-другому звучит белый цвет... Что же произошло и как эту перемену чувств, настроений, событий выразили поэт, актриса, музыка?

Июль

По дому бродит привиденье.
Весь день шаги над головой.
На чердаке мелькают тени.
По дому бродит домовой.

Везде болтается некстати,
Мешается во все дела,
В халате крадется к кровати,
Срывает скатерть со стола.

Ног у порога не обтёрши,
Вбегает в вихре сквозняка
И с занавеской, как с танцоршей,
Взвивается до потолка.

Кто этот баловник-невежа
И этот призрак и двойник?
Да это наш жилец приезжий,
Наш летний дачник, отпускник.

На весь его недолгий роздых
Мы целый дом ему сдаём.
Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас внаём.

Июль, таскающий в одежде
Пух одуванчиков, лопух,
Июль, домой сквозь окна входящий,
Всё громко говорящий вслух.

Степной нечёсанный растрёпа,
Пропахший липой и травой,
Ботвой и запахом укропа,
Июльский воздух луговой.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Б. Л. Пастернак. «Июль»

Какое настроение создаёт лёгкий, летящий ритм стихотворения, восторженная интонация актрисы и танцевальные ритмы музыки норвежского композитора Эдварда Грига? Постарайтесь выстроить синонимический ряд эпитетов, определяющих это настроение.

Проверьте себя

1. Используя статьи учебника и словаря «Русские писатели. XX век», подготовьте сообщение о жизни и творчестве Б. Л. Пастернака.
2. Прочитайте стихотворения Пастернака. Подумайте: о чём говорит поэт строчками «не я про весну, а весна про меня», «не я про сад, а сад про меня»? Подтвердите свой ответ цитатами из стихотворений.

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение стихотворений. Одно из произведений Пастернака о родной природе выучите наизусть, подчеркнув при чтении музыкальность ритма стихотворений.

Обогащаем свою речь

1. Как вы понимаете строки стихотворения Б. Л. Пастернака: «Только белых мокрых комьев / Быстрый промельк маховой...»; «И опять зачертит иней...»?

2. Вызывает ли у вас описание природы в стихотворениях Пастернака удивление, восхищение? Создаётся ли у вас впечатление, что природа «объясняется от своего имени»?
3. Объясните значение слов и словосочетаний и введите их в свою речь: *сумерки, портьеры, неожиданно, причуда, сквозной проём.*

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

1910—1971

Твардовский — художник с мудрым сердцем и чистой совестью, до последнего дыхания преданный поэзии, человек большого гражданского мужества и честности...

К. Кулиев

Родился я в Смоленщине, в 1910 году, 21 июня, на «хуторе пустоши Столпово», так назывался в бумагах клочок земли, приобретённой моим отцом Трифоном Гордеевичем Твардовским... Местность эта была довольно дикая, в стороне от дорог, и отец, замечательный мастер кузнечного дела, вскоре закрыл кузницу, решив жить с земли. Но ему то и дело приходилось обращаться к молотку: арендовать в отходе чужой горн и наковальню, работая исполу¹.

В жизни нашей семьи бывали изредка просветы относительного достатка, но вообще жилось скудно и трудно... Отец, он умер в 1949 году, был человеком грамотным и даже начитанным по-деревенски. Книга не являлась редкостью в нашем домашнем обиходе. Целые зимние вечера у нас часто отдавались чтению вслух какой-либо книги. Первое моё знакомство с «Полтавой» и «Дубровским» Пушкина, «Тарасом Бульбой» Гоголя, популярнейшими стихотворениями Лермонтова, Некрасова, А. К. Толстого, Никитина произошло именно таким образом.

Мать моя, Мария Митрофановна, была всегда очень впечатлительна и чутка ко многому... Её до слёз трогал звук пастушьей трубы где-нибудь вдалеке за нашими хуторскими кустами и болотцами, или отголосок песни с далёких деревенских полей, или, например, запах первого молодого сена, вид какого-нибудь одинокого дерева и т. п.²

¹ *Исполу* — на половинных началах, пополам с другими.

² Твардовские (родители, братья и сестра), как семья кулаков, были сосланы в 30-е годы. Об этих горьких событиях упоминается и в стихотворении «Братья».

Стихи писать я начал до овладения первоначальной грамотой. Хорошо помню, что первое моё стихотворение, обличающее моих сверстников, разорителей птичьих гнёзд, я пытался записать, ещё не зная всех букв алфавита и, конечно, не имея понятия о правилах стихосложения. С того времени я и пишу...

По-разному благосклонно и по-разному с тревогой относились мои родители к тому, что я стал сочинять стихи. Отцу, человеку очень честолобивому, это было лестно, но из книг он знал, что писательство не сулит больших выгод, что писатели бывают и не знаменитые, безденежные, живущие на чердаках и голодающие. Мать, видя мою приверженность к таким необычным занятиям, чуяла в ней некую печальную предназначенность моей судьбе и жалела меня.

С 1924 года я начал посылать небольшие заметки в редакции смоленских газет. Писал о неисправных мостах, о комсомольских субботниках, о злоупотреблениях местных властей и т. п. Изредка заметки печатались... Потом я отважился послать и стихи. В газете «Смоленская деревня» летом 1925 года появилось моё первое напечатанное стихотворение «Новая изба».

После этого я, собрав с десяток стихотворений, отправился в Смоленск к М. В. Исаковскому. Принял он меня приветливо, отобрав часть стихотворений, вызвал художника, который зарисовал меня, и вскоре в деревню пришла газета со стихами и портретом «селькора — поэта А. Твардовского».

Михаилу Исаковскому, земляку, а впоследствии другу, я очень многим обязан в своём развитии... Со «Страны Муравии»... я начинаю счёт своим писаниям... Выход этой книги в свет послужил причиной значительных перемен и в моей личной жизни.

Могу сказать, что если Смоленщина, со всей её неповторимой и бесценной для меня памятью, досталась мне, как говорится, от отца с матерью, то... Сибирь, с её суровой и величественной красотой, природными богатствами, гигантскими стройками и сказочно широкими перспективами, я обретал для себя сам в зрелые годы.

Эту новую мою связь — связь с «иными краями» я сознательно развиваю и укрепляю с конца сороковых годов, когда впервые побывал на востоке страны, и она непосредственно сказалась в главной моей работе последних лет — книге «За далью — даль», а также в лирике и очерках...

А. Т. Твардовский

«Когда я ближе узнал Твардовского, мне понятнее стала его сдержанность, даже замкнутость, если речь касалась его „творческих планов“, — пишет В. Я. Лакшин¹. — Александр Трифонович сам не любил, забегая вперёд, говорить о своей неоконченной работе и другим не разрешал. Он считал, что серьёзное литературное дело совершается не на юру² и на ветру, а в тишине наедине с листом бумаги. И самый хороший замысел можно „заболтать“, испортить разговорами о нём...

Лишённый внешнего лоска, он обладает вместе с тем врождённым тактом и почти аристократической воспитанностью... Выговаривал кому-то: если тебе позвонили по телефону, а тема разговора исчерпана и надо прощаться, ты не можешь первым сказать „до свидания“, — разговор кончает тот, кто тебе звонит.

Твардовский истово верил, что любое зло ненадолго, любая беда минет, что надо ждать от жизни добрых перемен, от людей — хороших вестей...»

УРОКИ ТВАРДОВСКОГО

Из интервью³ журналиста с художником О. Г. Верейским, которого связывала с Твардовским почти 30-летняя дружба...

«— Какие черты личности Твардовского могли бы вы назвать главными, определяющими?»

— Искренность, непосредственность поведения и самостоятельность мышления — он никогда не придерживался общепринятого русла, был независим в мыслях...

— Доводилось ли вам присутствовать при рождении стихов?

— Творческая кухня поэта была скрыта от посторонних глаз. И только однажды, во время грибной прогулки по лесу, я оказался случайным свидетелем этого процесса. Случай описан мною в очерке „К двум портретам“. Позвольте процитировать его концовку: „Продираясь сквозь заросли, я время от време-

¹ См. книгу В. Лакшина «Открытая дверь» (М., 1989).

² *Не на юру* — не на открытом, всем видном месте.

³ *Интервью* — беседа журналиста, писателя, общественного деятеля, учёного с группой лиц или с одним человеком на важную тему.

ни видел Александра Трифоновича, который, к моему удивлению, смотрел не под ноги, а прямо перед собой и что-то бормотал невнятно, нараспев. Я отошёл, чтобы не мешать, но мой спутник меня уже не замечал. Он говорил всё громче, всё отчётливее... „И чью-то душу отпустила боль“. И снова и снова одну и ту же фразу. И потом: „И чьё-то сердце отпустила боль“... Через несколько дней я услышал всё стихотворение:

К обидам горьким собственной персоны
Не призывать участия добрых душ.
Жить, как живёшь, своей страдой бессонной,
Взялся за гуж — не говори: не джуж.
С тропы своей ни в чём не соступая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

Эти строки, одни из последних, могли бы стать эпиграфом к его судьбе или эпитафией на его памятнике...»

Проверьте себя

1. Что добавили в понимание личности Твардовского высказывания о нём и какой вам видится личность поэта? Дайте развернутый ответ на этот вопрос.
2. Прочитайте воспоминания об А. Твардовском, используйте их в устном сообщении о писателе.

Прочитайте стихотворения А. Т. Твардовского. Определите тему каждого стихотворения и подготовьте одно из них к конкурсу чтецов «Поэзия Твардовского».

* * *

Снега потемнеют синие
Вдоль загородных дорог,
И воды зайдут низинами
В прозрачный ещё лесок,

Недвижной гладью прикинутся
И разом — в сырой ночи
В поход отовсюду ринутся,
Из русел выбив ручьи.

И, сонная, талая,
Земля обвянет едва,
Листву прошивая старую,
Пойдёт строчить трава,

И с ветром нежно-зелёная
Ольховая пыльца,
Из детских лет донесённая,
Как тень, коснётся лица.

И сердце почует заново,
Что свежесть поры любой
Не только была да канула,
А есть и будет с тобой.

* * *

Июль — макушка лета, —
Напомнила газета,
Но прежде всех газет —
Дневного убыль света;
Но прежде малой этой,
Скрытнейшей из примет, —
Ку-ку, ку-ку, — макушка, —
Отстукала кукушка
Прощальный свой привет.
А с липового цвета
Считай, что песня спета,
Считай, пол-лета нет, —
Июль — макушка лета.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. Т. Твардовский. «Июль — макушка лета...»

1. Как вы считаете, о чём это стихотворение — о времени года о жизни человека?

2. Какими средствами художественного чтения актёр вовлекает слушателя в сопереживание размышлениям поэта о скоротечности жизни, о том, что

«Считай, что песня слета,
Считай, пол-лета нет...»?

* * *

На дне моей жизни,
на самом доньшке
Захочется мне
посидеть на солнышке,
На тёплом пёнушке.

И чтобы листва
красовалась палая
В наклонных лучах
недалёкого вечера.
И пусть оно так,
что морока немалая —
Твой век целиком,
да об этом уж нечего.

Я думу свою
без помехи подслушаю,
Черту подведу
стариковскою палочкой:
Нет, всё-таки нет,
ничего, что по случаю
Я здесь побывал
и отметился галочкой.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. Т. Твардовский. «На дне моей жизни...»

Проследите за тем, как меняется настроение актёра, читающего стихотворение. Отметьте эти изменения, этапы развития эмоционального состояния. Составьте партитуру чувств, пережитых поэтом и актёром.

Обогащаем свою речь

Как вы понимаете строки из стихотворения А. Т. Твардовского: «И воды зайдут низинами...»; «Недвижной гладью прикинута...»; «Листву прошивая старую, / Пойдёт строчить трава...»; «Июль — макушка лета...»? Какие картины видятся при чтении этих строчек?

Творческое задание

Напишите сочинение-описание «В лесу весной», включив в него слова из стихотворения А. Т. Твардовского.

ЧАС МУЖЕСТВА

Интервью с участником
Великой Отечественной войны
Юрием Георгиевичем
Разумовским
о военной поэзии

Грянул год, пришёл черёд,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за всё на свете...

А. Твардовский

В далёкое прошлое уходят суровые годы Великой Отечественной войны, напоённые горем и страданиями миллионов людей. В наши дни можно часто услышать вопрос: «Зачем снова говорить о войне, после которой прошло более полувека?» Но правы ли мы будем, забыв об уроках войны, забыв о тех, кто погиб или был изувечен, защищая Родину? Правы ли мы будем, забыв об огромной роли писателей, помогавших бороться и побеждать?

Предлагаем вам интервью московских школьников **Маши Ш.** и **Димы Л.** с участником Великой Отечественной войны, поэтом, автором многих стихотворений о войне — **Юрием Георгиевичем Разумовским.**

М. Ш.¹ Какое стихотворение о войне вы более всего любите?

Ю. Г. На этот вопрос ответить однозначно нельзя. Дело в том, что многие стихи мне по-разному дороги и любимы. Да к тому же поэзия обладает очень интересным свойством: одни и те же стихи по-разному воспринимаются в разное время. У Юлии Друниной, которая прошла фронт в самом тяжком роде войск — в пехоте, есть стихи о её погибшей подруге. Стихи эти простые, но у меня проступили слёзы, когда я читал их в первый раз.

Есть одно военное стихотворение необычайной судьбы. Я имею в виду «Жди меня» Константина Симонова. Немудрёные,

¹ М. Ш. — Маша Ш.;

Ю. Г. — Юрий Георгиевич;

Д. Л. — Дима Л.

казалось бы, строчки в один день узнала вся страна. Они потрясли всех:

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет — повезло...

Это был крик души, но не одного поэта, а всего народа. На фронте эти стихи вырезали из газеты, переписывали и с ними шли в бой. В тылу женщины плакали над этими стихами. В то время всё было общим — страдание и горе, надежды и радости, вера в победу и недоумение, что враг так быстро продвигается в глубь нашей страны. В первых рядах бойцов была и поэзия. Вслушайтесь в суровую музыку стихотворения Анны Ахматовой «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

Это стихотворение я тоже люблю, но кроме него у меня ещё много любимых стихов, написанных разными поэтами...

М. Ш. А почему много?

Ю. Г. Потому что каждый поэт — это особый мир, особый взгляд на жизнь. В том числе и на войну. Когда множество не похожих друг на друга поэтов по-разному рассказывают о войне, то получается полная и объёмная картина. И ещё — всегда интересно увидеть то, чего не знаешь или не разглядел сам.

Д. Л. В те годы больше было поэм или стихотворений, баллад или песен?

Ю. Г. Были стихотворные произведения всевозможных жанров. Все они отражали чувства, настроения народа, бойцов, например: «Связист», «Песня смелых» А. Суркова, стихотворения «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...», «Сын артилле-

Плакат «Родина-мать зовёт!».
Художник И. Тондзе. 1941

риста» К. Симонова и «Баллада о красноармейце Дёмине» А. Прокофьева, «Машинист» И. Уткина, «Разговор с соседкой» О. Берггольц и «Песня о Днепре» Е. Долматовского, «До свиданья, города и хаты» М. Исаковского, «Баллада о мальчике» И. Сельвинского и поэма П. Антокольского «Сын», стихотворение П. Шубина «Шофёр», «Баллада об одиночестве» С. Гудзенко и многие другие. Но, конечно, стихотворения и песни, как наиболее простые жанры, были нашим главным, говоря по-военному, «оперативным оружием».

М. Ш. С первых дней и до конца войны был на фронте Александр Трифонович Твардовский. По мнению литературоведов, критиков, его стихотворение «Я убит подо Ржевом» можно считать первым памятником Неизвестному солдату, первым

в его честь зажжённым вечным огнём. Как вы относитесь к его стихотворениям и поэмам?

Ю. Г. Стихотворения и поэмы Александра Твардовского, безусловно, занимают в поэзии о войне особое место. Поэма «Василий Тёркин» — это энциклопедия Великой Отечественной войны. Тут и страшное лицо войны, и обыкновенный немудрёный её быт, тут сама жизнь, где рядом и героические подвиги, и обыденные поступки, тут и раздумье поэта, где переплелись и народная мудрость, и лукавая прибаутка, и глубокая мысль. Тут, наконец, рядом, казалось бы, несовместимое — кровь и слёзы, шутка и смех. И всё это написано простым и при этом ярким, образным языком.

М. Ш. Во многих стихотворениях и песнях тех лет звучит горечь утрат. Вспомним, например, стихотворение-песню Евгения Винокурова «Москвичи». Словно видим картину одиноких матерей, не дождавшихся своих сыновей:

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.

Свет лампы воспалённой
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Вот вы назвали стихотворение Юлии Друниной о погибшей подруге, но есть и другое стихотворение, в котором она пишет, как страшна война:

Я только раз видала рукопашный.
Раз наяву и тысячи во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне...

Ю. Г. Конечно, о войне знают лучше те, кто был на поле боя. Писатель-фронтовик замечает то, что видит не каждый солдат. А это те существенные мелочи, из которых складыва-

ется яркая картина времени и событий... Послушайте стихотворение Юрия Белаша «Под пулемётным огнём».

Из чёрной щели амбразуры —
из перекошенного рта —
по нас,
по полю,
по лазури —
«та-та-та-та!», «та-та-та-та!..».
А мы лежим и хрипло дышим,
уткнувшись касками в траву,
и пули — спинами мы слышим —
у ног тугую землю рвут.
И страшно даже шевельнуться
под этим стелющим огнём...

Я помню наизусть многие его стихи, но просто невозможно прочитать их все. Я только перечислю некоторые из тех, которые мне особенно дороги: «Штыковой бой», «Оглохшая пехота» и многие другие. Если вам попадётся его книга «Окопная земля», прочитайте её, и вы получите более полное представление о войне. И всё же во время войны писали не только о сражениях. Солдаты тянулись к душевному теплу, к лирическим исповедальным стихотворениям. Например, очень известным было стихотворение Константина Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...». В нём слышится и сострадание, и сочувствие, и нежность ко всем переживающим страшные годы войны. Здесь каждая строчка — картина:

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слёзы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!» —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась...

Такие стихотворения поддерживали не только воинов, но и их родных. Ольга Берггольц в стихотворении «Твой путь» говорит о силе любви, которая сильнее ненависти, войны и смерти...

Что может враг? Разрушить и убить.
И только-то?
А я могу любить,
а мне не счесть души моей богатства,
а я затем хочу и буду жить,
чтоб всю её как дань¹ людскому братству
на жертвенник² всемирный положить...

Очень скоро стихотворения о любви, полные человечности, душевной теплоты, превращались в песни и ещё скорее облетали всю страну.

М. Ш. Какое из ваших стихотворений вы выбрали бы для чтения в школе сегодня?

Ю. Г. Мне хотелось бы прочитать «Балладу о трёх шагах», «Балладу о бомбёжке» и т. п. Но я прочитаю стихотворение «Я обращаюсь к молодым», потому что оно о тяжком бое, о солдатском долге, о смысле жизни. Я написал его в год 20-летия Победы и обращался к призывникам — ровесникам Победы. Послушайте его.

Я помню этот тяжкий бой:
В ту ночь два раненых солдата
Бежали тайно из санбата
К себе домой — к передовой.
Всю ночь гремел железный гром,
А утром тех солдат убило,
И рота их похоронила
На высоте, в песке сыром.
А вы, в невинной простоте,
Поёте в тишине негромко
О «безымянной высоте
У незнакомого посёлка».
Я нюхал тех сражений дым,
Я видел слева смерть и справа,
И это всё даёт мне право —

¹ *Дань* — здесь: отдать должное, долг. В старину дань — налог, взимавшийся победителем с побеждённого народа.

² *Жертвенник* — в старину место, на котором приносились жертвы.

Я обращаюсь к молодым:
— Мальчишки, вам по двадцать лет
И вы — ровесники Победы,
Но смысл её — не в трубной меди,
Поверьте мне, не в этом. Нет!
Петь можно и о высоте,
О том, как падает ракета,
Но надо быть — на высоте,
Когда понадобится это...

В этом стихотворении я имел в виду высоту духа, моральную высоту, о которой необходимо помнить всегда, в любом возрасте и в любое время.

Д. Л. Сейчас мы всё чаще слышим, что народы не хотят войны.

Ю. Г. Конечно, не хотят. И даже в дни войны стихи были проникнуты не только чувством гнева, но и чувством острого сострадания. Вот почему так часто вспоминается во всех публикациях и стихотворение Твардовского «Я убит подо Ржевом», и слова другого короткого его стихотворения — как бы призывающего каждого из нас быть готовым к ответу перед собственной совестью:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

М. Ш. Юрий Георгиевич! Мне кажется, что не случайно молодёжь всё чаще включает в свои выступления и концерты стихотворения и песни о войне, о памяти и совести, которые проверялись в жестокие годы военных лет. Например, различные стихотворения Анатолия Жигулина и Владимира Высоцкого, но одинаково скорбная нота в них о павших бойцах.

Из стихотворения «Калина» А. Жигулина:

...Окопы старые
Закрыты пашнями.
Осколки острые
Давно поржавели.

Но память полнится
Друзьями павшими,
И сны тревожные
Нас не оставили...

и слова Владимира Высоцкого из стихотворения «Братские могилы»:

У братских могил нет заплаканных вдов, —
Сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче?..

Д. Л. А каково значение этих стихов о войне в наше мирное время?

Ю. Г. Особое свойство художественной литературы заключается в том, что мы, читая, сопереживаем героям, сравниваем себя с ними, «примериваем» на себя их жизнь, задаёмся вопросом: «Как бы я поступил в подобном случае?» В этом смысле стихи о войне — это школа мужества. И вам легко поставить себя на место этих людей: они — почти ваши ровесники, ведь они уходили на фронт со школьной скамьи. А некоторые из них в полном смысле — ваши ровесники — я имею в виду сыновей полка.

Кроме того, война, как всякое трагическое событие, создаёт такие невероятные ситуации, которые требуют необычайно ответственных решений. Это колоссальное испытание, испытание силы духа, нравственности, совести. А значит, эта поэзия несёт в себе нравственное начало. Мы лучше осознаём историю через искусство и литературу.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. А. Ахматова. «Мужество»

1. Как бы вы определили интонацию, с которой актриса читает стихотворение Ахматовой, — суровая, мужественная, скорбная, торжественная, величественная, призывная? Подберите наиболее точные, по вашему мнению, эпитеты. Обоснуйте свой выбор в развёрнутом устном ответе.
2. Стихотворение напоминает и по форме, и по содержанию воинскую клятву, но в воинской клятве, присяге звучат слова о защите родной

страны, в стихотворении же поэт клянётся сохранить «великое русское слово». Равнозначны ли эти понятия?

3. Выучите стихотворение наизусть, подготовьте его выразительное чтение.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСНИ

Е. М. Винокуров. «Москвичи»
Песня на стихи Е. М. Винокурова «Москвичи».
Музыка А. Эшпая

В чтении актрисы мы слышим суровые ноты, голос человека, пережившего трагедию войны, горькие, скорбные интонации. Сравните актёрское чтение с исполнением песни. Какие эпитеты вы выбрали бы для характеристики эмоционального содержания песни?

Творческое задание

1. Какая информация в интервью оказалась для вас новой? Попробуйте сами сформулировать вопросы о литературе военных лет, попросив ответить на них ваших родственников, друзей или подготовьте интервью с участником Великой Отечественной войны.

Свои вопросы подтвердите стихотворениями о войне наиболее любимых вами поэтов.

2. Как вы думаете, чем помогла людям поэзия и проза на фронте и в тылу? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос, включите в него воспоминания людей старшего поколения.

Совершенствуем свою речь

Как вы понимаете следующие строки?

Грянул год, пришёл черёд,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за всё на свете.

(А. Твардовский)

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

(А. Ахматова)

Я только раз видала рукопашный.
Раз наяву и тысячи во сне.
(Ю. Друнина)

Проект

Составьте программу вечера, посвящённого произведениям о войне, подготовьте и проведите его в классе.

Продумайте оформление вечера, напишите сценарий, включите песни, популярные в годы Великой Отечественной войны, в текст литературно-музыкальной композиции.

Фёдор Александрович АБРАМОВ

1920—1983

Ф. А. Абрамов — автор романов, повестей, рассказов, главным образом о жизни деревни. Самое известное произведение Абрамова — тетралогия «Братья и сёстры» (другое название — «Пряслины»). Писатель показывает, как в борьбе с суровыми природными условиями, с нечестными людьми, любящими лёгкую наживу, и в единстве с трудовым народом выковывается стойкий, мужественный, воистину народный характер главного героя, сына погибшего фронтовика, Михаила Пряслина.

Фёдор Абрамов ушёл на фронт добровольцем с 3-го курса Ленинградского университета. Был тяжело ранен в бою. После войны закончил университет и аспирантуру, стал преподавателем, а затем заведующим кафедрой литературы. Но никогда не забывал родную деревню.

Произведения Абрамова проникнуты не только уважением к человеку-труженику, но и любовью ко всему живому.

«В последние годы мне часто приходится слышать от самых разных людей — читателей, друзей, критиков: как не хватает Фёдора Абрамова, его время наступило, сколько он мог бы ещё сказать сегодня... — пишет его жена Л. Крутикова-Абрамова. — Бесспорной истиной стали уже слова, повторяемые в печати, что Абрамов, как и многие его современники (В. Овечкин, А. Твардовский, А. Яшин, В. Тендряков, Ю. Трифонов, В. Шукшин), подготавливал своими книгами и судьбой нынешние перемены. Фёдора Александровича всегда волновали острейшие проблемы времени. Он многое прозревал, о многом говорил раньше и смелее других, зачастую подвергался за это разносной и проработочной критике. „Меня били! Крепко били, — говорил он. — Но те произведения, за которые меня били, — проходили годы,

проходило время — и их причисляли к положительным явлениям советской литературы“. Так было с повестью „Вокруг да около“, с романами „Две зимы и три лета“, „Пути-перепутья“, „Дом“, с повестью „Пелагея“. А многие произведения вообще не могли увидеть свет при жизни. Лучший его рассказ — „Старухи“, который побывал во многих редакциях журналов и который все хвалили, пролежал в столе восемнадцать лет. Он был опубликован только в 1987 году журналом „Наш современник“. Но ничто не могло сломить волю и свободомыслие Абрамова. Он был человеком, жадно влюблённым в жизнь, в работу, в слово. Он был неустанным тружеником и подвижником-работборцем, воителем за правду и справедливость».

Проверьте себя

Какова главная тема произведений Ф. А. Абрамова?

О чём плачут лошади

Всякий раз, когда я спускался с деревенского угора на луг, я как бы вновь и вновь попадал в своё далёкое детство — в мир пахучих трав, стрекоз и бабочек и, конечно же, в мир лошадей, которые паслись на привязи, каждая возле своего кола.

Я частенько брал с собой хлеб и подкармливал лошадей, а если не случалось хлеба, я всё равно останавливался возле них, дружелюбно похлопывал по спине, по шее, подбадривал ласковым словом, трепал по тёплым бархатным губам и потом долго, чуть не весь день, ощущал на своей ладони ни с чем не сравнимый конский душок.

Самые сложные, самые разноречивые чувства вызывали у меня эти лошади.

Они волновали, радовали моё крестьянское сердце, придавали пустынному лугу с редкими кочками и кустиками ивняка свою особую — лошадиную — красоту, и я мог не минутами, а часами смотреть на этих добрых и умных животных, вслушиваться в их однообразное похрустывание, изредка прерываемое то недовольным пофыркиванием, то коротким всхрапом — пыльная или несъедобная травка попалась.

Но чаще всего лошади вызывали у меня чувство жалости и даже какой-то непонятной вины перед ними. Конюх Миколка, вечно пьяный, иногда и день и ночь не заявлялся к ним, и вокруг кола не то что трава — дернина была изгрызена и выбита дочерна. Они постоянно томилась, умирали от жажды, их донимал гнус, а в затишные вечера серым облаком, тучей клубился над ними комар и мошкара.

В общем, что говорить, — нелегко жилось беднякам. И потому-то я как мог пытался скрасить, облегчить их долю. Да и не только я. Редкая старушонка, редкая баба, оказавшись на лугу, проходила мимо безучастно.

На этот раз я не шёл — бежал к лошадям, ибо кого же я увидел сегодня среди них? Свою любимицу Клару, или Рыжуху, как я называл её запросто, по-бывалошному, по обычаю тех времён, когда ещё не было ни Громов, ни Идей, ни Побед, ни Ударников, ни Звёзд, а были Карьки и Карюхи, Воронки и Воронухи, Гнедки и Гнедухи — обычные лошади с обычными лошадиными именами¹.

Рыжуха была тех же стáтей и тех же кровей, что и остальные кобылы и мерины. Из породы так называемых мёзенков, лошадок некрупных, неказистых, но очень выносливых и неприхотливых, хорошо приспособленных к тяжёлым условиям Севера. И доставалось Рыжухе не меньше, чем её подругам и товарищам. В четыре-пять лет у неё уже была сбита спина под седёлкой, заметно отвисло брюхо и даже вены начинали пухнуть.

И всё-таки Рыжуха выгодно выделялась среди своих сородичей.

На некоторых из них просто мочи не было смотреть. Какие-то неряшливые, опустившиеся, с невылинялой, клочкастой шкурой, с гноящимися глазами, с какой-то тупой покорностью и обречённостью во взгляде, во всей понурой, сгорбленной фигуре.

А Рыжуха — нет. Рыжуха была кобылка чистая, да к тому же ещё сохранила свой весёлый, неунывающий характер, нервность молодости. Обычно, завидев меня, спускающегося с угора, она вся подбиралась, вытягива-

¹ Автор пишет о конце 30-х годов, когда основной рабочей силой на селе стал уже не конь, а трактор и о лошадях стали меньше заботиться.

лась в струнку, подавала свой звонкий голос, а иногда широко, насколько позволяла верёвка, обегала вокруг кола, то есть совершала, как я называл это, свой ответственный круг радости.

Сегодня Рыжуха при моём приближении не выказала ни малейшего воодушевления. Стояла возле кола неподвижно, окаменело, истово, как умеют стоять только лошади, и ничем, решительно ничем не отличалась от остальных кобыл и коней.

«Да что с ней? — с тревогой подумал я. — Больна? Забыла меня за это время?» (Рыжуха две недели была на дальнем сенокосе.)

Я на ходу стал отламывать от буханки большой кусок — с этого, с подкормки, началась наша дружба, но тут кобыла и вовсе озадачила меня: она отвернула голову в сторону.

— Рыжуха, Рыжуха... Да это же я... я...

Я схватил её за густую с проседью чёлку, которую сам же и подстриг недели три назад — напрочь забивала глаза, — притянул к себе. И что же я увидел? Слёзы. Большие, с добрую фасолину, лошадиные слёзы.

— Рыжуха, Рыжуха, да что с тобой?

Рыжуха молча продолжала плакать.

— Ну, хорошо, у тебя горе, у тебя беда. Но ты можешь сказать, в чём дело?

— У нас тут спор один был...

— У кого — у нас?

— У нас, у лошадей.

— У вас спор? — удивился я. — О чём?

— О лошадиной жизни. Я им сказала, что были времена, когда нас, лошадей, жалели и берегли пуще всего на свете, а они подняли меня на смех, стали издеваться надо мной... — и тут Рыжуха опять расплакалась.

Я насилу успокоил её. И вот что в конце концов рассказала она мне.

На дальнем покосе, с которого только что вернулась Рыжуха, она познакомилась с одной старой кобылой, с которой на пару ходила в конной косилке. И вот эта старая кобыла, когда им становилось совсем невмоготу (а работа там была каторжная, на износ), начинала подбадривать её своими песнями.

— Я в жизни ничего подобного не слыхала, — говорила Рыжуха. — Из этих песен я узнала, что были времена, когда нас, лошадей, называли кормильцами, холили и ласкали, украшали лентами. И когда я слушала эти песни, я забывала про жару, про оводов, про удары ремёнки, которой то и дело лупил нас злой мужик. И мне легче, ей-богу, легче было тащить тяжёлую косилку. Я спрашивала Забаву, — так звали старую кобылу, — не утешает ли она меня? Не сама ли она придумала все эти красивые песни про лошадиное беспечальное житьё? Но она меня уверяла, что всё это правда и что эти песни певала ей ещё мать. Певала, когда она была сосунком. А мать их слышала от своей матери. И так эти песни про счастливые лошадиные времена из поколения в поколение передавались в ихнем роду.

— И вот, — заключила свой рассказ Рыжуха, — сегодня утром, как только нас вывели на луг, я начала петь песни старой кобылы своим товаркам и товарищам, а они закричали в один голос: «Враньё всё это, брехня! Замолчи! Не растравляй нам душу. И так тошно».

Рыжуха с надеждой, с мольбой подняла ко мне свои огромные, всё ещё мокрые, печальные глаза, в фиолетовой глубине которых я вдруг увидел себя — маленького, крохотного человечка.

— Скажите мне... Вы человек, вы всё знаете, вы из тех, кто всю жизнь командует нами... Скажите, были такие времена, когда нам, лошадям, жилось хорошо? Не соврала мне старая кобыла? Не обманула?

Я не выдержал прямого, вопрошающего взгляда Рыжухи. Я отвёл глаза в сторону, и тут мне показалось, что отовсюду, со всех сторон, на меня смотрят большие и пытливые лошадиные глаза. Неужели то, о чём спрашивала меня Рыжуха, занимало и других лошадей? Во всяком случае, обычного хруста, который всегда слышится на лугу, не было.

Не знаю, сколько продолжалась для меня эта молчаливая пытка на зелёной луговине под горой, — может, минуту, может, десять минут, может, час, — но я взмок с головы до ног.

Всё, всё правильно говорила старая кобыла, ничего не соврала. Были, были такие времена, и были ещё недавно,

на моей памяти, когда лошадью дышали и жили, когда ей скармливали самый лакомый кусок, а то и последнюю краюху хлеба — мы-то как-нибудь выдюжим, мы-то и с голодным брюхом промаемся до утра. Нам не привыкать. А что делалось по вечерам, когда наработавшаяся за день лошадка входила в свой заулочек! Вся семья, от мала до велика, выбегала встречать её, и сколько же ласковых, сколько благодарных слов выслушивала она, с какой любовью распрягали её, выхаживали, водили на водопой, скребли, чистили! А сколько раз за ночь поднимались хозяева, чтобы проведать своё сокровище!

Да, да, сокровище. Главная опора и надежда всей крестьянской жизни, потому как без лошади — никуда: ни в поле выехать, ни в лес. Да и не погулять как следует.

Полвека прожил я на белом свете и чудес, как говорится, повидал немало — и своих и заморских, а нет, русские гулянья на лошадях о Масленице¹ сравнить не с чем.

Всё преображалось как в сказке. Преображались мужики и парни — чёртом выгибались на лёгких расписных санках с железными подрезами, — преображались лошади. Эх, гулюшки, эх, родимые! Не подкачайте! Потешьте сердце молодецкое. Раздуйте метель-огонь на всю улицу!

И лошади раздували. Радугами плясали в зимнем воздухе цветастые, узорчатые дуги, июльский жар несло от медных начищенных сбруй, и колокольцы, колокольцы — услада русской души...

Первая игрушка крестьянского сына — деревянный конь. Конь смотрел на ребёнка с крыши родного, отцовского дома, про коня-богатыря, про сивку-бурку пела и рассказывала мать, конём украшал он, подростки, прялку для своей суженой², коню молился... И конской подковой — знаком долгожданного мужицкого счастья — встречало тебя почти каждое крыльцо. Всё — конь, всё — от коня: вся жизнь крестьянская с рождения до смерти...

Ну и что же удивительного, что из-за коня, из-за кобылы вскипали все главные страсти в первые колхозные годы!

¹ *Масленица* — старинный славянский праздник проводов зимы, во время которого пекут блины и устраивают увеселения.

² *Суженая* — в народной поэзии — невеста.

У конюшни толкались, митинговали с утра до ночи — так выясняли свои отношения. Сбил у воронка холку, не напоил Гнедуху вовремя, навалил слишком большой воз, слишком быстро гнал Чалого, и вот уж крик, вот уж кулаком в рыло заехали.

Э-э, да что толковать о хозяевах, о мужиках, которые всю жизнь кормились от лошади!

Я, отрезанный ломоть, студент университета, ещё накануне войны не мог спокойно пройти мимо своего Карька, который когда-то как солнце освещал всю жизнь нашей многодетной, рано осиротевшей семьи. И даже война не вытравивала во мне память о родном коне.

Помню, в сорок седьмом вернулся в деревню. Голод, разор, запустение, каждый дом рыдает по невернувшимся с войны. А стоило мне увидеть первую лошадь, и на мысли пришёл Карько.

— Нету вашего Карька, — ответил мне конюх-старик. — На лесном фронте Богу душу отдал. Ты думаешь, только люди в эту войну воевали? Нет, лошади тоже победу ковали, да ещё как...

В каждом из нас, должно быть, живёт пушкинский вещей Олег, и года три назад, когда мне довелось быть в Россохах, где когда-то в войну шла заготовка леса, я попытался разыскать останки своего коня.

Лесопункта давно уже не было. Старые бараки, кое-как слепленные когда-то стариками да мальчишками, развалились, заросли крапивой, а на месте катища, там, где земля была щедро удобрена перегнившей щепой и корой, вымахали густые заросли розового иван-чая.

Я побродил возле этих зарослей, в двух-трёх местах даже проложил через них тропу, но останков никаких не нашёл...

...Рыжуха всё так же, с надеждой, с мольбой смотрела на меня. И смотрели другие лошади. И казалось, всё пространство на лугу, под горой — сплошь одни лошадиные глаза. Все, и живые, на привязи, и те, которых давно уже не было, — всё лошадиное царство, живое и мёртвое, вопрошало сейчас меня.

А я вдруг напустил на себя бесшабашную удаль и воскликнул:

— Ну, ну, хватит киснуть! Хватит забивать себе голову всякой ерундой! Давайте лучше грызть хлеб, пока грызётся.

И вслед за тем, избегая глядеть в глаза Рыжухе, я торопливо бросил на луг, напротив её вытянутой морды, давно приготовленный кусок хлеба, потом быстро оделил хлебом других лошадей и с той же разудалой бесшабашностью театрально вскинул руку:

— Покель! В этом деле без банки нам всё равно не разобраться... — И, глубоко сунув руки в карманы модных джинсов, быстрой, развязной походкой двинулся к реке.

А что я мог ответить этим бедолагам? Сказать, что старая кобыла ничего не выдумала, что были у лошадей счастливые времена?

Я пересёк пересохшее озеро, вышел на старую, сохранившуюся ещё от доколхозных времён межу, которая всегда радовала меня своим буйным разнотравьем.

Но я ничего не видел сейчас.

Всё моё существо, весь мой слух были обращены назад, к лошадям. Я ждал, каждым своим нервом ждал, когда же начнут они грызть хлеб, с обычным лошадиным хрустом и хрумканьем стричь траву на лугу.

Ни малейшего звука не доносилось оттуда.

И тогда я вдруг стал понимать, что я совершил что-то непоправимое, страшное, что я обманул Рыжуху, обманул всех этих несчастных кляч и доходяг и что никогда, никогда уже у меня с Рыжухой не будет той искренности и того доверия, которые были до сих пор.

И тоска, тяжёлая лошадиная тоска навалилась на меня, пригнула к земле. И вскоре я уже сам казался себе каким-то нелепым, отжившим существом. Существом из той же лошадиной породы...

Проверьте себя

1. Почему лошади вызывали такое острое чувство жалости у автора? Какую роль в повествовании играет описание лошади?
2. Как объяснить название рассказа и слова: «В каждом из нас, должно быть, живёт пушкинский вещий Олег...»? В чём рассказчик обманул Рыжуху?

3. Какие раздумья вызвал у вас рассказ? В какой мере он обращён ко всем нам?

Совершенствуем свою речь

1. Как вы понимаете словосочетания: *самые сложные, самые разноречивые чувства, я называл её запросто, по-бывалошному, по обычаю тех времён, выносливых и неприхотливых, в затишные вечера, неказистый, мочи не было смотреть, на износ, неспособность, услада русской души?* Подготовьте пересказ, включив в него эти словосочетания.
2. Какими словами заканчивается рассказ? Почему на рассказчика навалилась «лошадиная тоска»? Что хотел сказать автор этой концовкой?
3. Объясните значение слов и словосочетаний, подберите к ним синонимы: *мольба, хватит киснуть, нелепый, доходяга, беспечальное житьё, бедолага.*

Евгений Иванович НОСОВ

1925—2002

Евгений Иванович Носов принадлежит к поколению, которое пришло в литературу, опалённое огнём войны.

И. Баскевич

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Я родился студёным январским вечером 1925 года в тускло освещённой избе своего деда. Село Толмачёво раскинулось вдоль речки Сейм, в водах которой по вечерам отражались огни недалёкого города Курска, высоко вознёсшегося своими холмами и соборами. Курск знаменит ещё с давних веков. «А мои куряне — хоробрые воины, — говаривал Всеволод своему брату князю Игорю в эпической поэме „Слово о полку Игореве“, — под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены». Далее по реке Сейм стоят древние города-содруги Рылъск и Путивль. Все они старше Москвы и рублены ещё Киевской Русью.

А из другого деревенского окна виделись мне просторный луг, весной заливаемый половодьем, и таинственный лес за ним, и ещё более далёкие паровозные дымы за лесом, всегда манявшие меня в дорогу, которой и оказалась потом литература — главная стезя моей жизни.

За исключением Октябрьской революции, Гражданской войны и первых послевоенных лет разрухи, на моих глазах проходили все остальные этапы нашей истории. Детство всегда впечатлительно, и я до сих пор отчётливо помню, как в Толмачёво нагрянула коллективизация, как шумели сходки, горюнились забегавшие к нам бабы-соседки и как всё ходил и ходил по двору озабоченный дед, заглядывал то в амбар, то в стойло к лошади, которую вскоре всё-таки отвёл на общее подворье вместе с телегой и упряжью. На рубеже тридцатых годов отец с матерью поступили на Курский машиностроитель-

ный завод, и я стал городским жителем. Отец освоил дело котельщика, клепал котлы и железные мосты первых пятилеток, а мать стала ситопробойщицей, и я её помню уже без деревенской косы, коротко подстриженной, в красной сатиновой косынке. Об этом периоде моей жизни можно прочитать в повести «Не имей десять рублей», а также в рассказах «Мост» и «Дом за триумфальной аркой».

Жилось тогда трудно, особенно в 1932—1933 годах, когда в стране были введены карточки и мы, рабочая детвора, подпитывали себя едва завязавшимися яблоками, цветами акации, стручками вики, которую утаскивали у лошадей на городском базаре. В 1932 году я пошёл в школу, где нас, малышей, подкармливали жиденьким кулешом и давали по ломтику грубого чёрного хлеба. Но мы в общем-то не особенно унывали. Став постарше, бегали в библиотеку за «Томом Сойером» и «Островом сокровищ», клеили планёры и коробчатые змеи, много спорили и мечтали.

А между тем исподволь подкрадывалась Вторая мировая война. Я учился уже в пятом классе, когда впервые увидел смуглых черноглазых ребятишек, прибывших к нам в страну из сражающейся республиканской Испании. В 1939 году война полыхала уже в самом центре Европы, а в сорок первом её огненный вал обрушился и на наши рубежи.

На фронте мне выпала тяжкая доля противотанкового артиллериста. Это постоянная дуэль с танками — кто кого... Или ты его, или, если промазал, он — тебя... Уже в конце войны, в Восточной Пруссии, немецкий «фердинанд» всё-таки поймал наше орудие в прицел, и я полгода провалялся в госпитале в гипсовом панцире.

К сентябрю 1945 года врачи кое-как заштопали меня, и я вернулся в школу, чтобы продолжить прерванную учёбу. На занятия я ходил в гимнастёрке (другой одежды не было), при орденах и медалях. Поначалу меня принимали за нового учителя, и школьники почтительно здоровались со мной — ведь я был старше многих из них на целую войну.

Закончив школу, я уехал в Казахстан, где много лет, так же как потом в Курске, работал в газете. Корреспондентские поездки позволили накопить обширные жизненные впечатления, которые безотказно питали и по сей день питают моё писательское вдохновение. Много даёт мне и постоянное общение с природой: я заядлый рыбак, любитель ночёвок у костра, на-

перечёт знаю почти все курские травы. Моей неизменной темой по-прежнему остаётся жизнь простого деревенского человека, его нравственные истоки, отношение к земле, природе и ко всему современному бытию.

Проверьте себя

Что питает «писательское вдохновение» и что является «неизменной темой» писателя Е. И. Носова? Расскажите об этом.

Творческое задание

Используя материалы автобиографии Е. И. Носова и словаря «Русские писатели. XX век», подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве писателя.

Кукла¹

Теперь уже редко бываю в тех местах: занесло, затянуло, заилило, забило песком последние сеймские омуты.

Вот, говорят, раньше реки были глубже...

Зачем же далеко в историю забираться? В не так далёкое время любил я наведываться под Липино, верстах в двадцати пяти от дома. В самый раз против древнего обезглавленного кургана, над которым в знойные дни завсегда парили коршуны, была одна заветная яма. В этом месте река, упёршись в несокрушимую девонскую глину, делает поворот с таким норовом, что начинает крутить целиком весь омут, создавая обратнокруговое течение. Часами здесь кружат, никак не могут вырваться на вольную воду щепы, водоросли, торчащие горлышком вверх бутылки, обломки вездесущего пенопласта, и днём и ночью урчат, булькают и всхлипывают страшноватые воронки, которых избегают даже гуси. Ну а ночью у омула и вовсе не по себе, когда вдруг гулко, тяжело обрушится подмытый берег или полоснёт по воде плоским хвостом, будто доской, поднявшийся из ямы матёрый хозяин-сом.

¹ В первых публикациях рассказ назывался «Акимыч», в более поздних — «Кукла».

Как-то застал я перевозчика Акимыча возле своего шалаша за тайным рыбацким делом. Приладив на носу очки, он сосредоточенно выдирал золотистый корд из обрезка приводного ремня — замышлял перемёт. И всё крушался: нет у него подходящих крючков.

Я порылся в своих припасах, отобрал самых лихих, гнутых из воронёной двухмиллиметровой проволоки, которые когда-то приобрёл просто так, для экзотики, и высыпал их в Акимычеву фуражку. Тот взял один непослушными, задубелыми пальцами, повертел перед очками и насмешливо посмотрел на меня, сощутив один глаз:

— А я думал, и вправду крюк. Придётся в кузне заказывать. А эти убери со смеху.

Не знаю, заловил ли Акимыч хозяина Липиной ямы, потому что потом по разным причинам образовался у меня перерыв, не стал я ездить в те места. Лишь спустя несколько лет довелось, наконец, проведать старые свои сижы.

Поехал и не узнал реки.

Русло сузилось, затравенело, чистые пески на излучинах затянуло дурнишником и жёстким белокопытником, объявилось много незнакомых мелей и кос. Не стало приглубых тягунов-быстрин, где прежде на вечерней зорьке буравили речную гладь литые, забронзовелые язи. Бывало, готовишь снасть для проводки, а пальцы никак не могут попасть лесой в колечко — такой охватывает азартный озноб при виде крутых, беззвучно расходящихся кругов... Ныне всё это язевое приволье оцетинилось кугой¹ и пиками стрелолиста, а всюду, где пока свободно от трав, прёт чёрная донная тина, раздобревшая от избытка удобрений, сносимых дождями с полей.

«Ну уж, — думаю, — с Липиной ямой ничего не случилось. Что может статься с такой пучиной!» Подхожу и не верю глазам: там, где когда-то страшно крутило и водоворотило, горбом выпер грязный серый меляк, похожий на большую околевшую рыбину, и на том меляке — старый гусак. Стоял он этак небрежно, на одной лапе, охорашиваясь, клювом изгоняя блох из-под оттопыренного крыла. И невдомёк глупому, что ещё недавно

¹ Кугд (или осока) — болотное растение.

под ним было шесть-семь метров чёрной кипучей глубины, которую он же сам, возглавляя выводок, боязливо оплывал стороной.

Глядя на зарастающую реку, едва сочившуюся при-
смирившей водицей, Акимыч горестно отмахнулся:

— И даже удочек не разматывай! Не трави душу. Не стало делов, Иваныч, не стало!

Вскоре не стало на Сейме и самого Акимыча, избыл его старый речной перевоз...

На берегу, в тростниковом шалаше, мне не раз доводилось коротать летние ночи. Тогда же выяснилось, что мы с Акимычем, оказывается, воевали в одной и той же горбатовской третьей армии, участвовали в «Багратионе», вместе ликвидировали Бобруйский, а затем и Минский котлы, брали одни и те же белорусские и польские города. И даже выбыли из войны в одном и том же месяце. Правда, госпиталя нам выпали разные: я попал в Серпухов, а он — в Углич.

Ранило Акимыча бескровно, но тяжело: дальнобойным фугасом завалило в окопе и контузило так, что и теперь, спустя десятилетия, разволновавшись, он внезапно утрачивал дар речи, язык его будто намертво заклинивало, и Акимыч, побледнев, умолкал, мучительно, вытаращенно глядя на собеседника и беспомощно вытянув губы трубочкой. Так длилось несколько минут, после чего он глубоко, шумно вздыхал, поднимая при этом острые, худые плечи, и холодный пот осыпал его измученное немотой и окаменелостью лицо.

«Уж не помер ли?» — нехорошо сжалось во мне, когда я набрёл на обгорелые останки Акимычева шалаша.

Ан нет! Прошлой осенью иду по селу, мимо новенькой белокирпичной школы, так ладно занявшей зелёный взгорок над Сеймом, гляжу, а навстречу — Акимыч! Торопко гукает кирзачами, картузик, телогреечка внапашку, на плече — лопата.

— Здорово, друг сердечный! — раскинул я руки, преграждая ему путь.

Акимыч, бледный, с мучительно одеревеневшими губами, казалось, не признал меня вовсе. Видно, его что-то вывело из себя и, как всегда в таких случаях, намертво заклинило.

— Ты куда пропал-то?! Не видно на реке.

Акимыч вытянул губы трубочкой, сисясь что-то сказать.

— Гляжу, шалаш твой сожгли.

Вместо ответа он повертел указательным пальцем у виска, мол, на это большого ума не надо.

— Так ты где сейчас, не пойму?

Всё ещё не приходя в себя, Акимыч кивнул головой в сторону школы.

— Ясно теперь. Сторожишь, садовничаешь. А с лопатой куда?

— А-а? — вырвалось у него, и он досадливо сунул плечом, порываясь идти.

Мы пошли мимо школьной ограды по дороге, обсаженной старыми ивами, уже охваченными осенней позолотой. В природе было ещё солнечно, тепло и даже празднично, как иногда бывает в начале погожего октября, когда доцветают последние звёздочки цикория и ещё шарят по запоздалым шапкам татарника чёрно-бархатные шмели. А воздух уже остёр и крепок и дали ясны и открыты до беспредельности.

Прямо от школьной ограды, вернее, от проходящей мимо неё дороги, начиналась речная луговина, ещё полетнему зелёная, с белыми вкраплениями тысячелистника, гусятных перьев и каких-то луговых грибов. И только вблизи придорожных ив луг был усыпан палым листом, узким и длинным, похожим на нашу сеймскую рыбку-верховку. А из-за ограды тянуло влажной перекопанной землёй и хмельной яблочной прелью. Где-то там, за молодыми яблонями, должно быть, на спортивной площадке, раздавались хлёткие шлепки по волейбольному мячу, иногда сопровождаемые всплесками торжествующих, одобрительных ребячьих вскриков, и эти молодые голоса под безоблачным сельским полднем тоже создавали ощущение праздничности и радости бытия.

Всё это время Акимыч шёл впереди меня молча и споро, лишь когда минули угол ограды, он остановился и сдавленно обронил:

— Вот, гляди...

В грязном придорожном кювете валялась кукла. Она лежала навзничь, раскинув руки и ноги. Большая и всё

«Кукла». Художник И. Пчелко

ещё миловидная лицом, с лёгкой, едва обозначенной улыбкой на припухлых по-детски губах. Но светлые шелковистые волосы на голове были местами обожжены, глаза выдавлены, а на месте носа зияла дыра, прожжённая, должно быть, сигаретой. Кто-то сорвал с неё платье, а голубенькие трусики сдёрнул до самых башмаков, и то место, которое прежде закрывалось ими, тоже было истыкано сигаретой.

— Это чья же работа?

— Кто ж их знает... — не сразу ответил Акимыч, всё ещё сокрушённо глядя на куклу, над которой кто-то так цинично и жестоко глумился. — Нынче трудно на кого думать. Многие притерпелись к худу и не видят, как сами худое творят. А от них дети того набираются. С куклой это не первый случай. Езжу я и в район, и в область и

вижу: то тут, то там — под забором ли, в мусорной куче — выброшенные куклы валяются. Которые целиком прямо, в платье, с бантом в волосах, а бывает, — без головы или без обеих ног... Так мне нехорошо видеть это! Аж сердце комом сожмётся... Может, со мной с войны такое. На всю жизнь нагляделся я человечины... Вроде и понимаешь: кукла. Да ведь облик-то человеческий. Иную так сделают, что и от живого дитя не отличишь. И плачет по-людски. И когда это подобие валяется растерзанное у дороги — не могу видеть. Колотит меня всего. А люди идут мимо — каждый по своим делам, — и ничего... Проходят парочки, за руки держатся, про любовь говорят, о детках мечтают. Везут малышей в колясках — бровью не поведут. Детишки бегают — привыкают к такому святотатству. Вот и тут: сколько мимо прошло учеников! Утром — в школу, вечером — из школы. А главное — учителя: они ведь тоже мимо проходят. Вот чего не понимаю. Как же так?! Чему же ты научишь, какой красоте, какому добру, если ты слеп, душа твоя глуха!.. Эх!..

Акимыч вдруг побледнел, лицо напряглось той страшной его окаменелостью, а губы сами собой вытянулись трубочкой, будто в них застряло и застыло что-то невысказанное.

Я уже знал, что Акимыча опять «заклинило» и заговорит он теперь нескоро.

Он сутуло, согбенно перешагнул кювет и там, на пустыре, за поворотом школьной ограды, возле большого лопуха с листьями, похожими на слоновьи уши, принялся копать яму, предварительно наметив лопатой её продолговатые контуры. Ростом кукла была не более метра, но Акимыч рыл старательно и глубоко, как настоящую могилку, зарывшись по самый пояс. Обровняв стенку, он всё так же молча и отрешённо сходил к стожку на выгоне, принёс охапку сена и выстлал им днище ямы. Потом поправил на кукле трусишки, сложил её руки вдоль туловища и так опустил в сырую глубину ямы. Сверху прикрыл её остатками сена и лишь после этого снова взялся за лопату.

И вдруг он шумно вздохнул, будто вынырнул из какой-то глубины, и проговорил с болью:

— Всего не закопать...

Проверьте себя

1. С какой целью автор так подробно рассказывает о реке, о рыбалке, цветах, травах? Что ужасает его, о каких бедах он говорит в начале повествования?
2. Этот рассказ был сначала назван «Акимыч», затем «Кукла». Как вы думаете, какое название лучше? Почему таким страшным показалось герою отношение взрослых и детей к куклам? Почему автор постоянно вспоминает о военном времени и есть ли тут связь с событиями, возмущившими Акимыча?
3. Сравните рассказ Е. Носова «Кукла» и стихотворение К. Случевского. Какое произведение (стихотворение или рассказ) оказало на вас более сильное впечатление? Почему?

Кукла

Куклу бросил ребёнок. Кукла быстро свалилась, Стукнулась глухо о землю и навзничь упала...
 Бедная кукла! Ты так неподвижно лежала
 Скорбной фигуркой своей, так покорно сломилась,
 Руки раскинула, ясные очи закрыла...
 На человека ты, кукла, вполне походила!

Творческое задание

Как вы воспринимаете красоту окружающего вас мира? Может ли вас взволновать цветок, красота осеннего леса? Делаете ли вы что-либо, чтобы природа вашего города, села стала краше? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Живое пламя

Тётя Оля заглянула в мою комнату, опять застала за бумагами и, повысив голос, повелительно сказала:

— Будет писать-то! Поди проветришь, клумбу помощи разделить.

Тётя Оля достала из чулана берестяной короб. Пока я с удовольствием разминал спину, взбивая граблями влажную землю, она, присев на завалинку¹ и высыпав себе на

¹ *Завалинка* — земляная насыпь вдоль наружных стен дома.

колени пакетики и узелки с цветочными семенами, разложила их по сортам.

— Ольга Петровна, а что это, — замечаю я, — не сеете вы на клумбах маков?

— Ну, какой из мака цвет! — убеждённо ответила она. — Это овощ. Его на грядках вместе с луком и огурцами сеют.

— Что вы! — рассмеялся я. — Ещё в какой-то старинной песенке поётся:

А лоб у неё, точно мрамор, бел.

А щёки горят, будто маков цвет.

— Цветом он всего два дня бывает, — упорствовала Ольга Петровна. — Для клумбы это никак не подходит: пыхнул и сразу сгорел. А потом всё лето торчит эта самая колотушка, только вид портит.

Но я всё-таки сыпанул тайком щепотку мака на самую середину клумбы. Через несколько дней она зазеленела.

— Ты маков посеял? — подступилась ко мне тётя Оля. — Ах, озорник ты этакий! Так уж и быть, тройку оставила, тебя пожалела. А остальные все выполола.

Неожиданно я уехал по делам и вернулся только через две недели. После жаркой, утомительной дороги было приятно войти в тихий старенький домик тёти Оли. От свежeweымытого пола тянуло прохладой. Разросшийся под окном жасминовый куст ронял на письменный стол кружевную тень.

— Квасу налить? — предложила она, сочувственно оглядев меня, потного и усталого. — Алёшка очень любил квас. Бывало, сам по бутылкам разливал и запечатывал.

Когда я снимал эту комнатку, Ольга Петровна, подняв глаза на портрет юноши в лётной форме, что висит над письменным столом, спросила:

— Не помешает?

— Что вы.

— Это мой сын Алексей. И комната была его. Ну, ты располагайся, живи на здоровье.

Подавая мне тяжёлую медную кружку с квасом, тётя Оля сказала:

— А маки твои поднялись, уже бутоны выбросили.

Я пошёл посмотреть на цветы. Клумба стояла неузнаваемой. По самому краю расстился коврик, который своим густым покровом с разбросанными по нему цветами очень напоминал настоящий ковёр. Потом клумбу опоясывала лента маттиол — скромных ночных цветков, привлекающих к себе не яркостью, а нежно-горьковатым ароматом, похожим на запах ванили. Пестрели куртинки жёлто-фиолетовых анютиных глазок, раскачивались на тонких ножках пурпурно-бархатные шляпки парижских красавиц. Было много и других знакомых и незнакомых цветов. А в центре клумбы, над всей этой цветочной пестротой, поднялись мои маки, выбросив навстречу солнцу три тугих, тяжёлых бутона.

Распустились они на другой день.

Тётя Оля вышла поливать клумбу, но тотчас вернулась, гроыхая пустой лейкой.

— Ну, иди смотри, зацвели.

Издали маки походили на зажжённые факелы с живыми, весело полыхающими на ветру языками пламени. Лёгкий ветер чуть колыхал, а солнце пронизывало светом полупрозрачные алые лепестки, отчего маки то вспыхивали трепетно-ярким огнём, то наливались густым багрянцем. Казалось, что, стоит только прикоснуться — сразу опалат!

Маки слепили своей озорной, обжигающей яркостью, и рядом с ними померкли, потускнели все эти парижские красавицы, львиные зевы и прочая цветочная аристократия.

Два дня буйно пламенели маки. А на исходе вторых суток вдруг осыпались и погасли. И сразу на пышной клумбе без них стало пусто.

Я поднял с земли ещё совсем свежий, в капельках росы, лепесток и расправил его на ладони.

— Вот и всё, — сказал я громко, с чувством ещё не остывшего восхищения.

— Да, сгорел... — вздохнула, словно по живому существу, тётя Оля. — А я как-то раньше без внимания к маку-то этому. Короткая у него жизнь. Зато без оглядки, в полную силу прожита. И у людей так бывает...

Тётя Оля, как-то сгорбившись, вдруг заторопилась в дом.

Мне уже рассказывали о её сыне. Алексей погиб, спирировав на своём крошечном «ястребке» на спину тяжёлого фашистского бомбардировщика...

Я теперь живу в другом конце города и изредка заезжаю к тётке Оле. Недавно я снова побывал у неё. Мы сидели за летним столиком, пили чай, делились новостями. А рядом на клумбе полыхал большой ковёр маков. Одни осыпались, роняя на землю лепестки, точно искры, другие только раскрывали свои огненные языки. А снизу, из влажной, полной жизненной силы земли, подымались всё новые и новые туго свёрнутые бутоны, чтобы не дать погаснуть живому огню.

Проверьте себя

1. Что имела в виду тётка Оля, когда сказала: «Да, сгорел... Короткая у него жизнь. Зато без оглядки, в полную силу прожита. И у людей так бывает...»?
2. Как вы понимаете конец рассказа? Почему тётка Оля отдала предпочтение макам? Какие литературные приёмы использует автор, чтобы показать красоту короткой, но яркой жизни маков?
3. О чём этот рассказ Е. И. Носова и как можно объяснить его название?
4. Нарисуйте клумбу, расскажите, какие цветы росли бы на вашей клумбе. Каким из них вы отдаёте предпочтение? Почему?

Юрий Павлович КАЗАКОВ

1927—1982

Юрий Казаков — талант очень большой, таящий в себе возможности неограниченные. Представленные им рассказы поражают силой эмоций, законченностью и стройностью, это — произведения большой литературы...

В. Ф. Панова

Родился я в Москве в 1927 году в семье рабочего. Отец и мать мои — бывшие крестьяне, выходцы из Смоленской губернии. В роду нашем, насколько мне известно, не было ни одного образованного человека, хотя талантливы были многие. Таким образом, я — первый человек в нашей родне, занимающийся литературным трудом.

Писателем я стал поздно. Перед тем как начать писать, я долго увлекался музыкой. В 1942 году в школе в одном со мной классе учился музыкант. Одновременно он посещал и музыкальную школу, где занимался в классе виолончели. Его одержимость музыкой в значительной мере повлияла и на меня, а мои природные музыкальные данные позволили и мне в скором времени стать молодым музыкантом. Сначала я стал играть на виолончели, но так как заниматься музыкой я начал довольно поздно (с 15 лет) и пальцы мои были уже не столь гибки, то я скоро понял, что виртуозом-виолончелистом мне не стать, и перешёл тогда на контрабас, потому что контрабас вообще менее «технический» инструмент, и тут я мог рассчитывать на успех.

Я не помню сейчас, почему меня в одно прекрасное время потянуло вдруг к литературе. В своё время я окончил музыкальное училище в Москве, года три играл в симфонических и джазовых оркестрах, но уже где-то между 1953 и 1954 годами стал всё чаще подумывать о себе как о будущем писателе. Скорее всего, это случилось потому, что я, как, наверное, и каждый молодой человек, мечтал тогда о славе, об известности и т. п., а моя судьба в оркестрах, конечно, никакой особенной славы не обещала. И вот я, помню, стал тяготиться своей безвестностью и стал

попеременно мечтать о двух профессиях — о профессии дирижёра симфонического оркестра и о профессии писателя или, на худой конец, журналиста. Я страстно хотел увидеть свою фамилию напечатанной в афише, в газете или в журнале.

Тяга к писательству всё-таки пересилила, я стал более внимательно читать очерки и рассказы, стараясь понять, как они сделаны. А через некоторое время стал и сам писать что-то. Не помню теперь уже, как я тогда писал, потому что не хранил своих рукописей. Но уверен, конечно, что писал я тогда и по отсутствию опыта и вкуса, и по недостаточной литературной образованности — плохо. Всё-таки, видимо, было что-то в моих тогдашних писаниях симпатично, потому что отношение ко мне с самого начала в редакциях было хорошее, и в 1953 году я успел напечатать несколько небольших очерков в газете «Советский спорт» и в том же году был принят в Литературный институт.

Ю. П. Казаков

ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ О РАССКАЗАХ Ю. П. КАЗАКОВА

Литературовед И. Кузьмичёв пишет о Ю. Казакове: «Рассказы его обладают редкой способностью раскрываться всякий раз с новой, ещё не изведанной стороны. Воспоминания о прочитанных его рассказах странным образом волнуют, и невольно думаешь, что ты чего-то недопонял, что-то важное ускользнуло из сознания, а ощущение красоты, какое сохранилось в сердце, тянет тебя вновь к этим уже прочитанным рассказам. Ты открываешь книгу и, вспоминая сюжет того или иного рассказа, с непостижимым интересом и любопытством зачитываешься опять этими удивительными произведениями, забывая, что тебе уже всё известно. Как это удавалось Юрию Казакову — навсегда останется тайной...»

Тихое утро

Ещё только-только прокричали сонные петухи, ещё темно было в избе, мать не доила коровы и пастух не выгонял стадо в луга, когда проснулся Яшка.

Он сел на постели, долго таращил глаза на голубоватые потные окошки, на смутно белеющую печь. Сладок

предрассветный сон, и голова валится на подушку, и глаза слипаются, но Яшка переборол себя. Спотыкаясь, цепляясь за лавки и стулья, стал бродить по избе, разыскивая старые штаны и рубаху.

Поев молока с хлебом, Яшка взял в сенях удочки и вышел на крыльцо. Деревня, будто большим пуховым одеялом, была укрыта туманом. Ближние дома были ещё видны, дальние едва проглядывали тёмными пятнами, а ещё дальше, к реке, уже ничего не было видно, и казалось, никогда не было ни ветряка на горке, ни пожарной каланчи, ни школы, ни леса на горизонте... Всё исчезло, притаилось сейчас, и центром маленького замкнутого мира оказалась Яшкина изба.

Кто-то проснулся раньше Яшки, стучал возле кузницы молотком; чистые металлические звуки, прорываясь сквозь пелену тумана, долетали до большого невидимого амбара и возвращались оттуда уже ослабленными. Казалось, стучат двое: один погромче, другой потише.

Яшка соскочил с крыльца, замахнулся удочками на подвернувшегося под ноги петуха и весело затрусил к риге¹. У риги вытащил из-под доски ржавый косарь² и стал рыть землю. Почти сразу же начали попадаться красные и лиловые холодные червяки. Толстые и тонкие, они одинаково проворно уходили в рыхлую землю. Но Яшка всё-таки успевал выхватывать их и скоро набросал почти полную банку. Подсыпав червякам свежей земли, он побежал вниз по тропинке, перевалился через плетень и задами пробрался к сараю, где на сеновале спал его новый приятель — Володя.

Яшка заложил в рот испачканные землёй пальцы и свистнул. Потом сплюнул и прислушался. Было тихо.

— Володька! — позвал он. — Вставай!

Володя зашевелился на сене, долго возился и шуршал там, наконец неловко слез, наступая на незавязанные шнурки. Лицо его, измятое после сна, было бессмысленно и неподвижно, как у слепого, а в волосы набилась сенная труха, она же, видимо, попала ему и за рубашку, потому

¹ Рига — крытое строение с печью для сушки льна или хлеба в снопах; иногда ригой называют обычный сарай.

² Косарь — здесь: большой тяжёлый нож, который делается из обломков косы и применяется обычно для щепления лучины.

что, стоя уже внизу, рядом с Яшкой, он всё дергал тонкой шеей, поводил плечами и почёсывал спину.

— А не рано? — сипло спросил он, зевнул и, покачнувшись, схватился рукой за лестницу.

Яшка разозлился: он встал на целый час раньше, червяков накопал, удочки притащил... а если по правде говорить, то и встал-то он сегодня из-за этого... заморыша — хотел места рыбные ему показать, — и вот вместо благодарности и восхищения — «рано»!

— Для кого рано, а для кого и не рано! — зло ответил он и с пренебрежением осмотрел Володю с головы до ног.

Володя выглянул на улицу, лицо его оживилось, глаза заблестели, он начал торопливо зашнуровывать ботинки. Но для Яшки вся прелесть утра была уже отравлена.

— Ты что, в ботинках пойдёшь? — презрительно спросил он и посмотрел на оттопыренный палец своей босой ноги. — А галоши наденешь?

Володя промолчал, покраснел и принялся за другой ботинок.

— Ну да, — меланхолично продолжал Яшка, ставя удочки к стене, — у вас там, в Москве, небось, босиком не ходют...

— Ну и что? — Володя снизу посмотрел в широкое насмешливо-злое лицо Яшки.

— Да ничего... Забежи домой — пальто возьми...

— Ну и забегу! — сквозь зубы ответил Володя и ещё больше покраснел.

Яшка заскучал. Зря он связался со всем этим делом... На что уж Колька да Женька Воронковы рыбаки, а и те признают, что лучше его нет рыболова во всём колхозе. Только отведи на место да покажи — яблоками засыпят! А этот... пришёл вчера, вежливый: «Пожалуйста, пожалуйста»... Дать ему по шее, что ли? Надо было связываться с этим москвичом, который, наверное, и рыбы в глаза не видал! Идёт на рыбалку в ботинках!..

— А ты галстук надень, — съязвил Яшка и хрипло засмеялся. — У нас рыба обижается, когда к ней без галстука суётся.

Володя наконец справился с ботинками и, подрагивая от обиды ноздрями и глядя прямо перед собой невидящим

взглядом, вышел из сарая. Он готов был отказаться от рыбалки и тут же разреветься, но он так ждал этого утра! За ним нехотя вышел Яшка, и ребята молча, не глядя друг на друга, пошли по улице. Они шли по деревне, и туман отступал перед ними, открывая всё новые и новые дома, и сараи, и школу, и длинные ряды молочно-белых построек фермы... Будто скупой хозяин, он показывал всё это только на минуту и потом снова плотно смыкался сзади.

Володя жестоко страдал. Он сердился на себя за грубые ответы Яшке, сердился на Яшку и казался сам себе в эту минуту неловким и жалким. Ему было стыдно своей неловкости, и, чтобы хоть как-нибудь заглушить это непонятное чувство, он думал, ожесточаясь: «Ладно, пусть... Пускай издевается. Они меня ещё узнают, я не позволю им смеяться! Подумаешь, велика важность босиком идти! Воображалы какие!» Но в то же время он с откровенной завистью и даже с восхищением поглядывал на босые Яшкины ноги, на холщовую сумку для рыбы и на заплатанные, надетые специально на рыбную ловлю штаны и серую рубаху. Он завидовал и Яшкиному загару, и той особенной походке, при которой шевелятся плечи, и лопатки, и даже уши и которая у многих деревенских ребят считается особенным шиком. Проходили мимо колодца со старым, поросшим зеленью срубом.

— Стой! — сказал хмуρο Яшка. — Попьём!

Он подошёл к колодцу, загремел цепью и, вытащив тяжёлую бадью с водой, жадно приник к ней. Пить ему не хотелось, но он считал, что лучше этой воды нигде нет, и поэтому каждый раз, проходя мимо колодца, пил её с огромным наслаждением. Вода, переливаясь через край бадьи, плескала ему на босые ноги, он поджигал их, но всё пил и пил, изредка отрываясь и шумно дыша.

— На, пей! — сказал он наконец Володе, вытирая рукавом губы.

Володе тоже не хотелось пить, но, чтобы ещё больше не рассердить Яшку, он послушно припал к бадье и стал тянуть воду мелкими глоточками, пока от холода у него не заломило в затылке.

— Ну, как водичка? — самодовольно осведомился Яшка, когда Володя отошёл от колодца.

— Законная! — отозвался Володя и поёжился.

— Небось, в Москве такой нету? — ядовито прищурился Яшка.

Володя ничего не ответил, только втянул сквозь сжатые зубы воздух и примиряюще улыбнулся.

— Ты ловил ли рыбу-то? — спросил Яшка.

— Нет... Только на Москве-реке видел, как ловят, — упавшим голосом сознался Володя и робко взглянул на Яшку.

Это признание несколько смягчило Яшку, и он, пощупав банку с червями, сказал как бы между прочим:

— Вчера наш завклубом в Плещанском бочаге¹ сома видал...

У Володи заблестели глаза:

— Большой?

— А ты думал! Метра два... А может, и все три — в темноте не разобрать было. Наш завклубом аж перепугался, думал — крокодил. Не веришь?

— Врёшь! — восторженно выдохнул Володя и подёрнул плечами; по его глазам было видно, что верит он всему безусловно.

Яшка изумился:

— Я вру? Хочешь, айда сегодня вечером ловить! Ну?

— А можно? — с надеждой спросил Володя, и уши его порозовели.

— А чего... — Яшка сплюнул, вытер нос рукавом. — Снасть у меня есть. Лягвы, вьюнов наловим... Выползков захватим — там голавли ещё водятся — и на две зари! Ночью костёр запалим... Пойдёшь?

Володе стало необыкновенно весело, и он только теперь почувствовал, как хорошо выйти утром из дому. Как славно и легко дышится, как хочется побежать по этой мягкой дороге, помчаться во весь дух, подпрыгивая и взвизгивая от восторга!

Что это так странно звякнуло там, сзади? Кто это вдруг, будто ударяя раз за разом по натянутой тугой струне, ясно и мелодически прокричал в лугах? Где это было с ним? А может, и не было? Но почему же тогда так знакомо это ощущение восторга и счастья?

¹ Бочаг — глубокая яма, залитая водой, или омут в реке; бочагом называют иногда и остаток пересохшей реки.

Что это затрещало так громко в поле? Мотоцикл? Володя вопросительно посмотрел на Яшку.

— Трактор! — ответил важно Яшка.

— Трактор? Но почему же он трещит?

— Это он заводится. Скоро заведётся... Слушай. Во-во... Слышал? Загудел! Ну, теперь пойдёт... Это Федя Костылёв. Всю ночь пахал с фарами, чуток поспал и опять пошёл...

Володя посмотрел в ту сторону, откуда слышался гул трактора, и тотчас спросил:

— Туманы у вас всегда такие?

— Не... Когда чисто, а когда — попоздней, к сентябрю поближе — глядишь, и инеем вдарит. А вообще в туман рыба берёт — успевай таскать!

— А какая у вас рыба?

— Рыба-то? Рыба всякая... И караси на плёсах есть, щука, ну, потом, эти... окунь, плотва, лещ... Ещё линь. Знаешь линя? Как поросёнок. То-олстый! Я сам первый раз поймал — рот разинул.

— А много можно поймать?

— Гм!.. Всяко бывает. Другой раз кило пять, а другой раз так, только кошке...

— Что это свистит? — Володя остановился, поднял голову.

— Это! Это ути летят... Чирочки.

— Ага! Знаю... А это что?

— Дрозды звенят. На рябину прилетели к тёте Насте в огород. Ты дроздов-то ловил когда?

— Никогда не ловил.

— У Мишки Каюнёнка сетка есть... Вот погоди, пойдём ловить. Они, дрозды-то, жаднющие. По полям стаями летают, червяков из-под трактора берут. Ты сетку растяни, рябины набросай, затаись и жди. Как налетят, так сразу штук пять под сетку полезут... Потешные они; не все, правда, но есть толковые... У меня один всю зиму жил, так по-всякому умел: и как паровоз, и как пила...

Деревня скоро осталась позади. Бесконечно потянулся низкорослый овёс, впереди еле проглядывала тёмная полоса леса.

— Долго ещё идти? — спрашивал Володя.

Иллюстрация к рассказу Ю. П. Казакова
«Тихое утро». Художник А. Веркау

— Скоро... Вот рядом. Пошли ходчее, — каждый раз отвечал Яшка.

Вышли на бугор, свернули вправо, ложиной спустились вниз, перешли тропкой через льняное поле, и тут совсем неожиданно перед ними открылась река.

Она была небольшая, густо поросла ракитником, ветлой по берегам, ясно звенела на перекатах и часто разливалась глубокими, мрачными омутами.

Солнце наконец взошло; тонко заржала в лугах лошадь, и как-то необыкновенно быстро посветлело, порозовело всё вокруг; ещё отчётливей стала видна седая роса

на ёлках и кустах, а туман пришёл в движение, поредел и стал неохотно открывать стога сена, тёмные на дымчатом фоне близкого теперь леса. Рыба гуляла.

В омутах раздавались редкие тяжкие всплески, вода волновалась, прибрежная куга тихонько покачивалась.

Володя готов был хоть сейчас начать ловить, но Яшка шёл всё дальше берегом реки. Они почти по пояс вымокли в росе, когда наконец Яшка шёпотом сказал: «Здесь!» — и стал спускаться к воде. Нечаянно он оступился, влажные комья земли посыпались из-под его ног, и тотчас же, невидимые, закричали утки, заплескали крыльями, взлетели и потянулись над рекой, пропадая в тумане. Яшка съёжился и зашипел, как гусь. Володя облизнул пересохшие губы и спрыгнул вслед за Яшкой вниз. Оглядевшись, он поразился мрачности, которая царила в этом омуте. Пахло сыростью, глиной и тиной, вода была чёрная, ветлы в буйном росте почти закрыли всё небо, и, несмотря на то что верхушки их уже порозовели от солнца, а сквозь туман было видно синее небо, здесь, у воды, было сыро, угрюмо и холодно.

— Тут знаешь глубина какая? — Яшка округлил глаза. — Тут и дна нету...

Володя немного отодвинулся от воды и вздрогнул, когда у противоположного берега гулко ударила рыба.

— В этом бочаге у нас никто не купается...

— Почему? — слабым голосом спросил Володя.

— Засасывает... Как ноги опустил вниз, так всё... Вода — как лёд — и вниз утягивает. Мишка Каюёнок говорил — там осьминоги на дне лежат.

— Осьминоги только... в море, — неуверенно сказал Володя и ещё отодвинулся.

— «В море»!.. Сам знаю! А Мишка видал! Пошёл на рыбалку, идёт мимо, глядит — из воды щуп, и вот по берегу шарит... Ну? Мишка аж до самой деревни бёг! Хотя, наверное, он врёт, я его знаю, — несколько неожиданно заключил Яшка и стал разматывать удочки.

Володя приободрился, а Яшка, уже забыв про осьминогов, нетерпеливо поглядывал на воду, и каждый раз, когда шумно всплывала рыба, лицо его принимало напряжённо-страдальческое выражение.

Размотав удочки, он передал одну из них Володе, отсыпал ему в спичечную коробку червей и глазами показал место, где ловить.

Закинув насадку, Яшка, не выпуская из рук удилица, нетерпеливо уставился на поплавок. Почти сейчас же закинул свою насадку и Володя, но зацепил при этом удилицем за ветлу. Яшка страшно взглянул на Володю, выругался шёпотом, а когда перевёл взгляд опять на поплавок, то вместо него увидел только лёгкие расходящиеся круги. Яшка тотчас с силой подсёк, плавно повёл рукой вправо, с наслаждением почувствовал, как в глубине упруго заходила рыба, но напряжение лески вдруг ослабло, и из воды, чмокнув, выскочил пустой крючок. Яшка задрожал от ярости.

— Ушла, а? Ушла... — пришепётывал он, надевая мокрыми руками нового червя на крючок.

Снова забросил насадку и снова, не выпуская из рук удилица, неотрывно смотрел на поплавок, ожидая поклёвки. Но поклёвки не было, и даже всплесков не стало слышно. Рука у Яшки устала, и он осторожно воткнул удилице в мягкий берег. Володя посмотрел на Яшку и тоже воткнул своё удилице.

Солнце, поднимаясь всё выше, заглянуло наконец и в этот мрачный омут. Вода сразу ослепительно засверкала, и загорелись капли росы на листьях, на траве и на цветах. Володя, жмурясь, посмотрел на свой поплавок, потом оглянулся и неуверенно спросил:

— А что, может рыба в другой бочаг уйти?

— Ясное дело! — злобно ответил Яшка. — Та сорвалась и всех распугала. А здоровая, верно, была... Я как дёрнул, так у меня руку сразу вниз потащило! Может, на кило потянуло бы.

Яшке немного стыдно было, что он упустил рыбу, но, как часто бывает, вину свою он склонен был приписать Володе. «Тоже мне рыбак! — думал он. — Сидит раскорякой... Один ловишь или с настоящим рыбаком — только успевай таскать...» Он хотел чем-нибудь уколоть Володю, но вдруг схватился за удочку: поплавок чуть шевельнулся. Напрягаясь, будто дерево с корнем вырывал, он медленно вытащил удочку из земли и, держа её на весу, чуть приподнял вверх. Поплавок снова качнулся, лёг набок,

чуть подержался в таком положении и опять выпрямился. Яшка перевёл дыхание, скосил глаза и увидел, как Володя, побледнев, медленно приподнимается. Яшке стало жарко, пот мелкими капельками выступил у него на носу и верхней губе. Поплавок опять вздрогнул, пошёл в сторону, погрузился наполовину и наконец исчез, оставив после себя заметный завиток воды. Яшка, как и в прошлый раз, мягко подсёк и сразу подался вперёд, стараясь выпрямить удилище. Леска с дрожащим на ней поплавком вычертила кривую, Яшка привстал, перехватил удочку другой рукой и, чувствуя сильные и частые рывки, опять плавно повёл руками вправо. Володя подскочил к Яшке и, блестя отчаянными, круглыми глазами, закричал тонким голосом:

— Давай, давай, дава-ай!..

— Уйди! — просипел Яшка, пятясь, часто переступая ногами.

На мгновение рыба вырвалась из воды, показала свой сверкающий широкий бок, туго ударила хвостом, подняла фонтан розовых брызг и опять ринулась в холодную глубину. Но Яшка, оперев комель удилища в живот, всё пятился и кричал:

— Врёшь, не уйдё-ошь!..

Наконец он подвёл упирающуюся рыбу к берегу, рывком выбросил её на траву и сейчас же упал на неё животом. У Володи пересохло горло, сердце неистово колотилось.

— Что у тебя? — присев на корточки, спрашивал он. — Покажи, что у тебя?

— Ле-ещ! — с упоением выговорил Яшка.

Он осторожно вытащил из-под живота большого холодного леща, повернул к Володе своё счастливое широкое лицо, сипло засмеялся было, но улыбка его внезапно пропала, глаза испуганно уставились на что-то за спиной Володи, он съёжился, ахнул:

— Удочка-то... Глянь-ка!

Володя обернулся и увидел, что его удочка, отвалив ком земли, медленно сползает в воду и что-то сильно дёргает леску. Он вскочил, споткнулся и, на коленях подтянувшись к удочке, успел схватить её. Удилище сильно согнулось. Володя повернул к Яшке круглое бледное лицо.

— Держи! — крикнул Яшка.

Но в этот момент земля под ногами у Володи зашевелилась, подалась, он потерял равновесие, выпустил удочку, нелепо, будто ловя мяч, всплеснул руками, звонко крикнул: «Ааа!» — и упал в воду.

— Дурак! — сипло закричал Яшка, злобно и страдальчески искривив лицо. — Недотёпа чёртова!.. Рыбу распуга-ал...

Он вскочил, схватил ком земли с травой, готовясь швырнуть в лицо Володе, как только он вынырнет. Но, взглянув в воду, он замер, и у него появилось томительное чувство, которое испытываешь во сне, когда вялое тело не подчиняется сознанию. Володя в трёх метрах от берега бил, шлёпал по воде руками, запрокидывая к небу белое лицо с выпученными глазами, захлёбывался и, окунаясь в воду, всё силился что-то крикнуть, но в горле у него клокотало и получалось: «Уаа... Уа...»

«Тонет! — с ужасом подумал Яшка. — Утягивает!» Бросил комок земли, которым хотел ударить Володю, и, вытирая липкую руку о штаны, не отрывая глаз от него и чувствуя слабость в ногах, попятился вверх, прочь от воды. На ум ему сразу пришёл рассказ Мишки о громадных осьминогах на дне бочага, в груди и животе стало холодно от ужаса: он понял, что Володю схватил осьминог... Земля сыпалась у него из-под ног, он упирался трясущимися руками и, совсем как во сне, неповоротливо и тяжело лез вверх.

Наконец, подгоняемый страшными звуками, которые издавал Володя, Яшка выскочил на луг, кинулся к деревне, но, не пробежав и десяти шагов, остановился, будто споткнувшись, чувствуя, что убежать никак нельзя. Поблизости не было никого, и некому было крикнуть о помощи... Яшка судорожно шарил в карманах и в сумке в поисках хоть какой-нибудь бечёвки и, не найдя ничего, бледный, стал подкрадываться к бочагу. Подойдя к обрыву, он заглянул вниз, ожидая увидеть страшное и в то же время надеясь, что всё как-то обошлось, и опять увидел Володю. Володя теперь уже не бился, он почти весь скрылся под водой, только макушка с торчащими волосами была ещё видна... Она скрывалась и опять показывалась, скрывалась и показывалась... Яшка, не от-

рывая взгляда от этой макушки, начал расстёгивать штаны, потом вскрикнул и скатился вниз. Высвободившись из штанов, он, как был, в рубашке и с сумкой через плечо, прыгнул в воду, в два взмаха подплыл к Володе, схватил его за руку.

Володя сразу же вцепился в Яшку, стал быстро-быстро перебирать руками, цепляясь за рубашку и сумку, наваливаясь на него, по-прежнему выдавливая из себя нечеловеческие, страшные звуки: «Уаа... Уааа...» Вода хлынула Яшке в рот. Чувствуя у себя на шее мёртвую хватку, он попытался выставить из воды своё лицо, но Володя, дрожа мелкой дрожью, всё карабкался на него, наваливался всей тяжестью, старался влезть на плечи. Яшка захлебнулся, закашлялся, задыхаясь, глотая воду, и тогда дикий, небывалый ужас охватил его, в глазах с ослепительной силой вспыхнули красные и жёлтые круги. Он понял, что Володя утопит его, что пришла его смерть, дёрнулся из последних сил, забарахтался, закричал так же нечеловечески страшно, как кричал Володя минуту назад, ударил Володю ногой в живот, вынырнул и сквозь бегущую с волос воду увидел яркий сплюснутый шар солнца. Чувствуя ещё на себе тяжесть Володи, он оторвал, сбросил его с себя, замолотил по воде руками и ногами и, поднимая буруны пены, в ужасе бросился к берегу.

И только ухватившись рукой за прибрежную осоку, он опомнился и посмотрел назад. Взбаламученная вода в омуте успокаивалась, и никого уже не было на её поверхности. Из глубины весело выскочило несколько пузырьков воздуха, и у Яшки застучали зубы.

Он оглянулся: ярко светило солнце, и листья кустов и ветлы блестели, радужно светилась паутина между цветами, и трясогузка сидела вверху, на бревне, покачивала хвостом и блестящим глазом смотрела на Яшку, и всё было так же, как и всегда, всё дышало покоем и тишиной, и стояло над землёй тихое утро, а между тем вот только сейчас, совсем недавно, случилось небывалое — только что утонул человек, и это он, Яшка, ударил, утопил его...

Яшка моргнул, отпустил осоку, повёл плечами под мокрой рубашкой, глубоко, с перерывами вздохнул воздух и нырнул. Открыв под водой глаза, он не мог сначала

да ничего разобрать: кругом дрожали неясные желтоватые и зеленоватые блики и какие-то травы, освещённые солнцем. Но свет солнца не проникал туда, в глубину... Яшка опустился ещё ниже, проплыл немного, задевая руками и лицом за травы, и тут увидел Володю. Володя держался на боку, одна нога его запуталась в траве, а сам он медленно поворачивался, покачиваясь, подставляя солнечному свету круглое бледное лицо и шевеля левой рукой, словно пробуя на ощупь воду. Яшке показалось, что Володя притворяется и нарочно покачивает рукой, что он следит за ним, чтобы схватить, как только он дотронется до него.

Чувствуя, что сейчас задохнётся, Яшка рванулся к Володе, схватил его за рубашку, зажмурился, торопливо дёрнул тело Володи вверх и удивился, как легко и послушно Володя последовал за ним. Вынырнув, он жадно задышал, и теперь ему ничего не нужно и не важно было, кроме как дышать и чувствовать, как грудь раз за разом наполняется удивительно чистым воздухом.

Не выпуская Володиной рубашки, он стал подталкивать его к берегу. Плыть было тяжело. Почувствовав дно под ногами, Яшка положил Володю грудью на берег, лицом в траву, тяжело вылез сам и вытащил Володю. Он вздрагивал, касаясь холодного тела, глядя на мёртвое, неподвижное лицо, торопился и чувствовал себя таким усталым, таким несчастным...

Перевернув Володю на спину, он стал разводить его руки, давить на живот, дуть в нос. Он запыхался и ослабел, а Володя был всё такой же белый и холодный. «Помер?» — с испугом подумал Яшка, и ему стало очень страшно. Убедать бы куда-нибудь, спрятаться, чтобы только не видеть этого равнодушного, холодного лица!

Яшка всхлипнул от ужаса, вскочил, схватил Володю за ноги, вытянул, насколько хватило сил, вверх и, побагровев от натуги, начал трясти. Голова Володи билась по земле, волосы свалились от грязи. И в тот самый момент, когда Яшка, окончательно обессилив и упав духом, хотел бросить всё и бежать куда глаза глядят, — в этот самый момент из рта Володи хлынула вода, он застонал и судорога прошла по его телу. Яшка выпустил Володины ноги, закрыл глаза и сел на землю.

Володя опёрся слабыми руками, привстал, точно собирался немедленно куда-то бежать, но снова повалился, снова зашёлся судорожным кашлем, брызгаясь водой и корчась на сырой траве.

Яшка отполз в сторону и расслабленно смотрел на Володю. Никого сейчас не любил он больше Володи, ничто на свете не было ему милее этого бледного, испуганного и страдающего лица. Робкая, влюблённая улыбка светилась в глазах Яшки, с нежностью смотрел он на Володю и бессмысленно спрашивал:

— Ну как? А? Ну как?..

Володя немного оправился, вытер рукой лицо, взглянул на воду и незнакомым, хриплым голосом, с заметным усилием, заикаясь, выговорил:

— Как я... то-нул...

Тогда Яшка вдруг сморщился, зажмурился, из глаз у него брызнули слёзы, и он заревел, заревел горько, безутешно, сотрясаясь всем телом, задыхаясь и стыдясь своих слёз. Плакал он от радости, от пережитого страха, от того, что всё хорошо кончилось, что Мишка Каюнёнок врал и никаких осьминогов в этом бочаге нет...

Глаза Володи потемнели, рот приоткрылся, и с испугом и недоумением смотрел он на Яшку.

— Ты... что? — выдавил он из себя.

— Да-а... — выговорил Яшка, что есть силы стараясь не плакать и вытирая глаза штанами, — ты уто-о... утопать... а мне тебя спа-а... спаса-а-ать...

И он заревел ещё отчаянней и громче.

Володя заморгал, покривился, посмотрел опять на воду, сердце его дрогнуло, он всё вспомнил...

— Как... как я тону-ул!.. — будто удивляясь, сказал он и тоже заплакал, дёргая худыми плечами, беспомощно опустив голову и отворачиваясь от своего спасителя.

Вода в омуте давно успокоилась, рыба с Володиной удочки сорвалась, удочка прибилась к берегу... Светило солнце, пылали кусты, обрызганные росой, и только вода в омуте оставалась всё такой же чёрной.

Воздух нагрелся, и горизонт дрожал в его тёплых струях. Издали, с полей, с другой стороны реки, вместе с порывами тёплого ветра летели запахи сена и сладкого кле-

вера. Запахи эти, смешиваясь с более дальними, но острыми запахами леса, и этот лёгкий тёплый ветер были похожи на дыхание проснувшейся земли, радующейся новому светлому дню.

Проверьте себя

1. Чем отличается поведение Яшки по дороге к реке от поведения Володи? По каким признакам Яшка узнавал, что летят утки, звенят дрозды? Что рассказал он о дроздах?
2. Как вели себя в минуту опасности мальчики? Как объяснить, что Яшке после того, как всё кончилось благополучно, не было ничего на свете милее бледного, испуганного, страдающего лица Володи?
- 3★. По высказываниям исследователей творчества Казакова, писатель ничего не выгодного для своих героев не утаивает от читателя, который сам должен решить, насколько они хороши или плохи. Как вы думаете, что мог утаить, но не утаил от читателя автор в поведении Яшки?

Совершенствуем свою речь

Подготовьте по самостоятельно составленному плану пересказ или чтение рассказа по ролям (на выбор).

Творческое задание

Бывали ли с вами в лесу или на реке сложные ситуации? Как вы себя вели в это время? Отвечая на вопросы, постарайтесь использовать пословицы «Друзья познаются в беде», «Одному не под силу — зови товарищей».

ИЗ СТАТЬИ Ю. КАЗАКОВА «О МУЖЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ»

Писатель должен быть мужествен... потому что жизнь его тяжела. Когда он один на один с чистым белым листом бумаги, против него решительно всё. Против него миллионы написанных ранее книг — просто страшно подумать! — и мысли о том, зачем же ещё писать, когда про всё это уже было. Против него головная боль и неуверенность в себе в разные

дни, и разные люди, которые в эту минуту звонят к нему или приходят, и всякие заботы, хлопоты, дела, как будто важные, хотя нет для него в этот час дела важнее того, которое ему предстоит. Против него солнце, когда тянет выйти из дому, вообще поехать куда-нибудь, что-то такое повидать, испытать какое-то счастье. И дождь против него, когда на душе тяжело, пасмурно и не хочется работать...

Настоящий писатель работает по десять часов в день. Часто у него застопоривает, и тогда проходит день, и ещё день, и ещё много дней, а он не может бросить, не может писать дальше и с бешенством, почти со слезами чувствует, как проходят дни, которых у него мало, и проходят впустую...

...У тебя нет власти перестроить мир, как ты хочешь, как нет её ни у кого в отдельности. Но у тебя есть твоя правда и твоё слово. И ты должен быть трижды мужествен, чтобы, несмотря на все свои несчастья, неудачи и срывы, всё-таки нести людям радость и говорить без конца, что жизнь станет лучше...

Проверьте себя

Почему, по мнению Юрия Казакова, писателю необходимо мужество? Подтвердите свой ответ цитатами из дневника писателя и высказываниями о нём писателей и критиков.

Творческое задание

Прочитайте самостоятельно рассказ Ю. Казакова «По дороге». Подготовьте устный или письменный отзыв на этот рассказ (на выбор).

Дмитрий Сергеевич ЛИХАЧЁВ

1906—1999

Дмитрий Сергеевич Лихачёв — автор многочисленных исследований по древнерусской литературе.

В его предисловии «От автора» в книге «Земля родная» читаем:

«Судьба сделала меня специалистом по древней русской литературе. Впрочем, что значит „судьба“? Судьба была во мне самом: в моих склонностях и интересах, в моём выборе факультета в Ленинградском университете и в том, к кому из профессоров я стал ходить на занятия. Меня интересовали старые рукописи, меня интересовала литература, меня притягивала к себе Древняя Русь и народное творчество. Если сложить всё это вместе и умножить на известную усидчивость и некоторое упрямство в ведении поисков, то всё это вместе и открыло мне дорогу к внимательному изучению древней русской литературы.

Но та же судьба, жившая во мне самом, одновременно постоянно отвлекала меня от занятий академической наукой. По натуре я, очевидно, человек беспокойный...

Я хочу, чтобы все ценности принадлежали всем и служили всем, оставаясь на своих местах. Вся земля владеет и хранит ценности, сокровища прошлого. Это и красивый пейзаж, и красивые города, а в городах свои, собранные многими поколениями памятники искусств. А в сёлах — традиции народного творчества, трудовые навыки. Ценностями являются не только материальные памятники, но и добрые обычаи, представления о добром и красивом, традиции гостеприимства, приветливости, умение ощутить в другом своё, доброе. Ценностями являются язык, накопленные литературные произведения. Всего не перечислишь.

Что такое наша Земля? Это с невероятной, непредставимой скоростью мчащаяся в космическом пространстве сокровищница необычайно разнообразных и необычайно хрупких созданий человеческих рук и человеческого мозга. Я назвал свою книгу „Земля родная“. Слово „земля“ в русском языке имеет много значений. Это и почва, и страна, и народ (в последнем смысле говорится о Русской земле в „Слове о полку Игореве“), и весь земной шар.

В названии моей книги слово „земля“ может быть понято во всех этих смыслах.

Человека создаёт земля. Без неё он ничто. Но и землю создаёт человек. От человека зависит её сохранность, мир на земле, умножение её богатств».

Земля родная

(Главы из книги)

Молодость — это вся жизнь

Когда я учился в школе, мне казалось — вот вырасту, и всё будет иным. Я буду жить среди каких-то иных людей, в иной обстановке, и всё вообще будет иначе. Будет другое окружение, будет какой-то иной, «взрослый» мир, который не будет иметь ничего общего с моим школьным миром. А в действительности оказалось иначе. Вместе со мной вступили в этот «взрослый» мир и мои товарищи по школе, а потом и по Университету. Окружение менялось, но ведь оно менялось и в школе, а в сущности оставалось тем же. Репутация моя как товарища, человека, работника оставалась со мной, перешла в тот иной мир, о котором мне мечталось с детства, и если менялась, то вовсе не начиналась заново.

Я помню, что и у моей матери самыми лучшими подругами до конца её долгой жизни оставались её школьные подруги, а когда они отходили «в иной мир», замены им не было. То же и у моего отца — его друзья были друзьями молодости. Во взрослом состоянии приобрести друзей оказывалось трудно. Именно в молодости формируется характер человека, формируется и круг его наилучших друзей — самых близких, самых нужных.

В молодости формируется не только человек — формируется вся его жизнь, всё его окружение. Если он правильно выберет себе друзей, ему будет легче жить, легче переносить горе и легче переносить радость. Радость ведь также надо «перенести», чтобы она была самой радостной, самой долгой и прочной, чтобы она не испортила человека и дала настоящее душевное богатство, сделала человека ещё более щедрым. Радость, не разделённая с задушевными друзьями, — не радость.

Храните молодость до глубокой старости. Храните молодость в своих старых, но приобретённых в молодости друзьях. Храните молодость в своих навыках, привычках, в своей молодой «открытости к людям», непосредственности. Храните её во всём и не думайте, что взрослым вы станете «совсем, совсем иным» и будете жить в другом мире.

И помните поговорку: «Береги честь смолоду». Уйти совсем от своей репутации, созданной в свои школьные годы, нельзя, а изменить её можно, но очень трудно.

Наша молодость — это и наша старость.

Искусство открывает нам большой мир!

Величайшая и ценнейшая черта русской культуры состояла в её мощи и доброте, которой всегда обладает мощное, по-настоящему мощное начало. Именно поэтому русская культура смогла смело освоить, органически включить в себя начала греческие, скандинавские, угро-финские, тюркские и т. д. Русская культура — открытая культура, культура добрая и смелая, всё принимающая и всё творчески осмысливающая.

Таким был и русский из русских Пётр I. Он не побоялся перенести столицу ближе к Западной Европе, сменить костюм русских людей, переменить многие обычаи. Ибо не во внешнем суть культуры, а в её внутреннем интернационализме, высокой культурной терпимости...

Разные художники (французы, армяне, греки, шотландцы) были в русской культуре всегда и будут в ней всегда — в нашей великой, широкой и гостеприимной культуре. Узость и деспотизм никогда не совьют в ней прочного гнезда.

Картинные галереи должны быть пропагандистами этой широты. Будем верить нашим искусствоведам, доверять им, даже если чего-то мы не понимаем.

Ценность замечательных художников в том, что они «разные», т. е. способствуют развитию в нашей... культуре её разнообразия.

Будем любить всё русское, исконно русское, будем любить, скажем, Вологду и фрески¹ Дионисия, но будем неустанно учиться ценить и то, что давала и будет ещё давать мировая прогрессивная культура и что таится нового в нас самих. Не будем бояться нового и не будем с порога отшибать всё, что мы ещё не поняли.

Нельзя в каждом новом по своему методу художнике видеть мошенника и обманщика, как это часто делают малоосведомлённые люди. За разнообразие, богатство, сложность, «гостеприимство», широту и интернационализм нашей... культуры и искусства будем ценить и уважать то прекрасное дело, которое делают картинные галереи, знакомя нас с разным искусством, развивая наш вкус, нашу духовную восприимчивость.

Понимать математику — надо учиться.

Понимать музыку — надо учиться.

Понимать живопись — тоже надо учиться!

Учиться говорить и писать

Прочтя такой заголовок, большинство читателей подумает: «Этим я занимался в раннем детстве». Нет, учиться говорить и писать нужно всё время. Язык — самое выразительное, чем человек обладает, и, если он перестанет обращать внимание на свой язык, а станет думать, что он овладел им уже в достаточной мере, он станет отступать. За своим языком — устным и письменным — надо следить постоянно.

Самая большая ценность народа — его язык, язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся созна-

¹ Фрeска (итал. fresco — свежий) — картина, написанная красками, разведёнными на воде и нанесёнными на свежую штукатурку.

тельная жизнь человека проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения только окрашивают то, о чём мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формулируются языком.

О русском языке как языке народа писалось много. Это один из совершеннейших языков мира, язык, развивавшийся в течение более тысячелетия, давший в XIX в. лучшую в мире литературу и поэзию. Тургенев говорил о русском языке: «...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Речь в этой моей заметке пойдёт не о русском языке вообще, а о том, как этим языком пользуется тот или иной человек.

Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит.

Итак, есть язык народа как показатель его культуры и язык отдельного человека как показатель его личных качеств, — качеств человека, который пользуется языком народа.

Если мы обращаем внимание на манеру человека себя держать, его походку, его поведение, на его лицо и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры.

А ведь бывает и так, что человек не говорит, а «плюётся словами». Для каждого расхожего понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения. Когда такой человек с его «словами-плевками» говорит, он хочет показать, что ему всё нипочём, что он выше, сильнее всех обстоятельств, умнее всех окружающих, над всем смеётся, ничего не боится.

А на самом деле он потому и обзывает своими циничными выражениями и насмешливыми прозвищами те или иные предметы, людей, действия, что он трус и робок, неуверен в себе.

Посмотрите, послушайте, о чём такой «храбрец» и «мудрец» цинично отзывается, в каких случаях он обычно слова заменяет «словами-плевками»? Вы сразу заметите, что это всё то, что его страшит, от чего он ждёт неприятностей себе, что не в его власти. У него будут «свои»

слова для денег, для заработков — законных и особенно незаконных, — для всякого рода махинаций, циничные прозвища людей, которых он боится (бывают, впрочем, прозвища, в которых люди выражают свою любовь и ласку к тому или иному человеку, — это другое дело).

Я этим вопросом специально занимался, поэтому, поверьте мне, я это знаю, а не просто предполагаю.

Язык человека — это его мировоззрение и его поведение. Как говорит, так, следовательно, и думает.

И если вы хотите быть по-настоящему интеллигентным, образованным и культурным человеком, то обращайтесь внимание на свой язык. Говорите правильно, точно и экономно. Не заставляйте окружающих выслушивать свои длинные речи, не красуйтесь в своём языке: не будьте самовлюблённым болтуном.

Если вам приходится часто публично выступать, — на собраниях, заседаниях, просто в обществе своих знакомых, то, прежде всего, следите, чтобы ваши выступления не были длинными. Следите за временем. Это необходимо не только из уважения к окружающим — это важно, чтобы вас поняли. Первые пять минут — слушатели могут вас слушать внимательно; вторые пять минут — они вас ещё продолжают слушать; через пятнадцать минут — они только делают вид, что слушают вас, а на двадцатой минуте — перестают делать вид и начинают перешёптываться о своих делах, а когда дойдёт до того, что вас прервут или начнут друг другу что-нибудь рассказывать, — вы пропали.

Второе правило. Чтобы выступление было интересным, всё, что вы говорите, должно быть интересным и для вас. Можно даже читать доклад, но читайте его с интересом. Если выступающий с интересом для себя рассказывает или читает и аудитория это чувствует, то и слушателям будет интересно. Интерес не создаётся в аудитории сам, — интерес внушается аудитории выступающим. Конечно, если тема выступления неинтересна, из попыток внушить интерес слушателям ничего не выйдет.

Постарайтесь так, чтобы в вашем выступлении не было просто цепи разных мыслей, а чтобы была одна, главная мысль, которой должны быть подчинены все остальные. Тогда вас будет легче слушать, в вашем выступлении ока-

жется тема, интрига, появится «ожидание конца», слушатели будут догадываться — к чему вы ведёте, в чём вы их хотите убедить — и будут с интересом слушать и ждать, как вы сформулируете в конце вашу основную мысль.

Это «ожидание конца» очень важно, и его можно поддерживать чисто внешними приёмами. Например, выступающий два-три раза говорит в разных местах о своём выступлении: «Я ещё об этом скажу», «Мы ещё к этому вернёмся», «Обратите внимание на...» и т. д.

А уметь хорошо писать нужно не только писателю и учёному. Даже хорошо, свободно и с известной долей юмора написанное письмо другу характеризует вас не меньше, чем ваша устная речь. Через письмо дайте почувствовать себя, своё расположение духа, свою раскованность в обращении к симпатичному вам человеку.

Но как научиться писать? Если для того, чтобы научиться хорошо говорить, надо постоянно обращать внимание на речь свою и других, записывать иногда удачные выражения, точно выражающие мысль, существо дела, то, чтобы научиться писать, — надо писать, писать письма, дневники. (Дневники следует вести с юных лет, потом они будут вам просто интересны, а в момент их написания вы не только учитесь писать — вы невольно отчитываетесь в своей жизни, обдумываете то, что с вами было и как вы поступили.) Одним словом: «Чтобы научиться ездить на велосипеде, надо ездить на велосипеде».

Проверьте себя

1. Вы прочитали несколько глав из книги Д. С. Лихачёва «Земля родная», которая написана в публицистическом жанре, т. е. жанре, освещающем злободневные, современные вопросы нашей жизни. На что же обратил наше внимание автор? Как вы поняли главу «Искусство открывает нам большой мир!»?
2. Как вы понимаете поговорку «Береги честь смолоду»? Почему нельзя совсем уйти от репутации, созданной в школьные годы?
3. Как соединяются культуры разных национальностей в обычной жизни? Какие выставки, художественные промыслы «живут» в вашем крае?

Обогащаем свою речь

Объясните значение слов и словосочетаний и введите их в собственную разговорную речь: *задушевные друзья, берегите честь смолоду, ценнейшая черта, деспотизм, картинные галереи, маэра человека себя держать, умственное развитие.*

Используйте советы Д. С. Лихачёва, высказанные им в главе «Учиться говорить и писать», например: 1. Чтобы выступление и речь были грамотными, нельзя использовать в сообщении и в разговоре жаргонные слова («слова-плевки»). 2. Следите за тем, чтобы выступление не было длинным, — оно должно быть точным и экономным. 3. Чтобы выступление было интересным для всех, оно должно быть интересным для вас и т. д.

Проект

Подготовьте с одноклассниками коллективное письменное сообщение на тему «Искусство моего родного края». Каждый участник проекта готовит свою часть работы (о народных промыслах, песенном фольклоре, народном костюме, народных праздниках и т. д.).

Михаил Михайлович ЗОЩЕНКО

1895—1958

На долю Михаила Зощенко выпала слава, редкая для человека литературной профессии. Ему понадобилось всего три-четыре года работы, чтобы в один прекрасный день вдруг ощутить себя знаменитым не только в писательских кругах, но и в совершенно не поддающейся учёту массе читателей.

Журналы оспаривали право печатать его новые рассказы. Его книги, одна опережая другую, издавались и переиздавались чуть ли не во всех издательствах, а попав на прилавок, раскупались с молниеносной быстротой. Почтальон приносил ему пачки писем. Ему названивали по телефону, не давали проходу на улицах, осаждали в гостиницах.

Он родился в семье небогатого художника-передвижника Михаила Ивановича Зощенко и Елены Иосифовны Суриной, за домашними заботами успевавшей печатать рассказы из жизни бедных людей в газете «Копейка». Когда ему было 12 лет, умер отец, мать обивала пороги с просьбой о пособии для своих восьмерых детей.

М. Зощенко ещё в гимназии мечтал о писательстве, но за невнесение платы он был отчислен из университета.

Он переменил множество занятий — контролёр поездов, командир взвода в 1914 году, штабс-капитан, командир батальона, комендант Главного почтамта в Петрограде, пограничник в Стрельне, доброволец Красной Армии (из-за болезни сердца демобилизован), инструктор по кролиководству в совхозе, ми-

лиционер в Лигове, сапожник, конторщик, помощник бухгалтера в Петроградском порту. Это было время испытаний — голод, тиф, безработица. Зощенко хотел узнать, как живёт и чем дышит прошедший через многовековое рабство народ, — и он это узнал. За несколько лет скитаний он увидел и услышал столько, сколько в спокойное время никогда бы не увидел и не услышал даже за пятьдесят лет.

Писатель принял в своё сердце великую боль и посчитал себя мобилизованным на служение «бедному» (как позже он его назовёт) человеку.

К началу 20-х годов он знал о жизни, заботах, духовных и бытовых интересах своего будущего героя. И, что особенно важно, владел его языком. Зощенко был наделён абсолютным слухом и прекрасной памятью. Он замечал: «Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным. Может быть, поэтому у меня много читателей». Не мало ли для такого успеха? Не мало. Если принять во внимание тот «воздух», который содержат эти короткие фразы. «Воздух» — это громадная работа Зощенко над переводом просторечного говора в русло литературного языка.

Смех Зощенко, по-своему понятый начинающим читателем, окрашивал его трудную жизнь и вселял надежду, что всё в конечном счёте обернётся к лучшему. Смеясь до упаду над зощенковскими рассказами, читатель шёл к Зощенко за рецептом, как больной к доктору. Но «доктор» избегал принимать «больных». Он был малообщительный и невесёлый человек. Он считал, что не смеяться над рассказами надо, а плакать. Зощенко был верным последователем гоголевского направления в литературе.

Своими рассказами Зощенко как бы призывал не бороться с людьми — носителями обывательских черт, а помогать им от этих обывательских черт избавляться. И ещё — насколько возможно — облегчить их заботы по устройству сносного быта...

Зощенко оставил нам более тысячи рассказов и фельетонов, повести, пьесы, киносценарии, критические статьи и многое другое — всего около ста тридцати книг вышло при его жизни. Изучая наследие писателя, мы, конечно же, вспомним Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, и, ещё раз подивившись тому, сколь стойки и неуязвимы традиции классической русской сатиры, где смех никогда не был смехом стороннего, где за внешне весёлой формой всегда стояло идущее от сердечной боли гражданское

содержание, мы неминуемо придём к мысли, что Зощенко, как и его великие предшественники, беззаветно верил в будущее своего народа, в его ум, трудолюбие и способность расстаться с тем, что мешает его историческому движению.

По Ю. Томашевскому

Проверьте себя

Что вы узнали из статьи Ю. Томашевского о М. Зощенко. Используя справочную литературу и ресурсы Интернета, подготовьте сообщение о писателе.

Беда

Егор Иваныч, по фамилии Глов, мужик из деревни Гнилые Прудки, два года копил деньги на лошадь. Питался худо, бросил махорку, а что до самогона, то забыл, какой и вкус в нём. То есть как ножом отрезало — не помнит Егор Иваныч, какой вкус, хоть убей.

А вспомнить, конечно, тянуло. Но крепился мужик. Очень уж ему нужна была лошадь.

«Вот куплю, — думал, — лошадь и клюкну тогда. Будьте покойны».

Два года копил мужик деньги и на третий подсчитал свои капиталы и стал собираться в путь.

А перед самым уходом явился к Егору Иванычу мужик из соседнего села и предложил купить у него лошадь. Но Егор Иваныч предложение это отклонил. И даже испугался.

— Что ты, батюшка! — сказал он. — Я два года солому жрал — ожидал покупки. А тут накося — купи у него лошадь. Это вроде как и не покупка будет... Нет, не путай меня, браток. Я уж в город лучше поеду. По-настоящему чтобы.

И вот Егор Иваныч собрался. Завернул деньги в портянку, натянул сапоги, взял в руки палку и пошёл.

А на базаре Егор Иваныч тотчас облюбовал себе лошадь.

Была эта лошадь обыкновенная, мужицкая, с шибко раздутым животом. Масти она была неопределённой — вроде сухой глины с навозом.

Продавец стоял рядом и делал вид, что он ничуть не заинтересован, купят ли у него лошадь.

Егор Иваныч повертел ногой в сапоге, ощупал деньги и, любовно поглядывая на лошадь, сказал:

— Это что ж, милый, лошадь-то, я говорю, это самое, продаёшь ай нет?

— Лошадь-то? — небрежно спросил торговец. — Да уж продаю, ладно. Конечно, продаю.

Егор Иваныч тоже хотел сделать вид, что он не нуждается в лошади, но не утерпел и сказал, сияя:

— Лошадь-то мне, милый, вот как требуется. До зарезу нужна мне лошадь. Я, милый ты мой, три года солону жрал, прежде чем купить её. Вот как мне нужна лошадь... А какая между тем цена будет этой твоей лошади? Только делом говори.

Торговец сказал цену, а Егор Иваныч, зная, что цена эта не настоящая и сказана, по правилам торговли, так, между прочим, не стал спорить. Он принялся осматривать лошадь. Он неожиданно дул ей в глаза и в уши, подмигивая, прищёлкивая языком, виляя головой перед самой лошадиной мордой, и до того запугал тихую клячу, что та, невозмутимая до сего времени, начала тихонько лягаться, не стараясь, впрочем, попасть в Егор Иваныча.

Когда лошадь была осмотрена, Егор Иваныч снова ощупал деньги в сапоге и, подмигнув торговцу, сказал:

— Продаётся, значит... лошадь-то?

— Можно продать, — сказал торговец, несколько обижаясь.

— Так... А какая ей цена-то будет? Лошади-то?

Торговец сказал цену, и тут начался торг.

Егор Иваныч хлопал себя по голенищу, дважды снимал сапог, вытаскивая деньги, и дважды надевал снова, божился, вытирал рукой слёзы, говорил, что он шесть лет лопал солону и что ему до зарезу нужна лошадь, — торговец сбавлял цену понемногу. Наконец в цене сошлись.

— Бери уж, ладно, — сказал торговец. — Хорошая лошадь. И масть крупная, и цвет, обрати внимание, какой заманчивый.

— Цвет-то... Сомневаюсь я, милый, в смысле лошадиного цвету, — сказал Егор Иваныч. — Неинтересный цвет... Сбавь немного.

— А на что тебе цвет? — сказал торговец. — Тебе что, пахать цветом-то?

Сражённый этим аргументом, мужик оторопело посмотрел на лошадь, бросил шапку наземь, задавил её ногой и крикнул:

— Пущай уж, ладно!

Потом сел на камень, снял сапог и вынул деньги. Он долго и с сожалением пересчитывал их и подал торговцу, слегка отвернув голову. Ему было невыносимо смотреть, как скрюченные пальцы разворачивали его деньги.

Наконец торговец спрятал деньги в шапку и сказал, обращаясь уже на «вы»:

— Ваша лошадь... Ведите...

И Егор Иваныч повёл. Он вёл торжественно, цокал языком и называл лошадь Маруськой. И только когда прошёл площадь и очутился на боковой улице, понял, какое событие произошло в его жизни. Он вдруг скинул с себя шапку и в восторге стал давить её ногами, вспоминая, как хитро и умно он торговался. Потом пошёл дальше, размахивая от восторга руками и бормоча:

— Купил!.. Лошадь-то... Мать честная... Опутал его... Торговца-то...

Когда восторг немного утих, Егор Иваныч, хитро смеясь себе в бороду, стал подмигивать прохожим, приглашая их взглянуть на покупку. Но прохожие равнодушно проходили мимо.

«Хоть бы землячка для сочувствия... Хоть бы мне землячка встретить», — подумал Егор Иваныч.

И вдруг увидел малознакомого мужика из дальней деревни.

— Кум! — закричал Егор Иваныч. — Кум, поди-козь поскорей сюда!

Чёрный мужик нехотя подошёл и, не здороваясь, посмотрел на лошадь.

— Вот... Лошадь я, этово, купил! — сказал Егор Иваныч.

— Лошадь, — сказал мужик и, не зная, чего спросить, добавил: — Стало быть, не было у тебя лошади?

— В том-то и дело, милый, — сказал Егор Иваныч, — не было у меня лошади. Если б была, не стал бы я трепаться... Пойдём, я желаю тебя угостить.

— Вспрыснуть, значит? — спросил земляк, улыбаясь. — Можно. Что можно, то можно. В «Ягодку», что ли?

Егор Иваныч качнул головой, хлопнул себя по голенищу и повёл за собой лошадь. Земляк шёл впереди.

Это было в понедельник. А в среду утром Егор Иваныч возвращался в деревню. Лошади с ним не было. Чёрный мужик провожал Егор Иваныча до немецкой слободы.

— Ты не горюй, — говорил мужик. — Не было у тебя лошади, да и эта не лошадь. Ну, пропил, — эка штука. Зато, браток, вспрыснул. Есть что вспомнить.

Егор Иваныч шёл молча, сплёвывая длинную жёлтую слюну.

И только когда земляк, дойдя до слободы, стал прощаться, Егор Иваныч сказал тихо:

— А я, милый, два года солому лопал... зря...

Земляк сердито махнул рукой и пошёл назад.

— Стой! — закричал вдруг Егор Иваныч страшным голосом. — Стой! Дядя... милый!

— Чего надо? — строго спросил мужик.

— Дядя... милый... братишка, — сказал Егор Иваныч, моргая ресницами. — Как же это? Два года ведь солому зря лопал... За какое самое... За какое самое это... вином торгуют?

Земляк махнул рукой и пошёл в город.

Проверьте себя

1. Чем объяснить то, что к Зощенко необычайно громкая слава пришла почти сразу после выхода его рассказов? Почему писатель считал, что над его рассказами надо не только смеяться, но и плакать? Каких писателей мы вспоминаем, размышляя над этим вопросом?
2. Что за человек герой рассказа «Беда» и что за история приключилась с ним? Что вызывает у вас эта история: смех, раздражение, слёзы? Кто виноват в том, что всё так печально закончилось?
3. Как вы думаете, от каких «обывательских черт» надо было бы избавиться мужику? Над чем смеётся и над чем горюет автор рассказа?

Учимся читать выразительно

Подготовьте чтение рассказа по ролям, обратите внимание на просторечную лексику героев, постарайтесь передать характеры персонажей.

Обогащаем свою речь

Объясните значение слов и подберите к ним синонимы: *облюбовал, до зарезу, земляк, невыносимо, очутился, скинул* (шапку).

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. М. Зощенко. «Беда»

1. У актёра были разные варианты чтения рассказа: читать его несколько отстранённо от героя, с лёгкой иронией или слиться с героем, передавая его сомнения, радость, восторг, беду. Какой вариант выбрал актёр?
2. Как вы считаете, прав ли он в своём выборе? Подготовьте развернутый устный ответ на этот вопрос.

Стихотворения о родной природе

«Каждый любит природу по-своему и „как может“, — пишет Константин Георгиевич Паустовский. — Любовь к природе не бездеятельна и созерцательна. В любую минуту она может перейти из состояния созерцательности в гнев и сопротивление. Многие знают тот леденящий сердце гнев, какой испытываешь при виде бессмысленного опустошения природы. Гул от падения срубленных на корню вековых деревьев причиняет почти физическую боль. Мы ведь знаем, что порой рубка леса вызывается не жизненной необходимостью, а разгильдяйством, невежеством и, что хуже всего, рваческим отношением к земле.

Редакции наших газет завалены сотнями писем простых людей со всех концов страны о неразумном, а то и просто преступном отношении к природе.

До сих пор у нас нет ещё полного понимания азбучной истины, что сохранение природы, сохранение пейзажа — дело государственной важности...

Своими моральными качествами, талантливостью и творческой силой наш народ обязан, среди других причин, и нашей природе. Сила её эстетического воздействия так велика, что, не будь её, у нас не было бы такого блистательного Пушкина, каким он был. И не только Пушкина, но и Лермонтова, Чайковского, Чехова, Горького, Тургенева, Льва Толстого, Пришвина и, наконец, не было бы плеяды¹ замечательных художников-пейзажистов²: Саврасова, Левитана, Борисова-Мусатова, Нестерова, Жуковского, Репина, Крымова, Ромадина и многих других.

...Понятно, что любование природой есть следствие любви к ней, а любовь к родной природе — один из вернейших признаков любви к своей стране...»

Проверьте себя

1. Прочитайте статью К. Паустовского «Заметки о живописи», из которой взят отрывок для учебника. Какое отношение к природе К. Паустовский называет преступным? Как перекликается эта мысль писателя с рассказом Е. Носова «Кукла»? Подготовьте статью «В защиту родной природы» для школьной газеты.
2. Читая стихотворения поэтов XX века о родине и родной природе, вы, конечно, вспомните и произведения русских поэтов XIX века — Пушкина и Лермонтова, Фета и Тютчева, Некрасова и Бунина... и, конечно, художников-пейзажистов...

Попробуйте определить, какое настроение несёт каждое из стихотворений.

¹ *Плеяда* — группа выдающихся деятелей эпохи, направления.

² *Художник-пейзажист* — художник, автор картин, изображающих природу.

Валерий Яковлевич
БРЮСОВ

1873—1924

Первый снег

Серебро, огни и блёстки —
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят берёзки,
Чёрно-голые вчера.

Это — область чьей-то грёзы,
Это — призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.

Воплощение мечтаний,
Всемогущего игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

В. Я. Брюсов. «Первый снег»

1. Какие особенности ритмики, лексики, эмоциональной окрашенности стихотворения подчёркивает, усиливает, дополняет музыка французского композитора Клода Дебюсси?
2. Согласны ли вы с актрисой, создавшей атмосферу сказки, грёзы, нереального, волшебного, зыбкого, полупризрачного мира? Испытали ли вы что-то подобное, видя заснеженную, преображённую снегопадом природу?
3. Напишите сочинение-миниатюру «Снег-волшебник».

Фёдор СОЛОГУБ¹

1863—1927

* * *

Забелелся туман за рекой,
Этот берег совсем не высок,
И деревья стоят над водой,
И теперь я совсем одинок.

Я в кустах поищу хворостин
И в костёр их на берег сношу,
И под ними огонь воскрешу,
Посижу, помечтаю один.

И потом, по теченью реки,
Потихоньку пойду босиком, —
И завизжу вдали огоньки,
Буду знать я, что близок мой дом.

¹ Псевдоним Фёдора Кузьмича Тетёрникова.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Ф. Сологуб. «Забелелся туман за рекой...»

1. Помогает ли вам музыка понять чувства и настроения лирического героя стихотворения? На что настраивает музыка Георгия Свиридова — на воспоминания или на мечты о будущем? Как вы думаете, могут ли совпадать воспоминания и мечты в одном настроении?
2. Чего больше — грусти или надежды — вам слышится в словах «Огонь воскрешу, посижу, помечтаю один»?
3. Каков финал стихотворения? Как бы вы его определили — грустный, радостный, печальный, оптимистичный, безысходный, светлый?

Сергей Александрович ЕСЕНИН

1895—1925

* * *

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Тёмным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колёс.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

С. А. Есенин. «Топа да болота...»

1. Ранние стихи Сергея Есенина обычно читают на высоком эмоциональном подъёме, подчёркивая свойственное молодости «половодье чувств». Народный артист России Сергей Сазонтьев читает стихотворение сдержанно, скупо проявляет чувства. Стало ли от этого воздействие произведения на слушателя слабее?
2. Подготовьте письменный отзыв на чтение актёром стихотворения С. Есенина.

Николай Алексеевич ЗАБОЛОЦКИЙ

1903—1958

* * *

Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховой,
Подорожника твёрдый клинок.

Чем обычной простое растенье,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появленье
На рассвете весеннего дня.

В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поёт,
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.

Жизнь потоком светящейся пыли
Всё текла бы, текла сквозь листья,
И туманные звёзды светили,
Заливая лучами кусты.

И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Всё лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.

Н. А. Заболоцкий. «Я воспитан природой суровой...»

1. Начиная читать стихотворение, актёр выделяет голосом эпитет «суровый». Как вы думаете, согласуется ли это с позицией автора? Почему автор использовал инверсию в первой строке стихотворения?
2. Почему и поэта, и актёра более всего волнует обычное, простое в окружающей природе?
3. В каких строках стихотворения с наибольшей полнотой выражена мысль о единении человека и природы?

Николай Михайлович РУБЦОВ

1936—1971

Тихая моя Родина

В. Белову

Тихая моя Родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травкою зарос.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя Родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зелёный простор.
Словно ворона весёлая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Н. М. Рубцов. «Тихая моя Родина»

Когда-то поэзию Николая Рубцова называли «тихой лирикой». В самом деле, она тиха, без эмоциональных всплесков, восторгов. Лирический герой благоговейно смотрит на проходящие перед взором картины родной земли. Так же негромко, как бы боясь спугнуть видение, читает стихи народный артист России Леонид Кулагин, чуть слышно звучит музыка Георгия Свиридова. Но в конце стихотворения, в финале, у актёра всё же прорываются страстные чувства любви к Родине, «самой жгучей связи» с нею. Согласны ли вы с таким эмоциональным рисунком прочтения стихотворения? Почему?

Проверьте себя

1. Какие строчки, приметы родных мест, обозначенных авторами, показались вам особенно запоминающимися?
2. Какие стихотворения о родной природе вы стали бы читать, когда вам грустно или радостно? Приведите примеры, как через стихотворение о родной природе автор передаёт нам своё настроение. Какие художественные средства (эпитеты, сравнения, метафоры и пр.) помогают автору в этом?

Литература и изобразительное искусство

1. Какие художники-пейзажисты вам известны? Расскажите об одном из них (например, о Левитане), продемонстрируйте репродукции его картин. Используйте в рассказе отрывок из статьи К. Г. Паустовского «Заметки о живописи».

2. Подумайте, картины каких художников-пейзажистов (Шишкин, Саврасов, Левитан и др.) близки к каждому из авторов произведений, включённых в раздел «Тихая моя Родина...».

В творческой лаборатории писателя

Создайте устный или письменный рассказ по одной из картин на тему «Всякому мила своя сторона», включив в него строки стихотворений о родной природе.

Проект

Подготовьте и проведите конкурс чтецов на тему «Тебе, родной край, посвящается». Участникам конкурса предложите кратко рассказать о поэте, стихотворения которого они будут читать. В жюри постарайтесь пригласить актёра из театра или руководителя театрального (драматического) кружка.

ПЕСНИ НА СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ XX ВЕКА

Инна Анатольевна
ГОФФ

1928—1991

Русское поле

Поле,
Русское поле...
Светит луна или падает снег —
Счастьем и болью
Вместе с тобою.
Нет, не забыть тебя сердцу вовек!

Русское поле,
Русское поле...
Сколько дорог прошагать мне пришлось!
Ты моя юность,
Ты моя воля,
То, что сбылось, то, что в жизни сбылось.

Не сравнятся с тобой
Ни леса, ни моря.
Ты со мной, моё поле,
Студит ветер висок.

Здесь Отчизна моя,
И скажу, не тая:
— Здравствуй, русское поле,
Я твой тонкий колосок.

Поле,
Русское поле...
Пусть я давно человек городской,
Запах полыни,
Вешние ливни
Вдруг обожгут меня прежней тоской.

Русское поле,
Русское поле...
Я, как и ты, ожиданьем живу,
Верю молчанью,
Как обещаю,
Пасмурным днём вижу я синеву.

Не сравнятся с тобой
Ни леса, ни моря.
Ты со мной, моё поле,
Студит ветер висок.
Здесь Отчизна моя,
И скажу, не тая:
— Здравствуй, русское поле,
Я твой тонкий колосок.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСНИ

**И. А. Гофф. «Русское поле». Песня на стихи И. А. Гофф
«Русское поле». Музыка Я. Френкеля**

1. Какие чувства и настроения сменяют друг друга в чтении актрисой стихотворения Инны Гофф «Русское поле»?
2. Сравните чтение актрисы и исполнение песни. У кого, у актрисы или у певцов, было больше возможностей разнообразить характер исполнения, показать различные оттенки переживаний лирического героя? Как вы думаете почему?

Булат Шалвович ОКУДЖАВА

1924—1997

По Смоленской дороге

По Смоленской дороге — леса, леса, леса.
По Смоленской дороге — столбы, столбы, столбы.
Над Смоленской дорогой, как твои глаза, —
две вечерних звезды — голубых моих судьбы.

По Смоленской дороге — метель в лицо, в лицо,
всё нас из дому гонят дела, дела, дела.
Может, будь понадёжнее рук твоих кольцо —
покороче б, наверно, дорога мне легла.

По Смоленской дороге — леса, леса, леса.
По Смоленской дороге — столбы, столбы, столбы.
На дорогу Смоленскую, как твои глаза,
две холодных звезды голубых глядят, глядят.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ
И ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСНИ

Б. Ш. Окуджава. «По Смоленской дороге».
Песня Б. Ш. Окуджавы «По Смоленской дороге»

1. Сравните чтение стихотворения Булата Окуджавы народным артистом России Леонидом Кулагиным и исполнение песни.

2. Как вы считаете, отличается ли общий эмоциональный настрой актёрского чтения и звучания песни? Чем?
3. Каким вам представляется характер, возраст, судьба, настроение лирического героя прочитанного стихотворения и лирического героя песни? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Александр Николаевич ВЕРТИНСКИЙ

1889—1957

Доченьки

У меня завелись ангелята,
Завелись среди белого дня.
То, над чем я смеялся когда-то,
Всё теперь восхищает меня.

Жил я шумно и весело, каюсь.
Но жена всё к рукам прибрала.
Совершенно со мной не считаюсь,
Мне двух дочек она родила.

Я был против... Начнутся пелёнки,
Для чего свою жизнь усложнять?
Но залезли мне в сердце девчонки,
Как котята в чужую кровать.

И теперь с новым смыслом и цельюю
Я, как птица, гнездо своё вью
И порою над их колыбелью
Сам себе удивлённо пою:

Доченьки, доченьки,
Доченьки мои,
Где ж вы, мои ноченьки,
Где ж вы, соловьи?

Много русского солнца и света
Будет в жизни дочурок моих.
И что самое главное — это
То, что Родина будет у них.

Будет дом, будет много игрушек.
Мы на ёлку повесим звезду.
Я каких-нибудь добрых старушек
Специально для них заведу.

Чтобы песни им русские пели,
Чтобы сказки ночами плели,
Чтобы тихо года шелестели,
Чтобы детство забыть не могли.

Правда, я постарею немного,
Но душой буду юн, как они,
И просить буду доброго Бога,
Чтоб продлил мои грешные дни.

Вырастут доченьки,
Доченьки мои,
Будут у них ноченьки,
Будут соловьи.

И закроют оченьки
Доченьки мои,
Мне споют на кладбище
Те же соловьи.

А. Н. Вертинский. «Доченьки».
Песня А. Н. Вертинского «Доченьки»

Александр Николаевич Вертинский писал стихотворения не для чтения; он писал и сам исполнял песни. Но в последние десятилетия стихотворные произведения Вертинского неоднократно издавались как сборники стихов, произведения для чтения. Каждый из читателей

находит в произведениях Вертинского что-то созвучное своим мыслям, своим настроениям. Иногда при этом не всё совпадает с чувствами и думами, выраженными в песне.

Послушайте песню «Доченьки» в исполнении актёра Алексея Емцова и стихотворение «Доченьки», прочитанное Владимиром Завьяловым. Услышали ли вы различия в трактовке текста Вертинского разными исполнителями? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Литература и другие виды искусства

1. Какие романсы и песни на слова и музыку русских поэтов и композиторов XIX—XX веков вам известны? Вспомните и назовите их авторов.
2. В аудиозаписи вы прослушали песни «Русское поле» Инны Гофф, «По Смоленской дороге» Булата Окуджавы и «Доченьки» Александра Вертинского. О чём эти песни? Чем они вас поразили? Подготовьте развёрнутый ответ.

Проект

Подготовьте подробный сценарий литературно-музыкального вечера «Тихая моя родина...».

Расул ГАМЗАТОВ

1923—2003

Маленькая Авария. Страна суровой судьбы. Край древний, как само время. Дагестан — Страна гор — так называют свою родину сами горцы. Авария — самая недоступная её часть. В Дагестане зарегистрировано 33 местных народности, с десятью разнообразными языками, наречиями (аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, ногойцы, таты, чеченцы и др.).

Слово в горах было издавна реальной силой. Расулу Гамзатову было одиннадцать лет, когда он сочинил своё первое стихотворение. Поэзия начинается с удивления. Если с удивления начинается поэзия, то оно почти всегда заставляет читателя поверить, что поразившее поэта явление не было случайным и заключает в себе глубокий смысл...

Ребёнком Расул жадно впитывал в себя звуки и краски окружающего. Традиции национального уклада горцев, старинные легенды и народные песни, влияние русской культуры — вот что питало музу Расула Гамзатова. Он с детства не был предубеждён против других наций, других культур. Мальчиком почувствовал бережное отношение к слову. За крепостной стеной — школа, где он учился, куда пришёл учителем, отсюда ушёл с аварским передвижным театром по аулам. В Аварии вышла первая книга стихов Расула Гамзатова «Любовь вдохновенная и гнев огненный». Большое значение для формирования поэтического таланта Гамзатова имела учёба в Литературном институте в Москве. Дружба с русскими поэтами дала Расулу

и переводчиков (Н. Гребнев, Я. Козловский и др.). В то же время многие дагестанские поэты взяли за образец работу Гамзатова по переводам русской классики («Медный всадник», «Полтава» Пушкина, стихотворения Лермонтова, Маяковского).

Главным для Расула Гамзатова всегда оставалась правда, духовная жизнь народа. Поэт пишет, что если кому он и кланялся, то только цветам весной. Желание приносить пользу людям, желание участвовать в общем деле — это приметы активной позиции Гамзатова. Для него становятся важными вечные темы и проявление в них нового, современного. В возвращении к истокам есть и черты «личного» времени, зрелость собственного возраста («Я вновь пришёл сюда и сам не верю...»), по-особому осмысливается тема тоски по Родине («Опять за спиной родная земля...»). Он открыл горцам русскую традицию гуманизма. Одно из наиболее сильных стихотворений Гамзатова — «Родной язык»:

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нём не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.

(Перевод Н. Гребнева)

Шестидесятые годы в поэзии Гамзатова отмечены пристальным вниманием к духовной жизни своего народа, миру души человека. В книге «Высокие звёзды» мы впервые находим новые жанры — восьмистишия и надписи. Для творчества Расула Гамзатова характерен сплав вековых традиций с тем новым, что пришло в горы, распахнув неоглядные дали перед его народом. Мир стал бы совершенней, говорит поэт, если бы следовал обычаям и древним, и новым, лишь бы они были добрыми.

По Вл. Огневу

* * *

Земля как будто стала шире.
И тем горжусь, что в наши дни
Всё больше в беспокойном мире
Моей становится родни.

*(«О моей родине»,
перевод Я. Козловского)*

Из цикла «Восьмистишия»¹

* * *

О
пять за спиною родная земля,
И снова чужая земля за рекою,
Граница отчизны — не лес, не поля.
Граница отчизны — граница покоя.

Но вновь возвращаюсь я издалека,
Друзьям пожимаю горячие руки,
Граница отчизны — не мост, не река.
Граница отчизны — граница разлуки.

* * *

Я
вновь пришёл сюда и сам не верю.
Вот класс, где я учился первый год.
Сейчас решусь, сейчас открою двери.
Захватит дух, и сердце упадёт.

И босоногий мальчик, мне знакомый,
Встав со скамьи, стоявшей в том году,
Навстречу побежит ко мне, седому.
И этой встречи я боюсь и жду.

Проверьте себя

1. Что нового вы узнали из статьи Вл. Огнева о Гамзатове?
2. О чём приведённые в вашем учебнике стихотворения Гамзатова? Какие общие для мировой поэзии темы развивает поэт?
3. Как вы понимаете следующие строки?

Всё больше в беспокойном мире
Моей становится родни...

Граница отчизны — не лес, не поля.
Граница отчизны — граница покоя.

¹ Цикл «Восьмистишия» перевёл Н. Гребнев.

Любовь к своей нации обязывает людей быть признательными к тем народам, влияние которых было полезно для неё.

Н. Г. Чернышевский

Роберт БЁРНС

1759—1796

Роберт Бёрнс — удивительное и редкое явление в поэзии. Сын шотландского крестьянина и сам крестьянин, нередко слагавший свои стихи за работой в поле, он — живое и яркое свидетельство огромной духовной творческой силы народа...

А. Т. Твардовский

Роберт Бёрнс родился в 1759 году на севере Шотландии в семье трудолюбивых фермеров. Его отец стремился к образованию, любил книги. По вечерам и сам писал «Наставление в вере и благочестии» для своего сына-первенца. В нём он записывал воображаемый вопрос и давал на него ответ — что есть Добро и Зло, что такое Долг человека. Сыновьям он нашёл учителя и гордился их успехами в учении. На всю жизнь сохранилась у будущего поэта любовь к книгам, купленным отцом, — «Жизнь Ганнибала», «История сэра Уильяма Уоллеса¹», он перечитывал их без конца.

Со смертью отца, по словам Бёрнса, он потерял «лучшего из друзей, мудрейшего из наставников»:

Был честный фермер мой отец,
Он не имел достатка,
Но от наследников своих
Он требовал порядка.

¹ Уоллес — легендарный герой многовековой борьбы Шотландии за независимость.

Учил достоинство хранить,
Хоть нет гроша в карманах.
Страшнее — чести изменить,
Чем быть в отрепьях рваных!..

Впоследствии и сам поэт становится наставником своему младшему брату, которому писал: «Прежде всего учишь сдержанности и молчаливости. Будь ты мудрым, как Ньютон, и остроумным, как Свифт, — болтливость всегда принизит тебя в глазах окружающих...» И в другом письме: «Душа человека — его королевство. Сейчас в твоём возрасте закладываются черты характера... И эти черты останутся в тебе до самого конца».

Его поэтическая лира воспеваёт пахаря и угольщика, пастуха и кузнеца, она близка к народным песням, балладам, преданиям и сатирическим народным произведениям. Поэт всегда на стороне бедных и обездоленных, несправедливо униженных и обиженных. Отчётливо понимая, что поэтический дар — особый дар, Бёрнс всё-таки считает, что «совершенство в этой профессии есть плод усердия, труда, вдумчивости и поисков...». Серьёзной считает он и миссию — назначение поэта:

Одной мечтой с тех пор я жил:
Служить стране по мере сил...

Вот почему особое место занимали в его поэзии песни, идущие от простого люда:

При всём при том,
При всём при том
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

Несмотря на тяжёлую работу фермера и поэтическую деятельность, Бёрнс и его семья пребывали в бедности и нужде. Лишь после смерти поэта его слава стала расти, а произведения начали издаваться на всех языках мира.

Русские читатели стали знакомиться с его поэзией по переводам известных русских поэтов. В наше время стихотворения Роберта Бёрнса заблистали новыми красками благодаря переводам Самуила Яковлевича Маршака, который, по словам А. Т. Твардовского, «сделал Бёрнса русским, оставив его шотландцем».

Проверьте себя

1. Кого воспевал поэт в своих произведениях? Что вам известно о нём?
2. Прочитайте книгу Р. Райт-Ковалёвой из серии ЖЗЛ «Роберт Бёрнс», подготовьте рассказ о поэте. Автор этой книги пишет: «Пожалуй, нет в мире поэта, которого бы так знали и так пели — на протяжении двух веков! — в его родной стране. Строки его лучших стихов стали лозунгами, их несут на стягах шотландцы во время всемирных фестивалей — встреч доброй воли. Его слова вошли в поговорки, в пословицы, его песни вернулись в народ». Познакомьтесь со стихотворением Бёрнса «Честная бедность». Подумайте, насколько справедливы слова автора книги о Роберте Бёрнсе.

Честная бедность

Кто честной бедности своей
Стыдится и всё прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всём при том,
При всём при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьём,
Мы укрываемся тряпьем
И всё такое прочее.
А между тем дурак и плут
Одеты в шёлк и вина пьют
И всё такое прочее.

При всём при том,
При всём при том
Судите не по платью,
Кто честным кормится трудом, —
Таких зову я знатью.

Вот этот шут — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всём при том,
При всём при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всём при том,
При всём при том
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И всё такое прочее!

Настанет день, и час пробьёт,
Когда уму и чести
На всей земле придёт черёд
Стоять на первом месте.

При всём при том,
При всём при том
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!
(Перевод С. Маршака)

 Проверьте себя

1. Понравилось ли вам стихотворение Бёрнса? Что возмущает поэта? На что он надеется и во что верит?

2. Какая из пословиц близка основной мысли стихотворения Бёрнса «Честная бедность»: «Правда любого врага одолеет», «И сила уму уступает», «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом»?

Учимся читать выразительно

Выучите стихотворение наизусть, прочитайте в классе, подчеркнув его грустный и одновременно шуточный характер.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Р. Бёрнс. «Честная бедность»

1. Стихотворение Роберта Бёрнса читают несколько актёров. Создаётся карнавальное многоголосие шумной, весёлой толпы. Какой вам представляется толпа? Почему? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.
2. Как вы думаете, почему все актёры, читающие стихотворение, выдерживают единый ритм чтения, единый эмоциональный настрой?
3. Как вы считаете, соответствует ли такое многоголосное чтение замыслу поэта?

Помогает ли чтение актёров чётче донести до слушателя идею (основную мысль) стихотворения?

Джордж Гордон БАЙРОН

1788—1824

Джордж Гордон Байрон — английский поэт, автор поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда», главным героем которой является бунтарь. Поэт принимал участие в борьбе итальянского и греческого народов за независимость. Литературовед Р. Усманова пишет, что декабристы считали Байрона примером служения делу свободы, борьбы с тиранией. Пушкин и Лермонтов неоднократно обращались в своих произведениях к его вольнолюбивой поэзии.

А. С. Пушкин назвал Байрона гением, «властителем дум», воспел его в своих стихотворениях, сравнивая мятежную душу поэта с могучей стихией моря:

Твой образ был на нём означен.
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим...

Произведения Байрона печатаются на различных языках мира. Гуманистический смысл творчества Байрона заключён в его собственных словах: «...всё, что человечество гнетёт, / Всегда во мне противника найдёт...»

Ты кончил жизни путь, герой!..

Ты кончил жизни путь, герой!
Теперь твоя начнётся слава,
И в песнях родины святой
Жить будет образ величавый,

Жить будет мужество твоё,
Освободившее её.

Пока свободен твой народ,
Он позабыть тебя не в силах.
Ты пал! Но кровь твоя течёт
Не по земле, а в наших жилах;
Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвиг должен в нашу грудь.

Врага заставим мы бледнеть,
Коль назовём тебя среди боя;
Дев наших хоры станут петь
О смерти доблестной героя;
Но слёз не будет на очах:
Плач оскорбил бы славный прах.

(Перевод А. Плещеева)

Проверьте себя

Назовите героев сказок и былин, пушкинских и лермонтовских произведений, которые могут в других «отвагу мощную вдохнуть» и о которых можно сказать словами стихотворения Байрона: «И в песнях родины святой / Жить будет образ величавый».

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение стихотворения «Ты кончил жизни путь, герой!..» и скажите, какому герою вы посвящаете своё чтение.

Читаем самостоятельно

Познакомьтесь с книгой Джорджа Гордона Байрона «Избранное» (с послесловием Р. Усмановой).

ЯПОНСКИЕ ТРЁХСТИШИЯ (ХОККУ)

Японское лирическое стихотворение хокку (хайку) отличается предельной краткостью и своеобразной поэтикой.

Народ любит и охотно создаёт короткие песни — сжатые поэтические формулы, где нет ни одного лишнего слова. Из народной поэзии эти песни переходят в литературную, продолжают развиваться в ней и дают начало новым поэтическим формам. Такие стихи можно сочинить быстро, под влиянием непосредственного чувства. Можно афористически, сжато выразить свою мысль так, чтобы она запоминалась и переходила из уст в уста. Их легко использовать для похвалы или, наоборот, язвительной насмешки.

Интересно отметить, что стремление к лаконизму, любовь к малым формам вообще присущи японскому национальному искусству... Хокку — лирическое стихотворение о природе. Оно изображает жизнь природы и жизнь человека в их слитном, нерасторжимом единстве на фоне круговорота времён года. В каждом стихе хокку определённое количество слогов: пять в первом, семь во втором и пять в третьем — всего семнадцать слогов.

Ударения в хокку роли не играют... Рифмы нет, но звуковая и ритмическая организация трёхстишия — предмет большой заботы японских поэтов. Краткость роднит хокку с народными пословицами. Некоторые трёхстишия получили хождение в народной речи на правах пословиц, как, например, стихотворение поэта Басё:

Слово скажу —
Леденеют губы.
Осенний вихрь!

Как пословица оно означает, что «осторожность иногда заставляет промолчать». Но чаще всего хокку резко отличается от пословицы по своим жанровым признакам. Это не назидательное изречение, короткая притча или меткая острота, а поэтическая картина, набросанная одним-двумя штрихами. Задача

поэта — заразить читателя лирическим волнением, разбудить его воображение, и для этого не обязательно рисовать картину во всех её деталях.

Сборник хокку нельзя «пробегать глазами», листая страницу за страницей. Если читатель будет пассивным и недостаточно внимательным, он не воспримет импульса, посланного ему поэтом...

Когда поэт Йсса заступает за светлячка, муху, лягушку, нетрудно понять, что тем самым он встаёт на защиту обездоленного человека...

Вот выплыла луна,
И каждый мелкий кустик
На праздник приглашён, —

говорит Йсса, и мы узнаём в этих словах мечту о равенстве людей.

Хокку сродни искусству живописи. Они нередко писались на сюжеты картин и, в свою очередь, вдохновляли художников; подчас они превращались в компонент картины в виде калли-

графически выполненной надписи на ней. Таково, например, трёхстишие Басё:

Цветы сурепки вокруг.
На западе гаснет солнце.
Луна на востоке встаёт.

Поэт предлагает по-новому взглянуть на ту картину, которую каждый видел, может быть, десятки раз...

Часто Басё создаёт не зрительные, а звуковые образы. Вой ветра, стрекот цикад, крики фазана, пенье соловья и жаворонка, голос кукушки — каждый звук исполнен особого смысла, рождает определённые настроения и чувства. В лесу звучит целый оркестр. Жаворонок ведёт мелодию флейты, резкие крики фазана — ударный инструмент:

Жаворонок поёт.
Звонким ударом по чаще
Вторит ему фазан.

В книге избранных хокку — вся природа Японии, исконный уклад её жизни, обычаи и верования, труд и праздники япон-

ского народа в их самых характерных, живых подробностях. Вот почему хокку любят, знают наизусть и сочиняют до сих пор.

Переводчик стремится сохранить лаконизм хокку и в то же время сделать их понятными. Надо, однако, помнить, что японское трёхстишие обязательно требует от читателя работы воображения, участия в творческом труде поэта. В этом главная особенность хокку. Всё растолковывать до конца — значит не только погрешить против японской поэзии, но и лишить читателя большой радости самому вырастить цветы из горсти семян, щедро рассыпанных японскими поэтами.

По В. Марковой

Прочитаем хокку двух японских поэтов, постараемся понять их смысл и красоту...

Мацуо Басё

1644—1694

Выдающийся национальный поэт Японии Мацуо Басё родился в 1644 году. Его стихи и ныне, по прошествии трёх веков, знает наизусть каждый культурный японец. Поэт вдохнул в хокку жизненную правду, поэтические образы. Его хокку полны глубокого значения, они раскрывают перед нами душевный мир, его чувства и переживания. Герои хокку Басё влюблены в природу родной страны. Он хорошо знал жизнь простых людей Японии. Судьба самого поэта складывалась своеобразно. Он — сын учителя каллиграфии, с детства был товарищем игр княжеского сына — большого любителя поэзии, начал рано писать стихи. После смерти своего господина ушёл в город, принял постриг, но настоящим монахом не стал, жил в маленьком предместье. Поэзия его — не средство пропитания, но высокое призвание всей его жизни. Она отличается возвышенным строем чувств и жизненной правдой.

* * *

Праздник Нового года!
Но печален я, вспоминая
Долгий вечер осенний.

О

* * *

О проснись, проснись!
Стань товарищем моим,
Спящий мотылёк!

* * *

Проталина в снегу.
А в ней — светло-лиловый
Спаржи стебелёк.

* * *

Все волнения, всю печаль
Твоего смятенного сердца
Гибкой иве отдай!

* * *

Весеннее утро.
Над каждым холмом безыменным
Прозрачная дымка.

Кобаяси Исса

1763—1827

Кобаяси Ёсса родился в горной деревне в семье крестьянина. Мать его умерла, когда он был ребёнком, мачеха обращалась с ним жестоко, поэтому он четырнадцати лет от роду ушёл «в люди», долгие годы боролся с нуждой. Только на склоне лет получил наследство и смог жить в достатке, много странствовал, оставил богатое поэтическое наследие: более шести тысяч хокку, дневники, шуточные стихи.

* * *

В стране моей родной
Цветёт вишнёвым цветом
И на полях трава!

* * *

Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету.

* * *

Вот выплыла луна,
И самый мелкий кустик
На праздник приглашён.

* * *

По дороге не ссорьтесь,
Помогайте друг другу, как братья,
Перелётные птицы!

* * *

Стаял зимний снег.
Озарилась радостью
Даже лица звёзд.

* * *

Ах, не топчи траву!
Там светляки сияли
Вчера ночной порой.

* * *

Верно, в прежней жизни
Ты сестрой моей была,
Грустная кукушка?

* * *

Наша жизнь — росинка,
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь — и всё же.

Проверьте себя

Вы познакомились с хокку. Выберите и прочитайте вслух наиболее понравившиеся, расскажите, как вы их понимаете.

Творческое задание

1. Рассмотрите пейзажи на декоративных панно (с. 249—250), попробуйте написать собственные хокку, навеянные образом японской природы.
2. Попробуйте подготовить собственные хокку, посвятив их родной природе или своим отношениям с друзьями.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Японские трёхстишия (хокку). Мацуо Басё, Кобаяси Исса

Актёры читают стихи, стремясь выразить глубокую мысль, особое эмоциональное состояние, удивление. Послушайте внимательно хокку, прочитанные актёрами Владимиром Завьяловым, Еленой Габеец и народной артисткой России Алиной Покровской, попробуйте определить, что показалось актёрам главным в каждом из стихотворений.

О. ГЕНРИ

1862—1910

О. Генри (настоящее имя писателя — Уильям Сидни Портер) родился в 1862 году в семье врача на юге Америки. Детские годы его были омрачены ранним сиротством.

В трёхлетнем возрасте он лишился матери, умершей от туберкулёза, попал под опеку своей тётки по отцу. Она содержала школу. Здесь он проучился девять лет, получил хорошее образование, приохотился к чтению, познакомился с романами Ч. Диккенса, У. Коллинза, В. Скотта, А. Дюма.

Портеру рано пришлось думать о собственном заработке, поскольку его отец после смерти жены забросил врачебную практику, пристрастился к спиртному, стал ненадёжным кормильцем семьи.

Пятнадцатилетним юношей Портер становится дипломированным фармацевтом, затем отправляется в далёкий Техас, «посвящается в ковбои». Там основательно изучает испанский, французский, немецкий языки. Жизнь писателя и его творческая судьба были нелёгкими. Писательская деятельность О. Генри продолжалась недолго, но плодотворно, он написал множество рассказов. Умер в Нью-Йорке в 1910 году. Прошло сто лет, но его произведения до сих пор остаются любимыми. Они привлекают читателя как источник добра и человечности, они радуют, увлекают, пробуждают добрые чувства.

По Ф. Золотаревской

Проверьте себя

Известны ли вам рассказы О. Генри? Какие именно?

Творческое задание

Прочитайте рассказ «Дары волхвов» в переводе Е. Калашниковой и подумайте, каким чувством пронизано это произведение писателя. Подготовьте инсценированное чтение рассказа или пересказ от лица одного из героев (на выбор).

Дары волхвов

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было всё. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуть на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слёз, вздохов и улыбок, причём вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдавить ни звука. К сему присовокуплялась карточка с надписью «М-р Джеймс Диллингхем Юнг». «Диллингхем» развернулось во всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того как этот доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингхем» потускнели, словно не на шутку задумавшись: а не сократиться ли им в скромное и неприятное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингхем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас: «Джим!» — и нежные объятия миссис Джеймс Диллингхем Юнг, уже пред-

ставленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошлась пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у неё только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот всё, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Её Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкое, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой мебелированной квартиры? Очень худой и очень подвижный человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза её сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингхем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно — золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое — волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения её величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвёт на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю её фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковёр.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блёстками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «*M-me Sophronie. Всевозможные изделия из волос*». Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— Я покупаю волосы, — ответила мадам. — Снимите шляпку, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

— Давайте скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прошу прощенья за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она всё в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, — такими и должны быть все хорошие вещи. Её, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела её, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восьмьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который

час. Как ни великолепно были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчёту. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причинённые великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполнский труд.

Не прошло и сорока минут, как её голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали её удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, — сказала она себе, — Джим не убьёт меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, и раскалённая сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У неё была привычка обращаться к Богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

— Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась!

Дверь отворилась, Джим вошёл и закрыл её за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелёгкое дело в двадцать два года быть обременённым семьёй! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мёрзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учувший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрёк, ни ужас — ни одного из тех чувств, которых можно было бы

ожидать. Он просто смотрел на неё, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердись, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты остригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он всё ещё не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня всё равно будешь любить? Я ведь всё та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоуменно оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдёшь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала. Сегодня Сочельник, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, — продолжала она, и её нежный голос вдруг зазвучал серьёзно, — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займёмся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше — восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намёки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто свёрток и бросил его на стол.

— Не пойми меня ложно, Делла, — сказал он. — Никакая причёска и стрижка не могут заставить меня раз-

«Дары волхвов». Художник И. Пчелко

любить мою девочку. Но разверни этот свёрток, и тогда ты поймёшь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечёвку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — увы! — чисто поженски сменившийся потоком слёз и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней — один задний и два боковых, — которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет

её каштановых волос. Они стоили дорого — Делла знала это, — и сердце её долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожделенный блеск.

Всё же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слёзы, сказала:

— У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котёнок, и воскликнула:

— Ах, Боже мой!

Ведь Джим ещё не видел её замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах её бурной и искренней радости.

— Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, покуда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть всё вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лёг на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

— Делла, — сказал он, — придётся нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары Младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговорённым правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

Проверьте себя

1. О чём этот рассказ?
2. Можно ли отнести это произведение к жанру рождественских? Почему?
3. Какое чувство объединяет героев рассказа?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

О. Генри. «Дары волхвов»

1. Какие чувства автора к Делле сумел подчеркнуть актёр в своём чтении?
2. Читая описание квартиры героев рассказа, актёр позволяет себе лёгкую иронию. Даёт ли основание для этого авторский текст? Аргументируйте свой ответ цитатами из текста рассказа.
3. Какие интонации слышны в голосе актёра, когда он читает слова о том, какой подарок Делла мечтала купить Джиму? Какие чувства Деллы раскрываются в этих мечтах?
4. Подготовьте выразительное чтение сцены вручения супругами друг другу подарков, помня, что главное в этой сцене — любовь героев, как это и должно быть в рождественском рассказе.

Рэй Дуглас БРЭДБЕРИ

1920—2012

Брэдбери — современный американский писатель-фантаст, автор романов и рассказов, получивших широкую известность. Начал писать с 1943 года, публиковался в периодических изданиях. Первый сборник рассказов вышел в 1947 году. Репутацию мастера научной фантастики Брэдбери принесли «Марсианские хроники», где рассказывается о космической войне близкого будущего. События отнесены к 1999—2026 годам. Земляне посягают на завоевание Марса. Для земной цивилизации, переживающей необратимый кризис, эта война завершается полной катастрофой. Атомные взрывы опустошили материки. Уже в этом произведении, как и в последовавшем за ним романе «451° по Фаренгейту», проявились характерные особенности прозы этого автора: соединение фантастики с острым социальным критицизмом, аргументируемое спецификой современной ситуации предвидение будущего. 451° (по шкале Фаренгейта) — это температура, при которой горит бумага. Речь в романе идёт о сжигании книг, о запрете на свободу слова, о гибели культуры в условиях тоталитарного режима, облик которого отчётливо вырисовывается в настоящем. Центральный персонаж романа — «пожарник», человек, сжигающий книги. Он говорит: «Это неплохая работа. В понедельник книги Эдны Миллей, в среду — Уитмена, в пятницу — Фолкнера. Сжигать в пепел, затем сжечь даже пепел. Таков наш профессиональный долг». Людям не дают думать, размышлять над своей судьбой («Не дай бог, если они начнут делать выводы и обобщения»). Насаждается интеллектуальный стандарт; людей, читающих книги, объявляют сумасшедшими. Культивируется тип человека, утратившего своё лицо, свою неповторимость. Вместо него появляется манекен, бездуховное су-

щество, прочными узами связанное с экраном телевизора — источником всех его представлений о происходящем. Именно такая ситуация подмены живого существа, подлинной жизни бездушным механизмом, роботом возникает во многих рассказах Брэдбери («Вельд», «Превращение»).

Как и другие мастера американской художественной футурологии (Курт Воннегут, Роберт Шекли), Брэдбери пишет о пагубных для человечества последствиях антигуманного технизма, о том, что на современной стадии научно-технической революции многие из её открытий обернулись бедствием для людей. Брэдбери с большой силой передал атмосферу 50-х годов, когда тень атомной войны нависла над Землёй. В «Марсианских хрониках» передано чувство страха, охватившего людей, живущих в напряжённом ожидании катастрофы. Один из персонажей — рядовой налогоплательщик по фамилии Причард — во что бы то ни стало хочет покинуть Землю и вместе с космонавтами улететь на Марс: «любой здравомыслящий человек мечтает унести ноги с Земли. Не позже чем через два года на Земле разразится атомная мировая война, и он вовсе не намерен дожидаться, когда это произойдёт». Человек хочет быть «подальше от войн и цензуры, от бюрократии и воинской повинности, от правительства, которое не даёт шагу шагнуть без разрешения, подмяло под себя и науку, и искусство!».

При всей горькой остроте содержащихся в ней откровений проза Брэдбери поэтична. В его рассказах и романах звучат предостережения, обращённые к людям, страх за их будущее, боль и печаль, редко надежда. Возникают картины опустошённой земли, высохших водоёмов, одиночества тех, кто случайно остался в живых (рассказ «Каникулы»). Брэдбери исполнен сострадания к людям, он любит их, что рождает лиризм его прозы.

Н. Михальская

РАДОСТЬ ПИСАТЬ

Пыл. Увлечённость. Как редко приходится слышать эти слова. Как редко встречается то и другое в жизни и даже в творчестве. И всё же, попроси меня любой писатель назвать самое главное в нём как в писателе, попроси назвать то, что побуждает его придавать материалу ту, а не другую форму и несёт

его туда, куда он хочет попасть, ответом ему будет: твой пыл, твоя увлечённость.

У каждого из вас свои любимые писатели, у меня свои: Диккенс, Марк Твен, Томас Вулф, Пикок, Бернард Шоу, Мольер, Бен Джонсон, Уичерли, Сэм Джонсон. Поэты: Джерард Мэнли Хопкинс, Дилан Томас, Поп. Художники: Эль Греко, Тинторетто. Композиторы: Моцарт, Гайдн, Равель, Иоганн Штраус (!). Задумайтесь о любом из них, и вы задумаетесь о сильной или слабой, но увлечённости, страсти, жажде. Задумайтесь, например, о Шекспире или Мелвилле, и вы будете думать о ветре, молнии, громе. Все, кого я назвал, творили увлечённо, одни в больших, другие в малых формах, одни на полотнах ограниченных, другие — на безграничных. Дети богов, они знали, что такое радость творчества, как бы трудно ни бывало временами работать и какими бы недугами ни страдала их частная, скрытая от других жизнь. Подлинно значимое из созданного их душой и руками они передали дальше, нам, и даже теперь, для нас, творения их до предела переполнены звериной силой и интеллектуальной мощью. Ненависть и отчаянье творца, когда он нам о них рассказывает, всегда окрашены чем-то очень похожим на любовь...

Лучший джаз заявляет: «Буду жить вечно; я не верю в смерть».

Лучшая скульптура, вроде головы Нефертити, повторяет снова и снова: «Та, что прекрасна, пришла сюда и осталась здесь навсегда».

Каждый из названных мной сумел схватить капельку этой ртути жизни, заморозил её навеки и, воспламенившись творческим пламенем, показал на неё и воскликнул: «Ну, не хорошо ли это?» И это было хорошо.

Вы спросите: какое отношение имеет всё это к работе писателя над рассказами в наши дни? А вот какое: если вы пишете без увлечённости, без горения, без любви, вы только половина писателя. Это означает, что вы непрестанно оглядываетесь на коммерческий рынок или прислушиваетесь к мнению авангардистской элиты и поэтому не можете оставаться самим собой. Больше того — вы сами себя не знаете. Ибо прежде всего у писателя должно быть беспокойное сердце. Писателя должно лихорадить от волнения и восторга. Если этого нет, пусть работает на воздухе, собирает персики или роет канавы; Бог свидетель, для здоровья эти занятия полезней.

Как давно написали вы рассказ, где проявляется ваша искренняя любовь или подлинная ненависть? Когда в последний раз вы набрались смелости и выпустили на страницы своей рукописи хищного зверя? Что в вашей жизни лучшее и что худшее и когда наконец вы то и другое прокричите или прошепчете?

Когда в последний раз вы, как я, написали рассказ просто из возмущения?

Когда в последний раз вас в двух шагах от вашего дома остановила полиция из-за того, что вам нравится гулять и, может быть, думать ночью? Со мной это случалось довольно часто, и я разозлился и написал «Пешехода», рассказ о временах лет через пятьдесят после нас, когда человека арестовывают и отвозят на психиатрическую экспертизу только потому, что он хочет видеть действительность не по телевизору и дышать воздухом, не прошедшим через кондиционер.

Но хватит о злости и раздражении — как насчёт любви? Что вы больше всего на свете любите? Я говорю про вещи, маленькие или большие. Может, трамвай или пару теннисных туфель? Давным-давно, когда мы были детьми, эти вещи были для нас волшебными. В прошлом году я напечатал рассказ о том, как мальчик в последний раз едет в трамвае. Трамвай пахнет летними грозами и молниями, сиденья в нём точно выросли прохладным зелёным мхом, но он обречён уступить место более прозаическому, менее романтично пахнущему автобусу. Был и другой рассказ, о мальчике, которому хочется иметь пару новых теннисных туфель, потому что в них он сможет прыгать через реки, дома и улицы и даже через кусты, тротуары и собак. Антилопы и газели, мчащиеся летом по африканскому вельду, — вот что такое для него эти туфли. В них скрыта энергия бурных рек и гроз; они, эти теннисные туфли, нужны ему непременно, нужны больше всего на свете.

И вот мой рецепт, он совсем простой. Что вам нужней всего? Что вы любите и что ненавидите? Придумайте кого-нибудь похожего, например, на вас, кто всем сердцем чего-то хочет или не хочет. Пусть он приготовится к бегу. Потом дайте старт. И — следом, не отставая ни на шаг. Вы и оглянуться не успеете, как ваш герой с его великой любовью или ненавистью домчит вас до конца рассказа. Пыл его страстей (а пыл есть не только в любви, но и в ненависти) воспламенит всё вокруг

него и поднимет на тридцать градусов температуру вашей пишущей машинки.

Всё это я адресую в первую очередь писателям, которые уже овладели ремеслом, то есть вложили в себя достаточно грамматики и литературных знаний, чтобы на бегу не споткнуться. Совет этот, однако, годится и для начинающего, чьи шаги могут быть неверными просто из-за плохой техники. Страсть часто выручает даже в таких случаях.

История любого рассказа должна, таким образом, читаться как сообщение о погоде: сегодня холодно, завтра жарко. Сегодня во второй половине дня подожги дом. Завтра вылей холодную воду критики на ещё тлеющие угли. Завтра будет время думать, кромсать и переписывать, но сегодня взорвись, разлетись осколками во все стороны, распадись на мельчайшие частицы! Последующие шесть-семь черновиков будут настоящей пыткой. Так почему не насладиться первым в надежде, что ваша радость отыщет в мире и других, кто, читая этот рассказ, зажжётся вашим пламенем тоже?

Вовсе не обязательно, чтобы пламя было большое. Вполне достаточно небольшого огонька, такого, как у горящей свечки: тоски по волшебной машине, вроде трамвая, или по волшебным зверькам, вроде пары теннисных туфель, что кроликами скачут по траве ранним утром. Старайтесь находить для себя маленькие восторги, отыскивайте маленькие огорчения и придавайте форму тем и другим. Пробуйте их на вкус, дайте попробовать и своей пишущей машинке. Когда в последний раз читали вы книжку стихов или, как-нибудь под вечер, выбрали время для одного-двух эссе? <...>

В космосе литературы, куда ни глянь, великие с головой ушли в любовь и ненависть. А как в вашем творчестве, осталось в нём место для таких старомодных вещей, как ненависть и любовь? Если нет, то сколько радости мимо вас проходит! Радости сердиться и разочаровываться, радости любить и быть любимым, радости трогать других и самому испытывать трепет от этого бала-маскарада, который несёт нас, кружа, от колыбели до могилы. Жизнь коротка, страдания неисчерпаемы, смерть неизбежна. Но, отправляясь в путь, может быть, стоит взять с собой эти два воздушных шарика, на одном из которых написано Пыл, а на другом — Увлечённость.

Р. Брэдбери

Проверьте себя

1. Что нового о Р. Брэдбери вы узнали из статьи известного специалиста по англо-американской литературе Н. П. Михальской?
2. В чём старался убедить читателя Р. Брэдбери? Часто ли вы, «отправляясь в путь», берёте с собой «два воздушных шарика» — Пыл и Увлечённость? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Каникулы

День был свежий — свежестью травы, что тянулась вверх, облаков, что плыли в небесах, бабочек, что опустились на траву. День был соткан из тишины, но она вовсе не была немой, её создавали пчёлы и цветы, суша и океан, всё, что двигалось, поржало, трепетало, вздымалось и падало, подчиняясь своему течению времени, своему неповторимому ритму. Край был недвижим, и всё двигалось. Море было беспокойно, и море молчало. Парадокс, сплошной парадокс: безмолвие срасталось с безмолвием, звук со звуком. Цветы качались, и пчёлы маленькими каскадами золотого дождя падали на клевер. Волны холмов и волны океана, два рода движения, были разделены железной дорогой, пустынной, сложенной из ржавчины и стальной сердцевины, дорогой, по которой, сразу видно, много лет не ходили поезда. На тридцать миль к северу она тянулась, петляя, потом терялась в мглистых далях; на тридцать миль к югу пронизывала острова летучих теней, которые на глазах смещались и меняли свои очертания на склонах далёких гор.

Неожиданно рельсы задрожали.

Сидя на путях, одинокий дрозд ощутил, как рождается мерное слабое биение, словно где-то, за много миль, забилося чье-то сердце. Чёрный дрозд взмыл над морем.

Рельсы продолжали тихо дрожать, и наконец из-за поворота показалась, вдоль по берегу пошла небольшая дрезина, в великом безмолвии зафыркал и зарокотал двухцилиндровый мотор.

На этой маленькой четырёхколёсной дрезине, на обращённой в две стороны двойной скамейке, защищённые от

солнца небольшим тентом, сидели мужчина, его жена и семилетний сынишка. Дрезина проходила один пустынный участок за другим, ветер бил в глаза и развевал волосы, но все трое не оборачивались и смотрели только вперёд. Иногда, на выходе из поворота, глядели нетерпеливо, иногда печально, и всё время насторожённо — что дальше?

На ровной прямой дороге мотор вдруг закашлялся и смолк. В сокрушительной теперь тишине казалось — это покой, излучаемый морем, землёй и морем, землёй и небом, затормозил и пресёк вращение колёс.

— Бензин кончился.

Мужчина, вздохнув, достал из узкого багажника запасную канистру и начал переливать горючее в бак.

Его жена и сын тихо глядели на море, слушали приглушённый гром, шёпот, слушали, как раздвигается могучий занавес из песка, гальки, зелёных водорослей, пены.

— Море красивое, правда? — сказала женщина.

— Мне нравится, — сказал мальчик.

— Может быть, заодно сделаем привал и поедем?

Мужчина навёл бинокль на зелёный полуостров вдаль.

— Давайте. Рельсы сильно изъело ржавчиной. Впереди путь разрушен. Придётся ждать, пока я исправлю.

— Сколько лопнуло рельсов, столько привалов! — сказал мальчик.

Женщина попыталась улыбнуться, потом перевела свои серьёзные, пытливые глаза на мужчину.

— Сколько мы проехали сегодня?

— Неполных девяносто миль. — Мужчина всё ещё напряжённо глядел в бинокль. — Больше, по-моему, и не стоит проходить в день. Когда гонишь, не успеваешь ничего увидеть. Послезавтра будем в Монтерее, на следующий день, если хочешь, в Пало-Альто¹.

Женщина развязала ярко-жёлтые ленты широкополой соломенной шляпы, сняла её с золотистых волос и, покрытая лёгкой испариной, отошла от машины. Они столько ехали без остановки на трясучей дрезине, что всё тело пропиталось её ровным ходом. Теперь, когда машина остановилась, было какое-то странное чувство, словно с них сейчас снимут оковы.

¹ Монтерей, Пало-Альто — небольшие города в штате Калифорния, США.

— Давайте есть!

Мальчик бегом отнёс корзинку с припасами на берег.

Мать и сын уже сидели перед расстеленной скатертью, когда мужчина спустился к ним; на нём был строгий костюм с жилетом, галстук и шляпа, как будто он ожидал кого-то встретить в пути. Раздавая сандвичи и извлекая маринованные овощи из прохладных зелёных баночек, он понемногу отпускал галстук и расстёгивал жилет, всё время озираясь, словно готовый в любую секунду опять застегнуться на все пуговицы.

— Мы одни, папа? — спросил мальчик, не переставая жевать.

— Да.

— И больше никого, нигде?

— Больше никого.

— А прежде на свете были люди?

— Зачем ты всё время спрашиваешь? Это было не так уж давно. Всего несколько месяцев. Ты и сам помнишь.

— Плохо помню. А когда нарочно стараюсь припомнить, и вовсе забываю. — Мальчик просеял между пальцами горсть песка. — Людей было столько, сколько песка тут, на пляже? А что с ними случилось?

— Не знаю, — ответил мужчина, и это была правда.

В одно прекрасное утро они проснулись — и мир был пуст. Висела бельевая верёвка соседей, и ветер трепал ослепительно-белые рубашки, как всегда, поутру блестяли машины перед коттеджами, но не слышно ничьего «до свиданья», не гудели уличным движением мощные артерии города, телефоны не вздрагивали от собственного звонка, не кричали дети в чаще подсолнечника.

Лишь накануне вечером он сидел с женой на террасе, когда принесли вечернюю газету, и, даже не развёртывая её, не глядя на заголовки, сказал:

— Интересно, когда мы ему осточертеем и он всех нас выметет вон?

— Да, до чего дошло, — подхватила она. — И не оставишь. Как же мы глупы, правда?

— А замечательно было бы... — Он раскурил свою трубку. — Проснуться завтра, и во всём мире ни души, начинай всё сначала!

Он сидел и курил, в руке сложенная газета, голова откинута на спинку кресла.

— Если бы можно было сейчас нажать такую кнопку, ты бы нажал?

— Наверное, да, — ответил он. — Без насилия. Просто всё исчезнет с лица земли. Оставить землю и море, и всё, что растёт, — цветы, траву, плодовые деревья. И животные тоже пусть остаются. Всё оставить, кроме человека, который охотится, когда не голоден, ест, когда сыт, жесток, хотя его никто не задевает.

— Но мы-то должны остаться. — Она тихо улыбнулась.

— Хорошо было бы. — Он задумался. — Впереди — сколько угодно времени. Самые длинные каникулы в истории. И мы с корзиной припасов, и самый долгий пикник. Только ты, я и Джим. Никаких сезонных билетов. Не нужно тянуться за Джонсами. Даже автомашины не надо. Придумать какой-нибудь другой способ путешествовать, старинный способ. Взять корзину с сэндвичами, три бутылки шипучки, дальше, как понадобится, пополнять запасы в безлюдных магазинах в безлюдных городах, и впереди нескончаемое лето...

Долго они сидели молча на террасе, их разделяла свёрнутая газета.

Наконец она сказала:

— А нам не будет одиноко?

Вот каким было утро нового мира. Они проснулись и услышали мягкие звуки земли, которая теперь была просто-напросто лугом, города тонули в море травы-муравы, ноготков, маргариток, вьюнков. Сперва они приняли это удивительно спокойно, должно быть, потому, что уже столько лет не любили город, и позади было столько мнимых друзей, и была замкнутая жизнь в уединении, в механизированном улье.

Муж встал с кровати, выглянул в окно и спокойно, словно речь шла о погоде, заметил:

— Все исчезли.

Он понял это по звукам, которых город больше не издавал.

Они завтракали не торопясь, потому что мальчик ещё спал, потом муж выпрямился и сказал:

— Теперь мне надо придумать, что делать.

— Что делать? Как... разве ты не пойдёшь на работу?

— Ты всё ещё не веришь, да? — Он засмеялся. — Не веришь, что я не буду каждый день выскакивать из дому в десять минут девятого, что Джиму больше никогда не надо ходить в школу. Всё, занятия кончились, для всех нас кончились! Больше никаких карандашей, никаких книг и кислых взглядов босса! Нас отпустили, милая, и мы никогда не вернёмся к этой дурацкой, проклятой, нудной рутине. Пошли!

И он повёл её по пустым и безмолвным улицам города.

— Они не умерли, — сказал он. — Просто... ушли.

— А другие города?

Он зашёл в телефонную будку, набрал номер Чикаго, потом Нью-Йорка, потом Сан-Франциско.

Молчание. Молчание. Молчание.

— Всё, — сказал он, вешая трубку.

— Я чувствую себя виноватой, — сказала она. — Их нет, а мы остались. И радуюсь. Почему? Ведь я должна горевать.

— Должна? Никакой трагедии нет. Их не пытали, не жгли, не мучили. Они исчезли и не почувствовали этого, не узнали. И теперь мы ни перед кем не обязаны. У нас одна обязанность — быть счастливыми. Тридцать лет счастья впереди, разве плохо?

— Но... но тогда нам нужно заводить ещё детей!

— Чтобы снова населить мир? — Он медленно, спокойно покачал головой. — Нет. Пусть Джим будет последним. Когда он состарится и умрёт, пусть мир принадлежит лошадям и коровам, бурундукам и паукам. Они без нас не пропадут. А потом когда-нибудь другой род, умеющий сочетать естественное счастье с естественным любопытством, построит города, совсем не такие, как наши, и будет жить дальше. А сейчас уложим корзину, разбудим Джима и начнём наши тридцатилетние каникулы. Ну, кто первым добежит до дома?

Он взял с маленькой дрезины кувалду, и, пока он полчаса один исправлял ржавые рельсы, женщина и мальчик побежали вдоль берега. Они вернулись с горстью влажных ракушек и чудесными розовыми камешками, сели, и мать стала учить сына, и он писал карандашом в блок-

ноте домашнее задание, а в полдень к ним спустился с насыпи отец, без пиджака, без галстука, и они пили апельсиновую шипучку, глядя, как в бутылках, теснясь, рвутся вверх пузырьки. Стояла тишина. Они слушали, как солнце настраивает старые железные рельсы. Солёный ветер разносил запах горячего дёгтя от шпал, и мужчина легонько постукивал пальцами по своему карманному атласу.

— Через месяц, в мае, доберёмся до Сакраменто, оттуда двинемся в Сизтл. Пробудем там до первого июля, июль хороший месяц в Вашингтоне, потом, как станет холоднее, обратно, в Йеллоустон, несколько миль в день, здесь поохотимся, там порыбачим...

Мальчику стало скучно, он отошёл к самой воде и бросал палки в море, потом бегал за ними, изображая учёную собаку.

Отец продолжал:

— Зимуем в Таксоне, в самом конце зимы едем во Флориду, весной — вдоль побережья, в июне попадём, скажем, в Нью-Йорк. Через два года лето проводим в Чикаго. Через три года — как ты насчёт того, чтобы провести зиму в Мехико-Сити? Куда рельсы приведут, куда угодно, и если нападём на совсем неизвестную старую ветку — превосходно, поедем по ней до конца, посмотрим, куда она ведёт. Когда-нибудь, честное слово, пойдём на лодке вниз по Миссисипи, я об этом давно мечтал. На всю жизнь хватит, не маршрут — находка...

Он смолк. Он хотел уже захлопнуть атлас неловкими руками, но что-то светлое мелькнуло в воздухе и упало на бумагу. Скатилось на песок, и получился мокрый комочек.

Жена глянула на влажное пятнышко и сразу перевела взгляд на его лицо. Серьёзные глаза его подозрительно блестели. И по одной щеке тянулась влажная дорожка.

Она ахнула. Взяла его руку и крепко сжала.

Он стиснул её руку и, закрыв глаза, через силу заговорил:

— Хорошо, правда, если бы мы вечером легли спать, а ночью всё каким-то образом вернулось на свои места. Все нелепости, шум и гам, ненависть, все ужасы, все кошмары, злые люди и бестолковые дети, вся эта ката-

васия, мелочность, суета, все надежды, чаяния и любовь. Правда, было бы хорошо?

Она подумала, потом кивнула. И тут оба вздрогнули.

Потому что между ними (когда он пришёл?), держа в руке бутылку из-под шипучки, стоял их сын.

Лицо мальчика было бледное. Свободной рукой он коснулся щеки отца, там, где оставила след слезинка.

— Ты... — сказал он и вздохнул. — Ты... Папа, тебе тоже не с кем играть.

Жена хотела что-то сказать.

Муж хотел взять руку мальчика. Мальчик отскочил назад.

— Дураки! Дураки! Глупые дураки! Болваны вы, болваны!

Сорвался с места, сбежал к морю и, стоя у воды, залился слезами.

Мать хотела пойти за ним, но отец её удержал:

— Не надо. Оставь его.

Тут же оба оцепенели. Потому что мальчик на берегу, не переставая плакать, что-то написал на клочке бумаги, сунул клочок в бутылку, закупорил её железным колпачком, взял покрепче, размахнулся — и бутылка, описав крутую блестящую дугу, упала в море.

«Что, — думала она, — что он написал на бумажке? Что там, в бутылке?»

Бутылка плыла по волнам.

Мальчик перестал плакать.

Потом он отошёл от воды и остановился около родителей, глядя на них; лицо ни просветлевшее, ни мрачное, ни живое, ни убитое, ни решительное, ни отрешённое, а какая-то причудливая смесь, словно он примирился со временем, стихиями и этими людьми. Они смотрели на него, смотрели дальше, на залив и затерявшуюся в волнах светлую искорку — бутылку, в которой лежал клочок бумаги с каракулями.

«Он написал наше желание? — думала женщина. — Написал то, о чём мы сейчас говорили, нашу мечту?»

Или написал что-то своё, пожелал для себя одного, чтобы проснуться завтра утром — и он один в безлюдном мире, больше никого, ни мужчины, ни женщины, ни отца, ни матери, никаких глупых взрослых с их глупы-

ми желаньями, подошёл к рельсам и сам, в одиночку, повёл дрезину через одичавший материк, один отправился в нескончаемое путешествие, и где захотел — там и привал.

Это или не это? Наше или своё?..

Она долго глядела в его лишённые выражения глаза, но не прочла ответа, а спросить не решилась.

Тени чаек парили в воздухе, осеняя их лица мимолётной прохладой.

— Пора ехать, — сказал кто-то.

Они поставили корзину на платформу. Женщина покрепче привязала шляпу к волосам жёлтой лентой, ракушки сложили кучкой на доски, муж надел галстук, жилет, пиджак и шляпу, и все трое сели на скамейку, глядя в море, — там, далеко, у самого горизонта, поблёскивала бутылка с запиской.

— Если попросить — исполнится? — спросил мальчик. — Если загадать — сбудется?

— Иногда сбывается... даже чересчур.

— Смотря чего ты просишь.

Мальчик кивнул, мысли его были далеко. Они посмотрели назад, откуда приехали, потом вперёд, куда предстояло ехать.

— До свиданья, берег, — сказал мальчик и помахал рукой.

Дрезина покатила по ржавым рельсам. Её гул затих и пропал. Вместе с ней вдали, среди холмов, пропали женщина, мужчина, мальчик.

Когда они скрылись, рельсы минуты две тихонько дребезжали, потом смолкли. Упала ржавая чешуйка. Кивнул цветок.

Море сильно шумело.

Проверьте себя

1. Рассказ «Каникулы» довольно сложный. Внимательно прочитайте его и подумайте, о чём, сочетая фантастику и реальность, хочет рассказать нам автор, о чём предупредить.
2. Брэдбери рисует картину мира, из которого несколько месяцев назад ушли люди. Что заставило их уйти? Что же происходит с остав-

шимися? Можно ли быть счастливыми без людей и без привычных дел?

3. О каком мире мечтают отец и мать из этой маленькой семьи? Как строят они свои жизненные планы? Почему заплакал муж и пожелал вернуть всё назад: и людей, и суету, и работу, и надежды, и чаянья, и любовь?
4. Как вы думаете, о чём написал мальчик в записке? Почему мать боялась, что в записке сына — не их мечта?
5. Как вы определите смысл рассказа, его название? Что волнует писателя и от чего предостерегают людей его произведения?
6. Что Рэй Брэдбери считает самым главным для писателя? В чём видит радость писать?

Учимся читать выразительно

Прочитайте рассказ вслух. Почему вокруг была такая странная тишина: «Море было беспокойно, и море молчало»? Почему железная дорога была сложена «из ржавчины»? Почему, наконец, путь был разрушен?

Постарайтесь при чтении передать ощущение пугающей тишины.

Творческое задание

«Одно или два произведения перейдут в следующий век... Я так говорю, потому что вижу, как относятся к моим книгам сегодняшние дети — они любят их не меньше, чем дети прежних десятилетий. Это важнее всего», — писал Рэй Брэдбери. Согласны ли вы с писателем? Любите ли вы его произведения? Чем интересны его жизнь и творчество?

Подготовьте сочинение-эссе, отвечающее на этот вопрос.

Итак, вы познакомились с произведениями Брэдбери. Теперь вы знаете, что существуют писатели-фантасты и авторы детективов. Прочитайте самостоятельно статью «Детективная литература», подготовленную В. И. Коровиным.

ДЕТЕКТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Одной из жанровых разновидностей, или жанровых ответвлений, приключенческой литературы традиция определяет **детективную литературу**, посвящённую раскрытию загадочных преступлений. К детективной литературе часто относят остросюжетные шпионские повести и рассказы, приключения военных разведчиков, которые не имеют непосредственного отношения к поискам преступников и их разоблачениям. Но все эти жанровые разновидности объединяет **тайна**, которую разгадывает необычайно умный и умудрённый в знании человеческой психологии сыщик и наделённый недюжинными способностями наблюдения, сопоставления фактов и их обобщения любитель (дилетант).

Начало классической детективной литературы связывают с именем знаменитого американского писателя Эдгара По. Он в новелле «Убийство на улице Морг» (1841) впервые создал образ детектива-любителя, наделённого необыкновенными способностями к логическому анализу. Вслед за ним эту авантюрно-приключенческую линию подхватил англичанин Уилки Коллинз, написавший романы «Женщина в белом» и «Лунный камень». Скоро детективная литература завоевала европейский континент. Особенно популярен стал детективный жанр в Англии, где он достиг расцвета в творчестве Г. Честертона и, конечно, непревзойдённого А. К. Дойла, создавшего знаменитый образ Шерлока Холмса.

С появлением рассказов Артура Конан Дойла детектив приобрёл ясные черты, отвечающие стремлениям широких кругов населения всех стран к справедливости. Так как в основе детективных произведений лежит тайна, которая должна быть непременно разгадана, а преступник разоблачён, получив наказание, то финал детективов всегда или в подавляющем большинстве случаев счастливый, т. е. развязка сюжетной интриги завершается успехом сыщика и наказанием преступника. Другая

особенность детектива — логическое исследование, выявляющее интеллектуальную мощь сыщика. Чтобы читатель находился в постоянном напряжении, автор детектива предлагает ему несколько ложных ходов, а потом неожиданно открывает истину. Для разгадки тайны и обнаружения истины нужен особый герой, обладающий не только глубоким умом, но и знаниями человеческой природы, психологии преступника, большим жизненным опытом и интуицией. Иногда авторы (английская писательница Агата Кристи, американский писатель Эрл Стенли Гарднер) не ограничиваются одним сыщиком и выводят в разных произведениях то сыщика-профессионала (Эркую Пуаро), то сыщика-любителя (мисс Марпл), то адвоката (Перри Мейсона), то прокурора, то частного детектива.

Так как в детективах читатель встречается со своеобразной литературной игрой, то вымысел в них основан на различных допущениях и отступлениях от реальной жизни. Однако он всегда учитывает конкретные обстоятельства и психологию людей. Например, изображая реальные социальные противоречия, французский романист Жорж Сименон, который создал нового сыщика-профессионала — комиссара Мегрэ, всегда психологически мотивирует поведение персонажей.

Проверьте себя

1. Какие авторы детективов и их произведения вам известны? Расскажите об одном из них.
2. Прочитайте самостоятельно рассказ Г. К. Честертона «Сапфировый крест» и подготовьте его для пересказа в классе.
3. Сравните главных героев Честертона и Конан Дойла. Какие приёмы используют они, чтобы обеспечить успех в поимке обвиняемых?
4. Смотрели ли вы фильмы о Шерлоке Холмсе, в которых главные роли исполняли Василий Ливанов и Виталий Соломин? Если смотрели, то расскажите, удалось ли актёрам создать убедительные образы Холмса и доктора Ватсона. Какой фильм показался вам наиболее интересным? Почему? Расскажите о нём одноклассникам.

ПОРАБОТАЙТЕ САМОСТОЯТЕЛЬНО

ИТОГОВЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Дайте определение термину «баллада» и приведите примеры известных вам баллад писателей русской и зарубежной литературы.
2. Прочитайте самостоятельно одно из стихотворений в прозе И. С. Тургенева, расскажите, как вы его понимаете. Как вы считаете, почему это прозаическое произведение автор назвал стихотворением?
3. Подготовьте устные отзывы на любой самостоятельно прочитанный рассказ.
4. Какие произведения юмористического или сатирического содержания, прочитанные вами в этом году, показались вам занимательными, важными, интересными? Какие из них вы перечитывали повторно? Почему?
5. Иллюстрации какого художника вас особенно заинтересовали? Встречались ли вам иллюстрации этого художника в самостоятельно прочитанных книгах? С какими художниками-портретистами и художниками-пейзажистами вы познакомились в этом году? Что прочитали о них? Какие фильмы, спектакли, музыкальные произведения помогли вам лучше понять изучаемые в этом классе произведения?
6. Словари («Краткий словарь литературоведческих терминов», «Словарь имён», «Справочные материалы по теории литературы») помещены в конце учебника для 7 класса, чтобы ничто не мешало вашему чтению. Удобно ли это? Помогали ли вам эти справочные материалы, сноски? Когда? В чём? Что хотелось бы вам изменить, добавить, сократить в учебнике?
7. К. Г. Паустовский сказал: «Писателем может быть только тот, у кого есть что сказать людям нового, значительного и интересного, тот человек, который видит многое, чего остальные не замечают» («Золотая роза»).

Можете ли вы назвать эпизоды, описания природы, которые вас поразили, удивили, рассказали вам о том, чего раньше вы не замечали, хотя, может быть, и видели в окружающей вас жизни?

8. «...Я убедился в том, что главное для писателя — это с наибольшей полнотой и щедростью выразить себя в любой вещи, даже в таком

маленьком рассказе, и тем самым выразить своё время и свой народ», — пишет К. Г. Паустовский в «Золотой розе». Можете ли вы привести пример этому из прочитанных в 7 классе произведений?

9. Помогли ли вам лучше понять писателя материалы рубрик «В лаборатории писателя», «Из воспоминаний о писателе»? Личность какого писателя заинтересовала вас? Расскажите об одном из писателей (на выбор).
10. Стали ли вам интересны литературные игры-кроссворды? Где и когда вы работали с ними: дома или в школе, с товарищами по школе или дома самостоятельно? (См. книгу «Читаем, думаем, спорим...».)
11. Что нового вы узнали о пословицах и поговорках? Использовали ли вы их при изучении литературы в 7 классе? Какие пригодились вам при разговоре с окружающими вас людьми? Чем интересны пословицы разных народов? В каком случае вам приходилось применять пословицы?

Ознакомьтесь и с другими пословицами. Что в них привлекло ваше внимание? Объясните их.

Молдавские пословицы

- Когда горит дом соседа, поливай водою и свой.
- Правду в мешок не спрячешь.
- Дерево с глубоким корнем не боится бури.
- Чистая совесть — самая мягкая подушка.

Эстонские пословицы

- Если своих крыльев не имеешь, то чужие крылья тебя не поднимут.
- Приветливое слово и приветливый человек весь свет обойдут.
- Деньги потерял — досада, здоровье потерял — беда, честь потерял — всё утратил.
- Опираясь на колени матери, ребёнок быстрее растёт.
- Друг — большое сокровище.

Осетинские пословицы

- В хорошем слове благодать целого дня.
- В хоровод не войдёшь — плясать не научишься.
- В щедрой руке добро не иссякает.
- Отцовская честь — детям сбережение.
- Кто ошибку не признаёт, дважды ошибается.

Якутские пословицы

- Сила народа сильнее ледохода на реке.
- Спрашивай не у старого — спрашивай у бывалого.
- Дружба силу добавляет.
- Сила народная всё одолеет.

ПРОЧИТАЙТЕ ЛЕТОМ

После завершения курса литературы в 7 классе продолжите чтение дома: познакомьтесь с другими произведениями, прочитайте предлагаемые книги. Вспомните слова А. С. Пушкина:

Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю...

Былины. Сборники: «Былины. Русские народные сказки», «Былины», «Живая вода», «Пословицы русского народа» и др.

Сборник «Древнерусские повести». Д. С. Лихачёв. «Земля родная». Стихотворения М. Ломоносова, Г. Державина. Сказ Б. Шергина «Слово о Ломоносове». «Русские поэты» (антология) и др.

А. Пушкин. Поэмы «Полтава», «Медный всадник», повесть «Арап Петра Великого». Подумайте, каким предстаёт Пётр в этих произведениях. Издано много книг о Пушкине для взрослых и детей. Познакомьтесь с некоторыми из них: Ю. Тынянов. «Пушкин», М. Цветаева. «Мой Пушкин», с книгами М. Басиной, С. Гейченко и др. (на выбор).

М. Лермонтов. Поэмы и стихотворения, «Беглец», «Мцыри». О каких героях рассказывает нам автор? Прочитайте рассказы И. Андроникова о Лермонтове.

Н. Гоголь. Сборник «Миргород». Вспомните содержание «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Н. Некрасов. «Орина — мать солдатская», «Русские женщины», «Мороз — Красный нос», «Саша», «Дедушка».

М. Салтыков-Щедрин. Сказки. Подготовьте одну из сказок для конкурса на лучший пересказ сатирической сказки.

Л. Толстой. «Детство», «Юность». Подготовьте рассказ о главном герое Николеньке на основе прочитанного, пользуясь планом.

И. Бунин. Рассказы. Стихотворения. Познакомьтесь с книгой А. Бабореко. «И. А. Бунин» (материалы для биографии).

А. Чехов. Рассказ «Тоска» и др. (на выбор). Какие герои чеховских рассказов вызвали у вас сочувствие, сострадание? Познакомьтесь с рассказами К. Чуковского о Н. Некрасове и с воспоминаниями об А. Чехове.

М. Горький. «В людях». Воспоминания о М. Горьком, его письма.

В. Маяковский. Стихотворения Маяковского и книги о нём. Подготовьте выставку книг и рисунков поэта.

Читайте стихотворения, рассказы, повести писателей XX века. Подготовьте отзыв на один из произведений Л. Андреева, А. Платонова, Ф. Абрамова, Е. Носова, Ю. Казакова и др. (на выбор).

Джек Лондон. «Мексиканец». Джек Лондон в книге «Я много жил» пишет: «Изучайте приёмы писателей, завоевавших известность... Они стали мастерами, и в их произведениях можно найти секреты их мастерства... И работайте. Запишите заглавными буквами — РАБОТАТЬ, РАБОТАТЬ всё время. Старайтесь познать тайны земли, вселенной, материи и духа, мерцающего в этой материи, во всём — от ничтожной личинки до божества».

Какие размышления вызывает у вас этот совет писателя?

Эдгар По. Рассказы и повести (на выбор).

Джеймс Олдридж. «Акуля клетка» (продолжение повести «Последний дюйм»).

Рэй Брэдбери. «Ветер», «Звук бегущих ног», «Пришло время дождей», «Ревун», «Космонавт», «И грянул гром», «Машина времени», «Здравствуй и прощай» (на выбор). Подумайте, каковы отношения взрослых и детей в рассказах Р. Брэдбери, Л. Толстого, И. Бунина, А. Платонова и в вашей семье. В чём сходство и различие?

В. Железников. «Чудак из 6 „б“», «Каждый мечтает о собаке», «Хорошим людям — доброе утро», В. Каверин. «Два капитана», Л. Кассиль. «Великое противостояние», А. Мешковский. «Не опоздай к приливу», Э. Цюрюпа. «Умешь ли ты читать?», Дж. Сэлинджер. «Человек, который смеялся», Н. Смирнов-Сокольский. «Рассказы о книгах», К. Чуковский. «Люди и книги», В. Порудоминский. «Половина жизни моей».

И. Смольников. «Середина столетия», сборник «Они пили мою музу»;

«Русские писатели XIX века», «Русские писатели. XX век» (биографические словари);

Существует много книг-воспоминаний, серии книг ЖЗЛ, «Писатель в русской критике» и т. д. Не забывайте о них, читайте, например, «А. Пушкин в воспоминаниях современников», то же о М. Лермонтове, И. Тургеневе, М. Горьком, М. Е. Салтыкове-Щедрине и пр.; В. Порудоминский о В. Дале, Ю. В. Лебедев об И. Тургеневе, К. Тюнькин о М. Салтыкове-Щедрине.

Энциклопедии: Лермонтовская энциклопедия; А. С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь. Под ред. В. И. Коровина; Лев Николаевич Толстой. Энциклопедия. Сост. Н. И. Бурнашева; А. П. Чехов. Энциклопедия. Сост. В. Б. Катаев.

Знакомство с такими книгами поможет составить более полное представление о личности писателей, их жизни и творчестве.

НА ПУТИ К ВЫРАЗИТЕЛЬНОМУ ЧТЕНИЮ

Выразительное чтение, и тем более художественное профессиональное чтение, помогает лучше понять произведение, но, для того чтобы выразительно, правильно прочесть текст, нужны знания и умения.

Прислушаемся к высказываниям читателей, актёров, чтецов...

Как развитие литературы имеет свою историю, традиции и корни, так и устное художественное слово прошло длинный путь, прежде чем оформиться в самостоятельное искусство.

В печали и в радости наш народ обращался к выразительному русскому слову, находя в нём необходимые отзвуки, бодрость и уверенность в своих силах... Сколько народных сказителей исходило Древнюю Русь, воспевая богатырскую удачу русских людей.

Несомненное влияние на развитие искусства художественного слова имели выступления авторов с чтением своих произведений. Авторские чтения становятся особенно популярными с начала девятнадцатого столетия.

Мы знаем, по свидетельству современников, о чтении своих произведений поэтами допушкинской поры. Оно... отличалось предельной распевностью и скандировкой. Пушкин в своём чтении выявлял прежде всего мысль, являющуюся основой произведения. <...> Он первый начал просто, понятно читать, и по-

тому его чтение неизменно производило глубокое впечатление на слушателей.

А. Пушкин. «Какое действие произвело на всех на нас это чтение, — передать невозможно. Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихах Ломоносова, Державина, Озерова, которых мы все знали наизусть... — пишет один из очевидцев М. П. Погодин, — вместо высокопарного языка богов мы услышали простую, ясную, обыкновенную и вместе с тем поэтическую, увлекательную речь! Первые явления выслушали тихо и спокойно, или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием нас ошеломила... А когда Пушкин дошёл до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков: „Да ниспошлёт Господь покой его душе, страдающей и бурной“, — мы все как будто обеспамятовали, кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Кто вдруг вскочит с места, кто вскрикнет. То молчание, то взрыв восклицаний, например при стихах Самозванца: „Тень Грозного меня усыновила“».

Н. Гоголь. Рассуждая о публичных чтениях и всячески приветствуя начало литературных вечеров, Гоголь подчёркивает: «Прочсть как следует произведение лирическое — вовсе не безделица: для этого нужно долго его изучать; нужно разделить с поэтом высокое ощущение, наполнявшее его душу: нужно и душою и сердцем почувствовать всякое слово его — и тогда уже выступать на публичном чтении».

«Читал Гоголь превосходно, — вспоминает И. С. Тургенев, — Гоголь... поразил меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и в то же время наивной искренностью, которой словно и дела нет — есть ли тут слушатели и что они думают.

Эффект выходил необычайный — особенно в комических, юмористических местах; не было возможности не смеяться — хорошим, здоровым смехом; а виновник всей этой потехи продолжал, не смущаясь общей весёлостью и как бы внутренне дивясь ей, всё более и более погружаться в самое дело — и лишь изредка на губах и около глаз чуть заметно трепетала лукавая усмешка мастера».

М. Горький. Прекрасным исполнителем своих произведений был *Алексей Максимович Горький*. <...> В. И. Качалов в «Воспоминаниях и портретах» записывает: «Наступил день, навсегда

и в подробностях врезавшийся в память. Горький читает всей труппе Художественного театра „На дне“. Читает прекрасно. Живыми встают, сразу запоминаются действующие лица. <...> Какая правдивость внутренних характеристик, какое разнообразие и богатство характерных для каждого лица интонаций!»

В. Маяковский. Владимир Маяковский проложил широкую дорогу искусству звучащего слова. <...> Читал он замечательно прежде всего потому, что умел предельно точно передать интонацией заложенную в стихе идею, мысль. <...> «Его могучий голос буквально гремел по всему зданию, — вспоминали свидетели его выступлений. — Это была не декламация, с которой мы знакомы в Европе, это был взрыв энергии, чувства, силы и, наконец, просто человеческой души. Слушатели, захваченные необычайно силой человека, который говорил, обращаясь к ним, и голос которого колебал колонны зала, были совершенно потрясены...»

Свои произведения Маяковский читал на редкость ярко, великолепно, сочетая ритмические особенности стиха с его смысловой основой.

Вс. Аксёнов.

Искусство художественного слова

Авторы книг и статей по художественному чтению подчёркивают необходимые условия для настоящего чтения. Назовём некоторые из них:

- уяснить авторский замысел;
- определить подтекст (не увидите ли вы в тексте скрытую автором иронию, улыбку, осуждение, осмеяние и пр.);
- правильно найти интонацию, ритм;
- определить место психологических пауз;
- не допускать «скомканного начала», «недоговорённого» конца, вялости или небрежности слова;
- следить за внятностью и логикой речи и т. д.

«Думаю, что одним из основных условий, столь необходимых для чтеца-рассказчика, является любовь к литературе. Для меня литература — это искусство высочайшего выражения человеческого гения, — пишет Д. Журавлёв. — Любовь к литературе у меня началась со страстного, всепоглощающего увлечения чтением. Мне хочется обратиться к молодым товарищам, увлечённым искусством художественного слова, с дружеским советом. Решив начать работу над каким-нибудь произведением

Пушкина или Гоголя, Чехова или Шолохова и Твардовского, — будь то отрывок из крупного произведения, отдельный рассказ или стихи, — как можно глубже и шире изучайте творчество этих авторов, стараясь ощутить неповторимую индивидуальность каждого писателя, его творческий голос».

Учимся читать выразительно

1. Вы прочитали статьи, высказывания, воспоминания о чтении писателей, познакомились с советами чтецов... Что хотелось бы вам учесть при подготовке выразительного чтения стихотворных и прозаических произведений в первую очередь?
2. Подготовьте на основе прочитанного памятку-словарь, например: ритм — ..., пауза — ..., интонация — ..., дикция — ..., подтекст — ... и пр.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА РОССИИ

Л. Н. АНДРЕЕВ

Дом-музей Л. Н. Андреева. Орёл, 2-я Пушкарная улица

Детство и юность Леонида Николаевича Андреева прошли в г. Орле, в родительском доме на 2-й Пушкарной улице. Дом этот волею судеб дошёл до наших дней практически в перво-зданном виде. Здесь он стал гимназистом, мечтал о дальних

Дом-музей Л. Н. Андреева

странствиях и необыкновенных приключениях, читая книги Майна Рида и Жюль Верна, ставил домашние спектакли, в которых принимали участие его братья и сёстры.

Мать писателя Анастасия Николаевна всячески способствовала развитию творческих задатков Леонида, под её руководством он начал рисовать и затем достиг известных успехов и в графике, и в живописи. Она же учила сына фотографировать. Искусство фотографии осталось сильнейшим увлечением Андреева на всю жизнь. Из этого дома, закончив курс орловской гимназии, Леонид Андреев в 1891 г. уехал в Петербург поступать в университет.

Экспозиция мемориального музея писателя не только рассказывает об истории возникновения интереса к литературе, первых литературных опытах писателя, но и знакомит с работами Андреева-фотографа, с графическими и живописными произведениями писателя. Дом-музей Леонида Андреева является важным центром изучения и пропаганды творчества выдающегося русского писателя.

Сайт музея: <http://www.museum.ru/M402>.

М. ГОРЬКИЙ

Музей-квартира М. Горького.

Москва, ул. Малая Никитская, дом 6/2

Музей был открыт в 1965 г. Здесь Горький с семьёй жил в 1931—1936 гг. В музее сохраняется мемориальная обстановка прихожей, секретарской, лестничного холла, спальни, столовой, библиотеки, а главное, кабинета писателя. Фонды музея насчитывают около 2 тысяч единиц хранения и около 10 тысяч книг.

В эти годы писатель трудился над 4-томной эпопеей «Жизнь Клима Самгина». Он говорил: «...пишу нечто „прощальное“, некий роман-хронику сорока лет русской жизни...». Тороплюсь, ибо — здоровье трещит...».

В это же время он пишет пьесы «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», второй вариант «Вассы Железновой» и др.

В экспозиции музея наиболее интересен кабинет писателя. Там находится большой письменный стол, на нём чернильница, очки в роговой оправе, нож с печаткой, ножницы и т. д. В кабинете, в застеклённых шкафах над камином хранится очень ценное собрание миниатюрной японской скульптуры.

Музей-квартира М. Горького

Примечательны картины, находящиеся в доме, но из ценных вещей самый большой интерес представляет библиотека, насчитывающая около 10 тысяч томов.

Сайт музея: planengo.ru/place/museykvartira_gorkogo.

В. В. МАЯКОВСКИЙ

Государственный музей В. В. Маяковского.

Москва, Лубянский пр., дом 3/6

Музей В. В. Маяковского открыт в 1974 г. Он является крупнейшим хранилищем наследия поэта. В его фонде насчитывается более 40 тысяч экспонатов. В этом доме, в «комнатёнке-лодочке», Маяковский жил и работал на протяжении 11 лет — с 1919 по 1930 г. Сюда приходили к нему поэты Н. Асеев, Б. Пастернак, кинорежиссёр С. Эйзенштейн и другие деятели культуры. В музее хранится выставка «20 лет работы», устроенная поэтом в 1930 г. В этом доме трагически оборвалась жизнь В. Маяковского.

Сайт музея: <http://www.museum.ru/M292>.

Музей В. В. Маяковского

Музей Б. Пастернака

Б. Л. ПАСТЕРНАК

Дом-музей Б. Л. Пастернака. *Московская область,
посёлок Переделкино, ул. Павленко, дом 3*

Музей был открыт в 1990 г. на даче Литфонда в Переделкине, где поэт жил и работал с 1939 по 1960 г. В этом доме он скончался. Об этой земле он писал:

У нас весною до зари
Костры на огороде, —
Языческие алтари
На пире плодородья...

Я за работой земляной
С себя рубашку скину,
И в спину мне ударит зной
И обожжёт, как глину.

Экспозиция музея знакомит нас с жизненным и творческим путём поэта.

Сайт музея: <http://www.museum.ru/M449>.

- Аксёнов Всеволод Николаевич (1898—1960)** — мастер художественного слова, автор книги «Искусство художественного слова», актёр Малого театра, исполнитель произведений А. Пушкина, В. Маяковского, С. Есенина, А. Твардовского.
- Анакреонт (Анакреон) (ок. 570—478 до н. э.)** — древнегреческий поэт-лирик.
- Андроников (Андроникашвили) Ираклий Луарсабович (1908—1990)** — писатель, литературовед, мастер устного рассказа, автор книг «Рассказы литературоведа», «Я хочу рассказать вам...» и др.
- Антокольский Павел Григорьевич (1896—1978)** — поэт, автор поэм, стихотворных сборников «Сын», «О Пушкине» и т. д.
- Ахматова Анна Андреевна (1889—1966)** (настоящая фамилия Горенко) — русский поэт, автор стихотворных циклов «Вечер», «Подорожник», «Ветер войны», поэмы «Реквием» и многих других стихотворений, статей о Пушкине, переводов поэзии Древнего Востока, Древнего Египта и пр.
- Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942)** — поэт, с 1920 года в эмиграции, автор стихотворных сборников «Под северным небом», «Будем как солнце», воспоминаний, путевых очерков, переводов и др.
- Белыйский Виссарион Григорьевич (1811—1848)** — критик, автор статей, рецензий («Сочинения Александра Пушкина», «Стихотворения М. Лермонтова» и др.).
- Бенуа Александр Николаевич (1870—1960)** — художник, историк искусства, автор иллюстраций к «Медному всаднику» А. Пушкина и др.
- Беранже Пьер Жан (1780—1857)** — французский поэт, автор стихотворений, песен.
- Берггольц Ольга Фёдоровна (1910—1975)** — поэтесса, автор стихотворных сборников «Ленинградская тетрадь» и др., книг лирической прозы.
- Билибин Иван Яковлевич (1870—1942)** — художник, автор иллюстраций к былинам, сказкам, произведениям А. Пушкина, М. Лермонтова и других писателей.
- Благой Дмитрий Дмитриевич (1893—1984)** — литературовед, пушкинист (книга «Творческий путь Пушкина»), автор статей, книг об А. Фете, А. Ахматовой, А. Блоке, М. Цветаевой.

- Бонди Сергей Михайлович (1891—1983)* — литературовед, пушкинист, автор книги «О чтении рукописей Пушкина» и др.
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924)* — русский поэт, автор книг стихотворений («Городу и миру», «Венок» и др.), основоположник русского символизма (направления в европейском и русском искусстве).
- Бурлюк Давид Давидович (1882—1967)* — поэт, художник, с 1920 года в эмиграции, автор книг о Горьком, Маяковском («Маяковский и его современники» и др.).
- Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926)* — художник, автор картин на бытовые темы («С квартиры на квартиру»), картин и иллюстраций к народным сказкам, былинам («Алёнушка», «Богатыри»), иллюстраций к пушкинским и лермонтовским произведениям.
- Верёвский Орест Георгиевич (1915—1993)* — художник, график, автор иллюстраций к произведениям М. Шолохова, А. Твардовского.
- Вересаев Викентий Викентьевич (1867—1945)* — писатель, автор рассказов, повестей и автобиографических сочинений («Без дороги», «Гоголь в жизни», «Спутники Пушкина» и др.).
- Винокуров Евгений Михайлович (1925—1993)* — поэт, автор поэтических сборников («Лицо человеческое», «Ритм» и др.), статей о литературе.
- Вяземский Пётр Андреевич (1792—1878)* — поэт, критик, автор стихотворений («Уныние», «Негодование», «Тройка мчится, тройка скачет...» и др.).
- Герцен Александр Иванович (1812—1870)* — писатель, с 1847 года в эмиграции, автор повестей («Доктор Крупов», «Сорокаворовка», «Кто виноват?» и др.).
- Григорьевич Дмитрий Васильевич (1822—1900)* — писатель, автор повестей, рассказов («Деревня», «Гуттаперчевый мальчик» и др.).
- Гудзёно Семён Петрович (1922—1953)* — поэт, автор сборников стихов («Однополчане», «Курская тетрадь», «Армейские записные книжки» и др.).
- Гудзий Николай Каллиникович (1887—1965)* — литературовед, исследователь древнерусской литературы («Слово о полку Игореве», «Сочинения Аввакума»), творчества Л. Н. Толстого.
- Даль Владимир Иванович (1801—1872)* — писатель, автор рассказов, повестей, собиратель пословиц, составитель Толкового словаря живого великорусского языка.

- Добролюбов Николай Александрович (1836—1861)* — критик, автор статей о М. Салтыкове-Щедрине, А. Пушкине, А. Кольцове, И. Никитине и др.
- Долматовский Евгений Аронович (1915—1994)* — поэт, автор сборников стихотворений, переводов, рассказов, песен («Лирика», «Если бы парни всей земли...» и др.).
- Достоевский Фёдор Михайлович (1821—1881)* — писатель, автор романов («Униженные и оскорблённые», «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток»), повестей («Двойник», «Нечотка Незванова») и т. д.
- Друнина Юлия Владимировна (1924—1991)* — поэтесса, автор сборников стихотворений («В солдатской шинели», «Разговор с сердцем» и др.).
- Есенин Сергей Александрович (1895—1925)* — поэт, автор стихотворений, поэм, сборников стихотворений («Гой ты, Русь моя родная...», «Письмо матери», «Клён ты мой опавший...» и др.).
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852)* — поэт, автор стихотворений, переводов из произведений Гёте, Шиллера, Байрона, В. Скотта, автор элегий, песен, романсов, посланий, баллад.
- Журавлёв Дмитрий Николаевич (1900—1990)* — артист, работал в Театре Вахтангова, с 1931 года на эстраде читал произведения А. Пушкина, В. Маяковского и других поэтов XIX и XX веков.
- Калюжный Александр Мефодиевич (1853—1939)* — народоволец, после освобождения с каторги работал статистом в Тифлисе, где в 1891 году познакомился с Горьким и подружился с ним.
- Катанян Василий Абгарович (1902—1980)* — литературовед, сотрудничал с Маяковским, автор книг «Краткая летопись жизни и работы В. В. Маяковского», «Маяковский. Литературная хроника».
- Качалов Василий Иванович (1875—1948)* — русский актёр, с 1900 года работал во МХАТе.
- Константинов Фёдор Денисович (1910—1997)* — график, иллюстратор произведений Пушкина и Лермонтова, Гюго и Байрона.
- Кропоткин Пётр Алексеевич (1842—1921)* — князь, русский революционер.
- Кустодиев Борис Михайлович (1878—1927)* — художник, автор картин на темы купеческого быта, театральный художник, иллюстратор.

- Лакшин Владимир Яковлевич (1933—1993)* — критик, литературовед, автор многих книг, воспоминаний, работал с Твардовским в журнале «Новый мир».
- Лебедев Александр Игнатьевич (1830—1898)* — график, автор карикатур, жанровых иллюстраций к произведениям Н. А. Некрасова.
- Максимов Павел Хрисанфович (1892—1977)* — писатель, с 1910 года находился в переписке с Горьким, автор книги «О Горьком. Письма А. М. Горького и встречи с ним».
- Майков Аполлон Николаевич (1821—1897)* — поэт, автор стихотворений, переводов, поэм, эпиграмм, драм в стихах и др.
- Маршак Самуил Яковлевич (1887—1964)* — поэт, автор стихотворений для детей («Сказка о глупом мышонке», «Почта», «Багаж», «Вот какой рассеянный»), автор сатирических стихотворений, эпиграмм, переводов.
- Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941)* — писатель, с 1920 года в эмиграции, автор стихотворений, критических статей.
- Наровчатов Сергей Сергеевич (1919—1981)* — поэт, автор сборников стихотворений, поэм, рассказов, статей.
- Новиков Иван Алексеевич (1877—1959)* — писатель, автор романов, книг, рассказов («Пушкин в изгнании»), пьес, стихотворений.
- Панова Вера Фёдоровна (1905—1973)* — русская писательница, автор повестей, рассказов, романов («Спутники», «Проводы белых ночей», «Заметки литератора» и др.).
- Паустовский Константин Георгиевич (1892—1968)* — писатель, автор повестей («Северная повесть»), романов, сказок, заметок о писательском труде («Золотая роза»), пьес, воспоминаний.
- Плетнёв Пётр Александрович (1792—1866)* — поэт, критик, автор посланий, статей («Заметка о сочинениях Жуковского и Батюшкова», «И. А. Крылов») и др.
- Плещёв Алексей Николаевич (1825—1893)* — поэт, автор стихотворений («Вперёд, без страха и сомненья...», «По чувствам братья мы с тобой...» и др.).
- Приходько Владимир Александрович (род. в 1935 г.)* — поэт, автор детских книг, стихотворений.
- Прокофьев Александр Андреевич (1900—1971)* — поэт, автор книг, стихов («Полдень», «Победа»), поэм («Россия», «Юность»), статей.

- Разумовский Юрий Георгиевич (1919—2000)* — поэт, автор сборников стихотворений («Радуга», «Вереница», «Наедине»), переводов, детских книг.
- Рёпин Илья Ефимович (1844—1930)* — русский художник, автор картин («Бурлаки на Волге», «Не ждали», «Иван Грозный и сын его Иван»), портретов, иллюстраций и т. д.
- Рёмский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908)* — композитор, автор опер («Майская ночь», «Псковитянка», «Садко», «Золотой петушок»).
- Россолимо Григорий Иванович (1860—1928)* — врач, один из основоположников детской неврологии в СССР.
- Сельвинский Илья Львович (1899—1968)* — поэт, автор стихотворений, поэм, пьес в стихах («Царевна Лебедь» и др.).
- Серов Владимир Александрович (1910—1968)* — художник, автор картин, посвящённых нашей истории.
- Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915—1979)* — писатель, автор книг стихотворений («С тобой и без тебя», «Фронтовые стихи» и др.), поэм, романов, пьес («Дни и ночи» и др.).
- Скотт Вальтер (1771—1832)* — английский писатель, автор поэм, романов («Роб Рой», «Квентин Дорвард», «Айвенго» и др.).
- Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882)* — писатель, автор рассказов, повестей, стихотворений.
- Сологуб Фёдор Кузьмич (1863—1927)* — поэт, автор стихотворений, новелл, легенд, воспоминаний, переводов.
- Станиславский Константин Сергеевич (1863—1938)* — режиссёр, актёр, педагог, теоретик театра, основатель Московского Художественного театра.
- Сүриков Василий Иванович (1848—1916)* — русский художник, автор картин («Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Берёзове», «Боярыня Морозова» и пр.), иллюстраций к «Борису Годунову» и др.
- Сурков Алексей Александрович (1899—1983)* — поэт, автор стихотворений, баллад, песен («Наступление», «Ровесники», «Землянка», «Тёмная ночь» и др.).
- Тютчев Фёдор Иванович (1803—1873)* — поэт, автор стихотворений («Весенняя гроза», «Чародейкою Зимою...», «Умом Россию не понять...»), переводов Байрона, Гёте, Шекспира, Шиллера и др.

- Уткин Иосиф Павлович (1893—1944)* — поэт, автор поэтических сборников, поэм («О родине. О дружбе. О любви», «Повесть о рыжем Мотэле», «Милое детство» и др.).
- Фет Афанасий Афанасьевич (1820—1892)* — поэт, автор циклов стихотворений, поэм, баллад, воспоминаний («Весна», «Осень» и др.).
- Цветаева Марина Ивановна (1892—1941)* — поэт, с 1922 по 1939 год в эмиграции, автор стихотворений и поэтических сборников («Вёрсты», «Волшебный фонарь», «Царь-девица», «Молодец»).
- Чернышёвский Николай Гаврилович (1828—1889)* — писатель, общественный деятель, автор романа «Что делать?».
- Чуковский Корней Иванович (1882—1969)* — писатель, литературовед, автор сказок для детей («Тараканище», «Айболит», «Телефон» и др.), книги «От двух до пяти», книг о писателях («Мастерство Некрасова», «О Чехове»), о языке («Живой, как жизнь»).
- Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888—1982)* — писательница, автор многих романов, пьес, рассказов, очерков («И. А. Крылов», «Шевченко» и др.), статей, дневников, воспоминаний (о Д. Шостаковиче, С. Рахманинове и др.).
- Шмаринов Дементий Алексеевич (1907—1995)* — художник, автор иллюстраций к произведениям А. Пушкина, Л. Толстого.
- Эренбурґ Илья Григорьевич (1891—1967)* — писатель, автор романов, повестей, рассказов, поэтических сборников («Люди и годы» и др.).
- Юзефович Михаил Владимирович (1802—1889)* — археолог, друг А. Пушкина.

Роды литературы

Эпос	Лирика	Драма
Эпические произведения	Лирические произведения	Драматические произведения

В пределах каждого рода выделяется множество видов, которые называются жанрами.

В эпосе — эпопея, былина, сказка, роман, повесть, поэма, рассказ, очерк, басня.

В драматическом роде — трагедия, комедия, драма.

В лирике — стихотворение, романс, послание, элегия.

Баллада

Баллада возникла в европейской поэзии в Средние века первоначально во Франции и была хороводной песней (слово «баллада» — ballade происходит от ballar — плясать).

В Германии баллада также была сначала лирической хороводной песней, но затем приняла лиро-эпическую форму. Её сюжет составляли сказания, легенды или античные мифы.

В Англии в основу баллад легли фантастические, легендарно-исторические или бытовые события. Таковы баллады о справедливом народном герое Робине Гуде, о подвигах рыцарей, о великодушии и коварстве людей, о любви и смерти, о мертвецах.

В России народные баллады — это лирические песни на исторические или бытовые сюжеты («Ванька-ключник», «Сестра и братья-разбойники», «Конь и сокол», «Горе»). Из народной поэзии баллада перешла в литературу. Создателем самостоятельного литературного жанра баллады в русской поэзии был В. А. Жуковский. Им написано около сорока баллад. Среди них оригинальные («Светлана», «Двенадцать спящих дев», «Эолова арфа») и переводные («Людмила», «Лесной царь», «Кубок», «Суд Божий над епископом» и другие). После Жуковского баллада прочно вошла в русскую литературу. Несколько баллад написано А. С. Пушкиным («Песнь о вещем Олеге», «Жених», «Утопленник», «Гусар»), М. Ю. Лермонтовым («Три пальмы»,

«Воздушный корабль», «Пленный рыцарь», «Морская царевна» и другие). В дальнейшем мы встречаем балладу у А. Фета, А. К. Толстого и многих других русских поэтов XIX века.

Жанр баллады заметно обновили русские поэты XX века: С. Есенин, Э. Багрицкий, И. Уткин, Н. Рыленков, Р. Рождественский.

В целом баллада представляет собой лирическое стихотворение с напряжённым, острым сюжетом. Герои в балладе вступают в конфликт (спор, разногласие, столкновение) друг с другом, с самой судьбой, т. е. внешними, неподвластными им силами.

Таким образом, сюжет в балладе может быть и легендарным, и историческим, и фантастическим. Баллада нередко содержит моральный урок и несёт поучительный смысл. Например, в балладе Пушкина «Песнь о вещем Олеге» столкновение князя и кудесника намекает на конфликт между земным владыкой и вдохновенным пророком.

В. И. Коровин

Проверьте себя

1. Расскажите о балладах, их возникновении, особенностях, героях. Чем нравится вам этот жанр? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос, приводя примеры из баллад различных авторов.
2. Какие баллады вы читали самостоятельно?

Драма, драматическое произведение, диалог

Драма (*гр.* drama — действие). Обычно пьесы предназначены для постановки на сцене, и поэтому в них многое рассчитано на игру актёров, декорации, музыку.

Своё отношение к героям драматург раскрывает через их слова и поступки.

Средствами характеристики действующих лиц в драме являются развёрнутые высказывания одного лица — монологи, разговоры двух или нескольких лиц — диалоги, короткие реплики, т. е. пояснения, которыми автор сопровождает ход действия в пьесе.

Диалог мы встречаем и в рассказах, повестях, но там диалог встречается лишь время от времени, в драме диалог — основное средство изображения жизни. В диалогах проявляется борьба,

напряжённое взаимодействие героев. Р е м а р к и — авторские замечания — могут давать сведения о возрасте, внешнем облике персонажей, а также их душевном состоянии, движениях, жестах, интонациях. Перед актами, сценами (вспомним сцену в Чудовом монастыре из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина) в ремарках даются описания места действия, обстановки.

При чтении пьес нужно воображать, мысленно представлять себе героев пьесы в подсказанной ремарками обстановке, видеть их в живом действии.

У истоков европейской драмы были древнегреческие трагики — Эсхил, Софокл. Особый расцвет драма получила в XIX—XX веках. Назовём некоторых авторов русской драмы: А. Пушкин, М. Лермонтов, М. Булгаков, А. Вампилов и др.

?! Проверьте себя

Что такое драма и какие драматические произведения вам известны? Какими вы представляете героев в сцене в Чудовом монастыре? Прочитайте эту сцену по ролям.

Поэма

Поэма (*гр.* ποιῆμα — делаю, творю) — крупное стихотворное произведение эпического, повествовательного или лирического характера.

Первоначально поэмы были эпическими («Одиссея» и «Илиада» Гомера) или историко-героическими («Пётр Великий» М. В. Ломоносова). Затем поэмы приобрели новый вид: в них усилились черты лиризма, и они уже стали не эпическими, а лиро-эпическими произведениями. Таковы поэмы Байрона, Пушкина, Лермонтова и т. д. Теперь в поэмах соединяются черты произведений повествовательных, эпических (сюжетность, отражение жизни в виде повествований о героях и событиях) и лирических (открытое выражение чувств автора, героя).

Так, в «Песне про... купца Калашникова» рассказывается о столкновении Калашникова с царским опричником Кирибеевичем, а затем и с самим царём. О событиях повествуют и гуслиеры, которые воспевают мужество и силу духа Калашникова, рисуют страшную и величественную фигуру царя, со смешанным чувством осуждения и сочувствия говорят о Кирибеевиче. Их устами автор даёт оценку происходящему.

?! Проверьте себя

Дайте определение поэме и назовите известные вам поэмы. Чем интересны для вас герои этих произведений?

Герой литературного произведения (литературный герой)

Героем называют мужественного человека, способного на подвиг или совершившего его, человека, которым восхищаются.

Это слово может иметь и другое, более широкое значение: активный участник тех или иных событий (герой этой истории, этого приключения; герой спортивных состязаний и т. д.). Герой литературного произведения — действующее лицо, персонаж произведения (*лат. persona* — персона, лицо, маска).

Жизнь героев произведения — события этой жизни, размышления героев (и автора) по поводу этих событий, душевные страдания и радости — делает произведение увлекательным и близким читателю. Многое может рассказать о герое обстановка, в которой он живёт. Понять настроение героев помогает и пейзаж.

В своей работе над литературными произведениями вы можете пользоваться примерным планом характеристики героя литературного произведения (*гр. character* — черта, особенность). Этот план поможет вам сосредоточивать внимание на главном при обдумывании своей оценки героя, отношения к нему.

Примерный план характеристики героя литературного произведения

1. Место, занимаемое героем в произведении.
2. Общественное и семейное положение героя; обстановка, в которой он живёт.
3. Манера держаться, внешность, особенности костюма.
4. Речь героя.
5. Поступки, особенности поведения, деятельности, влияние на окружающих.
6. Понимание героем целей жизни, его основные интересы.
7. Чувства литературного героя, его отношение к другим действующим лицам.
8. Отношение других действующих лиц к данному герою.
9. Отношение автора к герою и значение героя в раскрытии идеи произведения.

?! Проверьте себя

1. Кто из героев прочитанных в этом году произведений показался вам особенно интересным? Чем?

2. Расскажите об одном из героев Пушкина или Лермонтова, Бунина или Платонова (на выбор), опираясь на предложенный план характеристики героя (персонажа) литературного произведения.

Юмор, сатира.

О смешном в литературном произведении

Давайте поговорим ещё раз о смешном в произведении, о задаче, которую выполняет смех... Но разве смех может «выполнять задачу»? Ведь смех — это просто когда смешно! Верно. Однако смех смеху рознь, и писателю вовсе не безразлично, каким смехом будет смеяться читатель.

Смех бывает весёлый, добрый, и тогда мы называем его юмористическим.

К произведениям юмористическим можно отнести хорошо вам известные стихи С. В. Михалкова о дяде Стёпе. Мы смеёмся над тем, как дядя Стёпа «разыскивал на рынке величайшие ботинки», «разыскивал штаны небывалой ширины». Нам смешно, например, когда старый Тарас Бульба начинает «биться на кулаки» с сыновьями, только что возвратившимися домой после долгой разлуки, т. е. в минуту, которая, по нашим представлениям, должна быть торжественной и трогательной.

А бывает смех злой, гневный — сатирический. Он зовёт людей к протесту, пробуждает презрение к персонажу или явлению, вызывает негодование. Жизненное зло отзывается в душе писателя острой болью, которая отражается в сатирическом произведении...

Сатирическое произведение у вдумчивого читателя всегда вызывает не только смех, но и грустное чувство или чувство возмущения, потому что писатель-сатирик разоблачает явления, мешающие счастью людей.

Чтобы читатель лучше понял то, что кажется автору особенно важным, писатель-сатирик обычно не рассказывает обо всех подробностях жизни героев, а всё время старается выделить в их жизни и характерах самое главное. В генералах из сказки Салтыкова-Щедрина — это тунеядство, паразитизм, стремление присвоить себе плоды чужого труда, а в мужичке — умение работать и темнота, отсутствие протеста против своей тяжёлой судьбы.

Преувеличение (гипербола) и гротеск помогают писателю беспощадно высмеять социальное зло, воздействовать на душу читателя.

Смешное, или, как чаще говорят в науке о литературе, комическое, возникает, когда писатель хочет показать какую-то несообразность, какое-то несоответствие, иногда даже нелепость в жизненных явлениях, в отношениях людей, их поведении. Мы смеёмся, когда некрасивое во что бы то ни стало хочет представить себя прекрасным, ничтожное, мелкое — высоким, слабое — сильным, неинтересное — интересным, глупое — умным и т. д.

Смеясь, обличая и гневно протестуя против социальной несправедливости, пороков людей, мастера смеха, писатели проникаются огромным сочувствием и любовью к человечеству, простым людям, несправедливо угнетаемым, отстаивают высокие идеалы добра и справедливости.

По Э. Ю. Цюрюпе

Проверьте себя

1. Какие эпизоды из сказок, повестей, прочитанных вами в классе и дома, вызвали у вас весёлый, добродушный смех? Против чего были направлены эти «весёлые стрелы смеха»?
2. Приведите примеры гиперболы и гротеска из «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» или «Дикого помещика». Объясните их значение для текста сказок Салтыкова-Щедрина.
3. Какую роль выполняет смех в художественном произведении? Назовите авторов юмористических и сатирических произведений, известных вам.

Учимся читать выразительно

Подготовьте чтение одного из сатирических или юмористических произведений Салтыкова-Щедрина или Чехова к школьному вечеру юмора и сатиры.

Публицистика

Публицистика (*лат.* publicus — общественный) — это книги, статьи, заметки, обзоры, рецензии, интервью, корреспонденции, очерки, которые освещают актуальные, злободневные вопросы и показывают явления общественной жизни.

Публицист рассказывает о современных проблемах, разъясняет, убеждает, обличает, призывает к действию, агитирует, про-

пагандирует. Вот почему в публицистических произведениях сочетаются особенности научного сочинения, ораторская речь и непринуждённая живость разговорной речи. В сочинениях выдающихся публицистов мы найдём образные выражения, метафоры, сравнения.

Художественные образы в публицистике не внешнее украшение, они неразрывно связаны с размышлениями. Являясь произведениями искусства, публицистические произведения выполняют и практическое назначение. Так, в освещении жизни деревни необычайно важна роль произведений Г. Троепольского, Ю. Черниченко и других авторов, которые публицистически остро подняли вопросы сельской жизни. К молодёжи обращена книга Д. С. Лихачёва «Земля родная».

Творческое задание

На что обращает наше внимание Д. С. Лихачёв и чем интересны его наблюдения? Подготовьте рассказ публицистического характера о своём родном крае.

Автобиография (гр. autos — сам, bios — жизнь, grapho — пишу) — литературно-прозаический жанр, описание автором собственной жизни. Литературная автобиография — попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить и осмыслить наиболее значительные отрезки жизни и жизнь как единое целое.

Аллегория (гр. allēgoria — иносказание) — иносказательное изображение предмета, явления с целью наиболее наглядно показать его существенные черты.

Аллитерация (лат. ad — со, littera — буква, т. е. собуквие) — повторение однородных согласных звуков, придающее литературному тексту особую звуковую и интонационную выразительность (например: «В сто сорок солнц закат пылал...» — В. В. Маяковский).

Амфибрахий (гр. amphī — кругом, brachys — краткий) — трёхсложный размер стиха с ударением на втором слоге (— ´ —).

Анализ произведения в литературоведении (гр. analysis — разложение, расчленение) — исследовательское прочтение художественного текста.

Анапест (гр. anapaistos — отражённый назад, обратный дактилю) — трёхсложный размер стиха с ударением на третьем слоге (— — ´).

Аннотация — краткое изложение книги, рукописи, статьи.

Антитеза (гр. antithesis — противоположение) — противопоставление образов, картин, слов, понятий.

Архаизм (гр. archaios — древний) — устаревшее слово или словосочетание, грамматическая или синтаксическая форма.

Афоризм (гр. aphorismos — изречение) — обобщённая глубокая мысль, выраженная в лаконичной, краткой, художественно заострённой форме. Афоризм сродни пословице, но в отличие от неё принадлежит определённому лицу (писателю, учёному и т. д.).

Баллада (прованс. ballar — плясать) — стихотворение, в основе которого чаще всего лежит историческое событие, предание с острым напряжённым сюжетом. (См. подробнее во второй части раздела.)

Басня — краткий нравоучительный стихотворный или прозаический рассказ, в котором есть аллегория, иносказание. Дейст-

вующими лицами в басне чаще всего выступают животные, растения, вещи, в которых проявляются, угадываются человеческие качества и взаимоотношения. (Басни Эзопа, Лафонтена, А. Сумарокова, И. Дмитриева, И. Крылова, пародические басни Козьмы Пруткова, С. Михалкова и др.)

Беллетристика (фр. belles lettres — изящная словесность) — в широком смысле слова — художественная литература, в более узком — художественная проза, в отличие от поэзии, драматургии.

Белый стих (англ. blank verse) — нерифмованный стих, появился в XVI веке (например, так написан «Борис Годунов» А. С. Пушкина).

Бестселлер (англ. best — лучший и sell — продаваться) — книга, имеющая особый коммерческий успех, пользующаяся читательским спросом.

«*Библиотека поэта*» — серия книг, посвящённая творчеству крупнейших поэтов, отдельным поэтическим жанрам («Русская баллада», «Русские былины» и др.). Основана серия М. Горьким в 1931 году.

Библия (гр. biblia — буквально «книги») — собрание древних текстов религиозного содержания, считающихся священными для иудеев и христиан.

Былина — жанр русского фольклора, героико-патриотическая песня о богатырях и исторических событиях. (См. статью в разделе, посвящённом этой теме.)

Вопленицы (плакальщицы) — исполнительницы причитаний (И. Федосова, М. Крюкова и др.).

Герой литературного произведения, литературный герой — действующее лицо, персонаж литературного произведения. (См. подробно во второй части данного раздела.)

Гипербола (гр. hyperbolē — преувеличение) — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета. Вводится в ткань произведения для большей выразительности, характерно для фольклора, поэзии романтизма и жанра сатиры (Н. Гоголь, М. Салтыков-Щедрин, В. Маяковский).

Гротёск (фр. grotesque, итал. grottesco — причудливый, от grotta — грот) — предельное преувеличение, основанное на фантастике, на причудливом сочетании фантастического и реального.

Дактиль (гр. dactylos — палец) — трёхсложный размер стиха с ударением на первом слоге (— — —).

Двуслóжные стихотворные разméры — ямб (— —), хорей (— —).

Детáль (фр. *détail* — подробность) — выразительная подробность в произведении. Деталь помогает острее и глубже представить читателю, зрителю время, место действия, внешний облик персонажа, характер его мыслей, почувствовать и понять авторское отношение к изображаемому.

Диáлог (гр. *dialogos* — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц. Диалог — основная форма раскрытия человеческих характеров в драматургических произведениях (песах, киносценариях).

Дрáма (гр. *drama* — действие) — произведение, предназначенное для постановки на сцене. (См. подробно во второй части данного раздела.)

Жанр (фр. *genre* — род, вид) — вид художественного произведения, например басня, лирическое стихотворение, повесть.

Завязка — событие, знаменующее начало развития действия в эпических и драматических произведениях.

Звúкопись в стихосложéнии — система звуковых повторов, подобранных с расчётом на усиление звуковой выразительности речи.

Идéя (гр. *idea* — идея) — основная мысль художественного произведения.

Инвёрсия (лат. *inversio* — перестановка) — необычный порядок слов. Инверсия придаёт фразе особую выразительность.

Интервúю — предназначенная для печати беседа (журналист и писатель, учёный и студент и пр.).

Интерпретáция (лат. *interpretatio* — объяснение) — истолкование литературного произведения, постижение его смысла, идеи.

Интóнация (лат. *intonare* — громко произношу) — выразительное средство звучащей речи. Интонация даёт возможность передать отношение говорящего к тому, что он говорит.

Ирóния (гр. *eironeia* — притворство, насмешка) — скрытая насмешка.

Компóзиция (лат. *compositio* — составление, соединение) — расположение, т. е. построение, произведения.

Крылатые слова — широкоупотребительные меткие слова, образные выражения, известные изречения исторических лиц.

Кульминация (лат. *culmen (culminis)* — вершина) — момент наивысшего развития действия в художественном произведении.

Культу́ра речи — уровень речевого развития, степень владения нормами языка.

- Легенда** (лат. *legenda* — буквально «то, что следует прочесть») — произведения, созданные народной фантазией, где сочетается реальное и фантастическое.
- Летопись** — памятники исторической прозы Древней Руси, один из основных жанров древнерусской литературы.
- Литературовед** — специалист, изучающий закономерности историко-литературного процесса, анализирующий творчество одного или нескольких писателей.
- Литературоведение** — наука о сущности и специфике художественной литературы, о закономерностях литературного процесса.
- Метафора** (гр. *metaphora* — перенос) — переносное значение слова, основанное на сходстве или противопоставлении одного предмета или явления другому.
- Монолог** (гр. *monos* — один и *logos* — речь, слово) — речь одного человека в художественном произведении.
- Неологизмы** (гр. *neos* — новый и *logos* — слово) — слова или словосочетания, созданные для обозначения нового предмета или явления, или индивидуальные новообразования слов.
- Ода** (гр. *ōdē* — песня) — торжественное стихотворение, посвящённое какому-то историческому событию или герою.
- Олицетворение** — перенесение человеческих черт на неодушевлённые предметы и явления.
- Описание** — вид повествования, в котором изображается картина (портрет героя, пейзаж, вид комнаты — интерьер и пр.).
- Пейзаж** (фр. *paysage*, от *rays* — местность) — картина природы в художественном произведении.
- Повесть** — один из видов эпического произведения. Повесть больше по объёму и охвату жизненных явлений, чем рассказ, и меньше, чем роман.
- Подтекст** — подспудный, неявный смысл, не совпадающий с прямым смыслом текста.
- Портрет** (фр. *portrait* — изображение) — изображение внешности героя в произведении.
- Пословица** — краткое, крылатое, образное народное изречение, имеющее поучительный смысл.
- Поэма** (гр. *poiēma* — творение) — один из видов лиро-эпических произведений, для которых характерны сюжетность, событийность и выражение автором или лирическим героем своих чувств.

Притча — небольшой рассказ, иносказание, в котором заключено религиозное или моральное поучение.

Прóза (лат. *proza* — прямая, свободно движущаяся речь) — литературное нестихотворное произведение.

Псевдо́ним (гр. *pseudos* — вымысел, ложь и *опута* — имя) — вымышленное имя, которым автор заменяет своё настоящее имя. Некоторые псевдонимы быстро исчезали (В. Алов — Н. В. Гоголь), другие вытеснили настоящую фамилию (Максим Горький вместо А. М. Пешков), даже передавались наследникам (Т. Гайдар — сын А. П. Гайдара); иногда псевдоним присоединяется к настоящей фамилии (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Публици́стика (лат. *publicus* — общественный) — род литературы и журналистики, рассматривает актуальные политические и экономические проблемы. (См. подробнее во второй части раздела.)

Разв́язка — один из элементов сюжета, заключительный момент в развитии действия в художественном произведении.

Расска́з — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Реце́нзия — один из жанров критики, отзыв на художественное произведение с целью его оценки и разбора. Отзыв содержит некоторые сведения об авторе произведения, формулировку темы и главной мысли книги, рассказ о её героях с суждениями об их поступках, характерах, взаимоотношениях с другими лицами. В отзыве отмечаются и самые интересные страницы книги. Важно раскрыть и позицию автора книги, его отношение к героям, их поступкам.

Ритм (гр. *rhythmos* — такт, соразмерность) — повторение каких-либо однозначных явлений через равные промежутки времени (например, чередование ударных и безударных слогов в стихе).

Рито́рика (гр. *ritorike*) — наука об ораторском искусстве.

Рифма (гр. *rhythmos* — соразмерность) — созвучие окончаний стихотворных строк.

Романти́зм, романти́ческий — направление в литературе, проникнутое стремлением показать в ярких образах высокое назначение человека (например, М. Горький. «Старуха Изергиль»).

Сати́ра (лат. *satira* от *satura* (lanx) — буквально «смесь, всякая всячина») — беспощадное, уничтожающее осмеяние, критика

действительности, человека, явления (сатира М. Салтыкова-Щедрина).

Сравнѣние — изображение одного явления с помощью сопоставления его с другим.

Средства художественной выразительности, или художественные средства (например, аллегория, метафора, гиперболла, гротеск, сравнение, эпитет и др.), помогающие нарисовать человека, событие или предмет ярко, конкретно, наглядно.

Стихотворѣние — написанное стихами произведение, преимущественно небольшого объѣма, часто лирическое, выражающее душевные переживания.

Стихотворѣние в прозе — один из видов лирических произведений в прозаической форме. Обладает такими признаками лирического стихотворения, как небольшой объѣм, эмоциональность, бессюжетность (например, стихотворения в прозе И. С. Тургенева).

Строфа́ (гр. *strophē* — поворот) — группа стихов (строк), составляющих единство. Стихи в строфе связаны определённым расположением рифм.

Сюжет (фр. *sujet* — предмет, содержание, событие) — ряд событий, описанных в художественном произведении, положенных в его основу.

Тѣма (гр. *thema*) — круг жизненных явлений, изображённых в произведении; круг событий, образующих жизненную основу произведения.

Трагѣдия (гр. *tragōdia* — буквально «козлиная песнь») — вид драмы, противоположный комедии, произведение, изображающее борьбу, личную или общественную катастрофу, обычно оканчивающуюся гибелью героя.

Трёхсложные стихотворные размеры — дактиль (— — —), амфибрахий (— — —), анапест (— — —).

Устное народное творчество, или фольклор, — искусство устного слова, создаваемое народом и бытующее в широких массах. Наиболее распространѣнные виды фольклора — пословица, поговорка, сказка, песня, загадка, былина.

Фантастика (гр. *phantastikē* — способность воображать) — разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел простирается до создания вымышленного, нереального, «чудесного» мира.

Хѳкку (хайку) — трёхстишное лирическое стихотворение в японской поэзии.

- Хорей* (гр. choreios, буквально — плясовой; трохей (гр. trochais, буквально — бегущий)) — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге (— —).
- Художественное произведение* — произведение искусства, изображает события и явления, людей, их чувства в яркой образной форме.
- Цитата* — дословная выдержка из какого-либо текста или дословно приводимые чьи-то слова.
- Эзопов язык* (от имени древнегреческого баснописца Эзопа) — особый вид письма, иносказание (например, эзопов язык произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина).
- Экспозиция* (лат. expositio — изложение, объяснение) — обрисовка положения действующих лиц, в котором они находятся до начала действия.
- Элегия* (гр. elegeia, от elegos — жалобная песня) — стихотворение средней длины, обычно печального содержания, проникнутое грустью.
- Эпиграмма* — короткое сатирическое стихотворение, зло высмеивающее какое-либо лицо или общественное явление.
- Эпиграф* (гр. epigraphē — надпись) — короткий текст, помещаемый автором перед текстом сочинения и выражающий тему, идею, настроение произведения.
- Эпизод* (гр. epeisodion — буквально «вставка») — относительно самостоятельная единица действия произведения, отрывок (фрагмент), в котором говорится о законченном событии, происшествии.
- Эпитет* (гр. epitheton — буквально «приложенное») — образное определение предмета, выраженное преимущественно прилагательным.
- Эссе* (фр. essai — попытка, проба, очерк) — прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу.
- Юмор* (англ. humour — нрав, настроение) — всё, что может вызывать смех или улыбку. Юмор — смех веселый и доброжелательный.
- Ямб* (гр. iambos) — двусложный размер с ударением на втором слоге (— —).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Иван Алексеевич Бунин	3
<i>В творческой лаборатории И. А. Бунина</i>	5
<i>Проверьте себя</i>	7
Цифры.	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	17
<i>Читаем самостоятельно</i>	—
<i>Обогащаем свою речь</i>	18
<i>Творческое задание (опыт литературоведческого исследования)</i>	—
<i>Учимся читать выразительно</i>	—
Максим Горький	20
<i>Из воспоминаний и писем</i>	21
<i>...Из писем М. Горького Павлу Максимову</i>	22
<i>Проверьте себя</i>	—
<i>Детство (В сокращении)</i>	23
<i>Размышляем о прочитанном</i>	84
<i>Фонохрестоматия. М. Горький. «Детство» (Отрывок)</i> ...	—
<i>Литература и другие виды искусства</i>	85
<i>Читаем самостоятельно</i>	—
<i>Данко (Отрывок из рассказа «Старуха Изергиль»)</i>	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	89
<i>Совершенствуем свою речь</i>	—
<i>Учимся читать выразительно</i>	90
<i>Литература и другие виды искусства</i>	—
Леонид Николаевич Андреев	91
<i>В творческой лаборатории Леонида Андреева</i>	—
<i>Проверьте себя</i>	92
Кусака	93
<i>Размышляем о прочитанном</i>	101
<i>Творческое задание</i>	—
Владимир Владимирович Маяковский	102
<i>В творческой лаборатории В. В. Маяковского (Из воспоминаний)</i>	103
<i>«Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»</i>	107
<i>Размышляем о прочитанном</i>	111

<i>Учимся читать выразительно</i>	111
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Фонохрестоматия. В. В. Маяковский.</i> <i>«Необычайное приключение, бывшее с Владимиром</i> <i>Маяковским летом на даче»</i>	—
Хорошее отношение к лошадям.....	112
<i>Проверьте себя</i>	113
<i>Фонохрестоматия. В. В. Маяковский. «Хорошее</i> <i>отношение к лошадям»</i>	114
<i>Обогащаем свою речь</i>	—
<i>Литература и другие виды искусства</i>	—
<i>Творческое задание</i>	115
<i>Андрей Платонович Платонов</i>	116
<i>Проверьте себя</i>	118
Юшка.....	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	125
<i>Фонохрестоматия. А. П. Платонов. «Юшка»</i>	126
<i>Читаем самостоятельно</i>	—
В прекрасном и яростном мире.....	127
<i>Размышляем о прочитанном</i>	140
<i>Совершенствуем свою речь</i>	141
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Борис Леонидович Пастернак</i>	142
<i>В творческой лаборатории Б. Л. Пастернака</i>	143
«Никого не будет дома...».....	144
<i>Фонохрестоматия. Б. Л. Пастернак. «Никого не будет</i> <i>в доме...»</i>	145
Июль.....	—
<i>Фонохрестоматия. Б. Л. Пастернак. «Июль»</i>	146
<i>Размышляем о прочитанном</i>	—
<i>Учимся читать выразительно</i>	—
<i>Обогащаем свою речь</i>	—
<i>Александр Трифонович Твардовский</i>	148
<i>Из воспоминаний об А. Т. Твардовском</i>	150
<i>Уроки Твардовского</i>	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	151
«Снега потемнеют синие...».....	—
«Июль — макушка лета...».....	152
<i>Фонохрестоматия. А. Т. Твардовский. «Июль — макушка</i> <i>лета...»</i>	—
«На дне моей жизни...».....	153

Фонохрестоматия. А. Т. Твардовский. «На дне моей жизни...»	153
Обогащаем свою речь	154
Творческое задание	—

ЧАС МУЖЕСТВА

Интервью с участником Великой Отечественной войны Юрием Георгиевичем Разумовским о военной поэзии	155
Фонохрестоматия. А. А. Ахматова. «Мужество»	162
Фонохрестоматия. Е. М. Винокуров. «Москвичи»	163
Песня на стихи Е. М. Винокурова «Москвичи»	163
Творческое задание	—
Совершенствуем свою речь	—
Проект	164
Фёдор Александрович Абрамов	165
Проверьте себя	166
О чём плачут лошади	—
Размышляем о прочитанном	172
Совершенствуем свою речь	173
Евгений Иванович Носов	174
Из автобиографии	—
Проверьте себя	176
Творческое задание	—
Кукла	—
Размышляем о прочитанном	182
Кукла	—
Творческое задание	—
Живое пламя	—
Размышляем о прочитанном	185
Юрий Павлович Казаков	186
Писатели и критики о рассказах Ю. П. Казакова ..	187
Тихое утро	—
Размышляем о прочитанном	201
Совершенствуем свою речь	—
Творческое задание	—
Из статьи Ю. Казакова «О мужестве писателя» ..	—
Размышляем о прочитанном	202
Творческое задание	—
Дмитрий Сергеевич Лихачёв	203
Земля родная (Главы из книги)	204

<i>Размышляем о прочитанном</i>	209
<i>Обогащаем свою речь</i>	210
<i>Проект</i>	—

ПИСАТЕЛИ УЛЫБАЮТСЯ

Михаил Михайлович Зощенко	211
<i>Проверьте себя</i>	213
<i>Беда</i>	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	216
<i>Учимся читать выразительно</i>	217
<i>Обогащаем свою речь</i>	—
<i>Фонохрестоматия. М. М. Зощенко. «Беда»</i>	—

«ТИХАЯ МОЯ РОДИНА...»

<i>Стихотворения о родной природе</i>	218
<i>Размышляем о прочитанном</i>	219
Валерий Яковлевич Брюсов	
Первый снег	220
<i>Фонохрестоматия. В. Я. Брюсов. «Первый снег»</i>	221
Фёдор Сологуб	
«Забелелся туман за рекой...»	222
<i>Фонохрестоматия. Ф. Сологуб. «Забелелся туман за рекой...»</i>	—
Сергей Александрович Есенин	
«Топи да болота...»	224
<i>Фонохрестоматия. С. А. Есенин. «Топи да болота...»</i>	225
Николай Александрович Заболоцкий	
«Я воспитан природой суровой...»	226
<i>Фонохрестоматия. Н. А. Заболоцкий. «Я воспитан природой суровой...»</i>	227
Николай Михайлович Рубцов	
Тихая моя Родина	228
<i>Фонохрестоматия. Н. М. Рубцов. «Тихая моя Родина»</i> ...	229
<i>Размышляем о прочитанном</i>	—
<i>Литература и изобразительное искусство</i>	—
<i>В творческой лаборатории писателя</i>	230
<i>Проект</i>	—

ПЕСНИ НА СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ XX ВЕКА

Инна Анатольевна Гофф	
Русское поле.....	231
<i>Фонохрестоматия.</i> И. А. Гофф. «Русское поле».	
Песня на стихи И. А. Гофф «Русское поле». Музыка	
Я. Френкеля	232
Булат Шалвович Окуджава	
По Смоленской дороге.....	233
<i>Фонохрестоматия.</i> Б. Ш. Окуджава. «По Смоленской дороге»	
Песня Б. Ш. Окуджава «По Смоленской дороге».....	—
Александр Николаевич Вертинский	
Доченьки.....	235
<i>Фонохрестоматия.</i> А. Н. Вертинский «Доченьки». Песня	
А. Н. Вертинского «Доченьки».....	236
<i>Литература и другие виды искусства.</i>	237
<i>Проект</i>	—

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ

Расул Гамзатов.....	238
«Земля как будто стала шире...»	
Перевод Я. Козловского.....	239
Из цикла «Восьмистишия». Перевод Н. Гребнева	240
Проверьте себя	—

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Роберт Бёрнс.....	241
<i>Размышляем о прочитанном</i>	243
Честная бедность. Перевод С. Маршака.....	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	244
<i>Учимся читать выразительно.</i>	245
<i>Фонохрестоматия.</i> Р. Бёрнс. «Честная бедность»	—
Джордж Гордон Байрон	246
Ты кончил жизни путь, герой! Перевод А. Плещеева	—
Проверьте себя	247
Учимся читать выразительно.....	—
Читаем самостоятельно.....	—
Японские трёхстишия (хокку).....	248
Мацуо Басё. Перевод В. Марковой	251
Кобаяси Исса. Перевод В. Марковой	252

<i>Размышляем о прочитанном</i>	253
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Фонохрестоматия. Японские трёхстишия. Мацуо Басё.</i> <i>Кобаяси Исса</i>	—
О. Генри	255
<i>Проверьте себя</i>	—
<i>Творческое задание</i>	256
Дары волхвов. <i>Перевод Е. Калашниковой</i>	256
<i>Размышляем о прочитанном</i>	263
<i>Фонохрестоматия. О. Генри. «Дары волхвов»</i>	—
Рэй Брэдбери	264
<i>Радость писать</i>	265
<i>Проверьте себя</i>	269
Каникулы. <i>Перевод Л. Жданова</i>	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	276
<i>Учимся читать выразительно</i>	277
<i>Творческое задание</i>	—

ДЕТЕКТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Размышляем о прочитанном</i>	279
---------------------------------------	-----

ПОРАБОТАЙТЕ САМОСТОЯТЕЛЬНО

<i>Итоговые вопросы и задания</i>	280
<i>Прочитайте летом</i>	282
<i>На пути к выразительному чтению</i>	284
<i>Учимся читать выразительно</i>	287

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ

<i>Литературные места России</i>	288
Л. Н. Андреев	—
Дом музей Л. Н. Андреева	—
М. Горький	289
Музей-квартира М. Горького	—
В. В. Маяковский	290
Государственный музей В. В. Маяковского	—
Б. Л. Пастернак	292
Дом музей Б. Л. Пастернака	—
Словарь имён	293
Справочные материалы по теории литературы	299

Роды литературы	299
Баллада	—
<i>Проверьте себя</i>	300
Драма, драматическое произведение, диалог	—
<i>Проверьте себя</i>	301
Поэма	—
<i>Проверьте себя</i>	302
Герой литературного произведения (литературный герой)	302
Примерный план характеристики героя литературного произведения	—
<i>Проверьте себя</i>	—
Юмор, сатира. О смешном в литературном произведении	303
<i>Проверьте себя</i>	304
<i>Учимся читать выразительно</i>	—
Публицистика	—
<i>Творческое задание</i>	305
<i>Краткий словарь литературоведческих терминов</i> ..	306

Учебное издание

Коровина Вера Яновна
Журавлев Виктор Петрович
Коровин Валентин Иванович

ЛИТЕРАТУРА

7 класс

Учебник для общеобразовательных организаций

В двух частях

ЧАСТЬ 2

Центр гуманитарного образования
Редакция русского языка и литературы
Зав. редакцией *С. И. Красовская*
Ответственный за выпуск *Т. А. Неретина*
Редакторы *Е. И. Правоторова, Е. П. Пронина*
Художественный редактор *А. П. Присекина*
Художник *Ю. В. Христин*
Техническое редактирование
и компьютерная вёрстка *Е. В. Саватеева*
Корректор *Е. Д. Светозарова*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 03.07.15. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 16,33 + 0,44 форз. Доп. тираж 30 000 экз. Заказ № 3841.

Акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано по заказу АО «ПолиграфТрейд»
в филиале «Тверской полиграфический комбинат детской литературы»
ОАО «Издательство «Высшая школа».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.
Тел.: +7(4822) 44-85-98. Факс: +7(4822) 44-61-51

* * *

Догорел апрельский светлый вечер,
По лугам холодный сумрак лег.
Спят грачи; далекий шум потока
В темноте таинственно заглох.

Но свежее пахнет зелеными
Молодой озябший чернозём,
И струится чище над полями
Звёздный свет в молчании ночном.

По лощинам, звёзды отражая,
Ямы светят тихую водой,
Журавли, друг друга окликаая,
Осторожно тянутся гурьбой.

А Весна в зазеленевшей роще
Ждет зари, дыханье затая, —
Чутко внемлет шороху деревьев,
Зорко смотрит в тёмные поля.

И. А. Бунин

И. И. Левитан. «Большая вода»

ISBN 978-5-09-037553-5

9 785090 375535

Учебно-методический комплект по литературе под редакцией В. Я. Коровиной для 7 класса:

• Рабочая программа. Литература. Предметная линия учебников под редакцией В. Я. Коровиной. 5–9 классы

• В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. Литература. 7 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 частях

• Р. Г. Ахмадуллина. Литература. 7 класс. Рабочая тетрадь. В 2 частях

• В. Я. Коровина. «Читаем, думаем, спорим...». Дидактические материалы по литературе. 7 класс

• Н. В. Беляева. Уроки литературы в 7 классе. Поурочные разработки

• Н. В. Беляева. Литература. 5–9 классы. Проверочные работы

Дополнительные материалы к учебнику размещены в электронном каталоге издательства «Просвещение» на интернет-ресурсе www.prosv.ru

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛИТЕРАТУРА